

aýaryp aýaja quşqa keptentir.
 ene saýal enmen tuýlap,
 arsyı tizi sarýartyr.
 aq qan üş tölden ertize çazap,
 üş üjeden ertkençe,
 paýrynañ şyqqan palazy çoyul,
 pasqan çerinde nançy çoyul.
 tužunañ kelip,
 turužar kizi çoq;
 qažynañ kelip,
 körer-qajary çoq.
 aq qannuñ alğan kižizi
 altyn aryğ poltur.
 apşaq qurtujaq odur-kelip,
 aš-pa tabaq çip odurup,
 ajaq-pa pijel aš iş salyp odurýannar.
 amdyyy purup alyp,
 purunyu edip, erbekteštiler,
 purunyu purup alyp,
 amdyyy edip erbekteštiler.
 čüstü čügürtüler,
 muñnu qattyštyrdylar,
 paladañ üčün köp pastandylar.
 «palazy çoq pis çabalduñ
 čaštañ ala kütken aq maľybys
 qarýyan tušta ady paşqazynuñ
 qoluna kir-parar!» ter,
 qaraq čaštaryn ustaq töbere poş qorladyp,
 uluğ sýtqa kirdiler.
 čada-čada kelgennerin —
 aj alyžyp, čyl čylyžyp ertip odur.

anče-minče tem ertken sonda altyn aryğ öreken ajtty: «eze, aq qan,
 paýyan kižim, alton tüben sözüm par saýa ajtcañ, ajdyp perzem, uqaj-
 pedin?» — aq qan apşij ajtty: «eze, čaštañ ala qonýan altyn arı alğan
 kižim, maýa ajtcañ sözünni kemge ajdarzyn? čaqşy sös polza, qulaqqa sijer,
 çabal sös polza, čel çabalı qaq-parar!» — altyn aryğ öreken ajtty: «eze,
 aq qan, añaçañ aq tajýaça añañar quštar şyqpannañ ala pir qyruq čyl ert-

Побелев, чайке [птице] подобной стала.
 Мать борода плечи (собой) заполнила.
 Крепкие зубы [его] пожелтели.
 Три поколения минуя, прожил,
 Третье колено пока проходил [Ак Кан],
 [Из печени выходящего] ребенка у него не было.
 На земле, где ступал (он), друга у него не было.
 Когда тяжелое время подойдет,
 Защитить его некому.
 Если тяжелая пора придет,
 Заступиться за него некому.
 Жена у Ак Кана
 Алтын Арыг была.
 Сидя, старик и старуха
 С питьем еду ели.
 В чашку еду и питье накладывали.
 Нынешнее обратив,
 Прежним сделав, беседовали.
 Былое обратив,
 Нынешним сделав, беседовали.
 Сотню слов пускали в бег,
 Тысячу соединяли.
 По ребенку спльно тосковали:
 «У нас несчастных, ребенка не имеющих,
 Белый скот нам нажитый
 На старости лет в чужке руки попадет» [говоря].
 Слезы из глаз на колени [журча] проливали.
 Сильно рыдая, в плач великий они вступили.
 Жили-жили, — месяц сменялся месяцем, год сменялся годом.

Много ли, мало ли времени прошло, Алтын Арыг, старуха, сказала:
 «О, Ак Кан, муж мой! Шестьдесят заповедных слов у меня есть, их должна
 сказать я тебе. Если я скажу — будешь ли слушать?» Старик Ак Кан
 сказал: «О, жена моя, Алтын Арыг, с которой прожил я с молодых
 лет, мне не сказавши, слова твои кому скажешь? Если слово хорошее
 будет, пусть в ухо провикнет, если худое слово — пусть унесет злой ветер!»
 Старуха Алтын Арыг сказала: «О, Ак Кан, уже прошло сорок лет, как ты
 не поднимался в белую твою тайгу охотиться на птиц и зверей. Как это
 до сих пор ты не охотишься на птиц и зверей!» [сказала]. Это услышав,

pardy. qajde po šenge tönçe aňnap quştap şyqpaçaň poňanzyň!» tedi. — any uqqan aq qan ajtty: «şynap-ta şyn! aňnap quştap şyqpannaň aľa tyň ür pöl-pardym. pir toýus künge aňnap quştap şyyp enejin!» tep. ałtyn ustaldyň arıazynaň tura pasty. qyryq qatpaş tübüne kire pasty. ispeške turıan qara şojun qujayyn qatap püktep qatandy, sunduq tübünde çatqan odus qat ödügün alyp kesti. aq qan ałtyn aryg öreken-me ezen menči surazybalyp, ałtyn örgeden şyga pasty. aqoj atqa ögür-paryp, öügen suqtu, ebir-kelip, ezer saldy. aq qan aqoj adyna çaryanat quş-çe çapşyndy. aq maıdy arıap şyqty, albatqy çonnu tekşilep şyqty. uluğ çurtuň użuna şyqqanda qydat parıan izeñezin qyna tepti. aqoj attyň pasqan azaq par poldu, parıan çeri çoq poldu.

aq qan aňnaçaň aq tajıazyna şyyp, anaň körgeni — quryunnuğ quş çaqşy tegri tuılap uçqça; äzyra tuıyaqtyg aň çaqşy çazy tuılap ögürçä. qanattyg quş aq qannyň oyu any tegip adaryn pilip, yılapça, äzyra tuıyaqtyg aň aq qannyň oyu uçup adaryn sezip, şyqtapça. aq qan aňnyň sebizin talap atty, quştuň sebizin-oq talap atty. aqoj adyna aň quş artybalyp, nänmıza perdi.

aq qan po künü çaryqty ebire körüp nänm odurıan tużunda aq tajıazynyň pir çany użunda aq qyr qulun-ma aq saryg qulun ögürüp pārbys-tylar. aq qan nana-nanā kelgenin — sybysqalyg synyna şyqty, şayajlig peline tüstü. uluğ synnaň körüp taňnap turıany — maıy maıdan aşça, çonu çonnaň aşça. uluğ synnaň pāstyr tüžüp, abazynyň çurtuna qamçyap kirdi. aň qużunuň ortazyn albatqy çonıa artyza perdi; orta aň qużun ałtyn örgē āl-keldi. aq qan adyn ałtyn šarçyn tözünge poş taštady, ałtyn örgē kire pasty. ezik azyr, ezen perišti; eñmen ködür, menči perišti. ałtyn aryg aıyan kiżizi aş-pa tabaq saı çörçä. ałtyn ustaı tübünge pir olaq pir qys aş-pa tabaq çipçalar. olaq-pa qysçaq turup ajtyılar: «ezen-ziñ-me, aba!» tep, oň qolıaryn perdiler. ponu körgen aq qan, oň eksijin yzajtyp kelip, oň qolun perdi. — «pallarym poızar, ezenoq!» tep. ałtyn aryg öreken aq qanny qoldañ qabyp, qoltuqtaň çölep, ałtyn ustaldyň arıazyna, kök ustaldyň kögregi-be odurttu.

pııar türtele odur-kelip, aş-pa tabaq çip odurıan tuštarynda odurçut-qan qysçaq erbektep odur. «eze. tuñmam, adaň çazyña ady şoıaňny adatpān,

Ақ Қан сказал: «Ведь и правда давно это было, давно я не ходил на охоту. С тех пор, как я не поднимался в тайгу, чтобы охотиться на птиц и зверей, очень много времени прошло. Дай-ка схожу дней на девять на охоту на птиц и зверей!» Из-за золотого стола встал (п) в глубь сорока комнат пошел. Черный чугунный панцырь, висевший на вешалке, взял (п) поверх платья надел. Взял сапоги в тридцать слоев (кожи), лежавшие на дне сундука, и обул. Со старухой Алтын Арыг попрощавшись, Ақ Қан из золотого дворца вышел. Подбежал к бело-сивому коню и взнуздal его. Кругом обойдя, оседлал (его). Ақ Қан к бело-сивому коню, как летучая мышь [птица], прильнул. Промеж белого скота он проехал. Когда доехал до конца большого стойбища, дернул ногою китайское стремя, крепче на него оперся. За бело-сивым конем лишь следы остались: куда поскакал — неизвестно.

Поднявшись в свою тайгу, где прежде всегда охотился, поглядел Ақ Қан: летают крылатые птицы, небо закрывая, бегут звери, имеющие раздвоенные копыта, степь запружая. Крылатые птицы, звал, что их настигнет стрела Ақ Қана, плачут; звери с раздвоенными копытами, чувствую, что их застрелит стрела Ақ Қана, рыдают. Жирных зверей выбирал, Ақ Қан стрелял. Жирных птиц выбирая, стрелял.

На бело-сивого коня добычу навьючив, обратно поехал. Возвращаясь. Ақ Қан кругом посмотрел (и видит) — по одной стороне его белой тайги бело-серый жеребенок и бело-рыжий жеребенок пробежали. Ехал Ақ Қан, возвращаясь; поднялся на (ветром) свистящий хребет (п) на гладкую седловину спустился. Глядя с великого хребта, стоял и вглядывался. Скот его переваливает через скот — (так умножается). Народ переваливает через народ — (так увеличивается). С великого хребта — съехав, (Ақ Қан) в отцовский юрт приехал. Половину (убитого) зверя-птицы поданным людям оставил; половину зверя-птицы к золотому дворцу ирпез. Коня у золотой коновязи оставив, Ақ Қан в золотой дворец вошел. Дверь открыл — поздоровался; плечо-руку поднял — привет воял. Алтын Арыг, жена его, еду и питье приготовляет. У золотого стола [один] юноша и [одна] девица яства едят. Юноша и девица, поднявшись, сказали: «Здравствуй, отец» — правые руки подали. То увидев, Ақ Қан правой стороной рта улыбнулся, правую руку подал: «Если вы мои дети будете, здравствуйте тоже!» [говоря]. Алтын Арыг, старуха, Ақ Қана за руку схватила, подмышки поддерживая, за золотой стол, у сивого стола, усадила.

После того как они, втроем уселись, с питьем еду ели, [спящая] девица сказала: «Что же, брат мой, до старости без имени и прозвища, не названным дожить ты хочешь? В нынешний день в белую степь выйди и заставь дать тебе имя, заставь прокричать тебе прозвище!»

То услышав, мать [его] в глубину сорока комнат ушла, в пестро-бледную чашу, такую, какую глупый человек не сможет выпить и опорожнить, айран и кумыс наливши, юноше (ту чашу) поднесла.

Юноша пестро-бледную чашу взявши, [выйдя] в белую степь отправлялся. Закричал, разрывая на части дно вселенной, закричал, расщепляя

er qaryzy qaryrça etçañ-ma. püñgü künde aq çazyrça şyryp, adyñ adadyr, şolaqny qyrtyp kör!» tedi. any uqqan ičezi qyryq qatpaş tübüne kirip, alyğ kiži izip töspas aña qor şaraya ajran qymys urbaalyr, oñlaqqa akkelip tuda perdi.

oñlaq aña qor şarany tudumbaalyr aq çazyrça şyra päs-pardy. ülgün tübün üze qyjyrdy, çastyñ tübün çara qyjyrdy. «adym adaçañ kiži alyma kelzin! adym adabas kiži çayyn paspazyn!» oñlaq tura-tura kelgeni — üs küñge şyara turdu. çaqşylar adarya egenişçalar, çaballar adarya at tabynmān-çalar. üs küñnün pažynda aq talajdy qaştap, ala qamyş tajanyñ apşij kiži päs-kelça. çol salbān kižiniñ çodazyna şāp kelça; çol salyan kižiniñ pažyna şāp kelça. apşij kiži kele kele kelgenin — oñlaqtyn qyryjyna kelip, ajtty: «eze, aq qannyñ palazy, myndağy çylyñ qalyq çonda señ adyñ adaçañ kiži şyryşpança-ba? uluğ kiži men adap perzem, ady şabyñ raqqa parçaj-ne!» — oñlaq ajtty: «ada per, apşij. uluğ kiži adayan at sijinçik ter, uqçañym».

oñlaq aña qor şarazyn apşijge tuda perdi. apşij syrañaj tyn-ma salyp artisti. sağaly sarbaja, pürnu tardaja ezirdi. apşij qyjyrdy: «at polza, at polzum! at polbaza, çel qaqsyn! pürnap turan kižiniñ peçeniñ adyn adap-çam. aq qan abalyğ, altyn aryğ eneliğ altyn tana polzum! altyna münçen ady at şynyğy aq sarat polzum. aq saratyn üstüne münçen altynyğy çer tūjuq küştüğ, üstüñgüzü tegri fujnq küştüğ altyn tana polzum!» tedi.

apşij iginçizin oñlaqtyn adyn adapça. «aq qan abalyğ, altyn aryğ eneliğ altyna münçen adyñ at şynyğy aq qyrat polzum! üstüne münçen küligü altyn tajçy polarzyn. aq qyrat aspanda azyğ-da pütkül qalbazyn, sen, altyn tajçy keşpende keziğ-de pütkül qalbazyn!» apşij ajtty: «eze, altyn tajçy palam, altyn örgeni körzen, nonuñ pözü pölça!» altyn tajçy oñlaq altyn öргеzin körgeni — pirdā nebe çoyul. alynda turan apşijdiñ turan çeri par, paryan çeri çoyul.

oñlaq altyn öргеge päs-enip, altyn şerke qyrabatqa çadyr uzubustu. uzu-uzu kelgeni — saryñ-kelip, tañ atty, saryñ-kelip, küñ şyqty. oñlaq keril çyzyl usqandy. anañ pilinze, — tördeñ tepken azayy ežik çanğa çet-party.

oñlaq tura pazyp, altyn örgedeñ şyra pasty. anañ körüp turany — altyn şarēyn tözünde aq sarat-pa aq qyrat turça. ijsi attyn altyn ezer syrt çazaltyr, kümüş çügen paş çazaltyr. altyn kümüş qujaqtaryñ artyn-

пополам дно преисподней. «Человек, который должен дать мне имя, пусть ко мне придет, (а тот) человек, который не может дать мне имя, пусть близко не подходит!» Юноша стоял-стоял, (простоял) целых три дня. Хорошие назвать не решались, худые (желали назвать, но) имени не находили.

На третий день, шагая по берегу моря, пестрым камышом подпираясь, старик подходит. Тех людей, которые не дают ему дороги, он по ногам ударяет. Тех людей, какие дают (ему) дорогу, он по голове ударяет. Старик подошел; сбоку к юноше приблизившись, сказал: «О, ребенок Ак Кана, разве не нашелся среди собравшихся здесь людей человек, который может назвать тебе имя? Если я, старый человек, назову, — имя-прозвище твое далеко ли пойдет?» [сказал]. Юноша сказал: «Назови — имя дай, старик! Я слышал, что имя, названное старым человеком, устойчивое — нерушимое».

Юноша старику пестро-бледную чашу подал. Старик одним духом ее опорожнил. Так навился старик, что борода его растрепалась, нос раздужся. Старик воскликнул: «Если это хорошее имя, то пусть оно будет! Если это худое имя, то пусть его не будет, пусть унесет ветер! Раньше тебя рожденной, твоей старшей сестре я имя прежде назову: сестра твоя будет по имени — имеющей отца Ак Кана, имеющей мать Алтын Арыг. Ковь, на котором она ездит, пусть будет настоящий бело-рыжий ковь! На коне сидящая, крепостью с целую [внизу находящуюся] землю, крепостью с целое [вверху находящееся] небо — Алтын Тана да будет (по имени)!» [сказал].

После того старик называет имя юноши: «Имеющий отцом Ак Кана, имеющий матерью Алтын Арыг; [под тобою] ковь, на котором ты едешь, настоящий бело-серый ковь пусть будет! Едущий на нем — богатырь Алтын Тайчи ты будешь (по имени)! Пусть не останется такого перевала, через который не перевалил бы бело-серый ковь! Пусть не останется брода, которого не перешел бы Алтын Тайчи!» Потом старик сказал: «О, Алтын Тайчи, мое дитя, взгляни на золотой дворец — какие там чудеса?» Юноша Алтын Тайчи на золотой дворец взглянул — ничего (там) нет! Стоящего перед ним старика — там, где стоял, остались лишь следы, (а) куда ушел, следов не осталось.

Юноша к золотому дворцу спустился. На золотую кровать улегся и заснул. Спал, спал, опомнился — [спия] заря загорелась, пожелтев, солнце поднялось. Юноша, потянувшись [вытягиваясь], проснулся. Оказалось, что от переднего угла протянутые ноги его достигают двери.

Юноша встал, из золотого дворца вышел. Когда взглянул, — у золотого столба — коновязи — кони бело-рыжий и бело-серый стоят. Спины обоих коней покрыты золотыми седлами. Серебряные уздечки на их головах; золото-серебряные кольчуги навьючены (на конях) — так стоят. Брат с сестрой в путь сварядились. Железные кольчуги надели, шубы поспешно надели. Твердые панцири сверху надели, в золотой дворец вошли. Усев-

җанче турчалар. иҗи қарындаш териглерин териндилер, тебир қуҗақтарын қатандылар. қарчыҗай томнарын кестилер. қадығ қуҗақтарын қатандылар, алтын өргеге кире пастылар. одур-келіп, аш-па табак җидилер. одурҗутқан шеннеринде алтын тана реҗези аҗтты: «езе, алтын таҗы туңмам, пүңгү күнде пис иҗге, иҗи атқа мүнмәлһып, алтын шарҗын тӧзүнең теңнеп җарыларбһыс. мен алтын-җызы җер алтынаң җетти җӧлап, маҗ қаҗырарым; сен, үстүңгүзү күнү җарықтан тоҗыс җӧлап, маҗ қаҗыр. тоҗыс күннүң паҗында алтын өргеге аҗлан-келен!» пӗлар иҗге аштан постарын тостурдулар, арынҗан постарын күстөндилер. алтын өргедең теңнеп келіп шыға пазыстылар. аттарына мөндүлер. алтын шарҗын тӧзүнең-оқ теңнеп келіп иҗи җарыдылар. алтын тана җер алтына түстү; алтын таҗы күнү җарық-па парды. оҗ парҗан озуба тоҗыс қанның тынҗа җедіп, тоҗыс қанның маҗын қаҗырып, җери җұртна нәнмһысты. алтын таҗы қаҗырып ақ маҗды улуг сунҗа шығарып, оҗ җанҗы җанында алтын тана реҗези җер алтынаң җетти җӧлап, маҗ-оқ қаҗыр кирди. пӗлардың җерле маҗ турарҗа җер җетпес полду, маҗ оттарҗа от җетпес полду.

иҗи қарындаш теңнеп келіп, алтын шарҗын тӧзүне җеттилер. оң қоллары сунузуп, ezen менҗи сураштылар, ат паҗынаң түзүп, алтын өргә кирдилер. езік азып, ezen сураштылар, енмен көдүр, менҗи перистилер. ақ қан абазы-ба, арығ енези-бе езенестили. алтын устаҗдың қырына келіп одурдулар, аш-па табак җидилер.

пӗлар төртеҗе җада-җада келгеннерин — аҗ полза алысты, җыл полза, ertiшти. алтын тана аҗдып одур: «езе, алтын таҗы туңмам, саҗа аҗтҗаң алтон түбен сӧзүм пар, аҗдып перзем, уққай-педиң?» — алтын таҗы аҗтты: «езе, реҗе, маҗа аҗтпан сӧзүннү кемге аҗдарзың! җақшы сӧс полза, қулаққа сийер, җабал сӧс полза, җел җабалы қӧқ-парҗай!» any уққан алтын тана аҗтҗатты: «езе, аҗдан җаҗыс алтын таҗы туңмам, адан җаҗына киҗи албан, ер қарызы қарыҗа етҗаң-ма! алҗаң киҗиң аҗыр қолуна киріп пара җӧр, сен алтын өргеде җыстанып җатҗаң. мӗнаң ара җердиң ортазы җерге җатқан ақ саҗыстығ алтын қанның паҗазы алтын сабақтың улуг тоҗу полҗаннаң аҗа пір үс җылҗа җеде перди. оҗ тоҗыа по күнү җарықтың аҗыбы тӧза җылҗыр парҗан-андаҗы җерге кир-парзаң, көптүң көбү полар, сен җаҗыстың җаҗызоқ полар-сенең үҗүн туруш-парҗаң пирдә киҗи җоқ полар. парҗен киҗи сәң үстүнде полар. елдиң җерин ебӗріп, езиргенҗе аш иҗсен, ертип ӧлгән пилбесің, аҗмақ

пһыс (во дворце), с пһытем еду ели. [В то время] когда сидели, Алтын Тана [сестра] сказала: «О, Алтын Тайчи, брат мой, вынешний день мы вдвоём, усевшись на двух коней, от [основания] золотого столба одновременно разведемся. Я из-под нижней земли, семь раз пройдя этот путь, скот пригоню. Ты же из верхнего солнечного мира, девять раз пройдя этот путь, скот пригони! Через девять дней к золотому дворцу давай (одновременно) вернёмся!» Оба они, проголодавшись, себя насыщали; оба, исхудавшие, себя подкрепляли. Из золотого дворца одновременно вышли. На коней своих верхом сели. От золотого столба также одновременно в разные стороны разъехались.

Алтын Тана вниз под землю спустилась. Алтын Тайчи по солнечному миру поехал. На своем пути он погубил девять ханов. Скот девяти ханов гоня, на стойбище-землю возвращался. Когда Алтын Тайчи, скот гоня, на великий хребет (его) поднял, с другой стороны его сестра Алтын Тана из-под земли, семь раз пройдя этот путь, скот также пригнала. Для того, чтобы пригнанному ими скоту встать, места на земле нехватало, чтобы скот мог кормиться, травы (на земле) нехватало.

Брат с сестрой одновременно к подножью золотого столба подъехали. Правые руки друг другу протянув, друг с другом поздоровались. С коней сойдя, в золотой дворец вошли. Дверь открыв, поздоровались; плечи подняв, приветствовали. С отцом и матерью приветствиями обменялись. К краю золотого стола придя, сели, с пһытем еду ели.

(Так) вчетвером (они) сидели. Месяцы переменялись, годы проходили. Алтын Тана говорит: «О, мой брат, у меня шестьдесят заповедных слов есть тебе сказать; если скажу, ставешь ли слушать?» Алтын Тайчи сказал: «Да, сестра моя, если мне не скажешь, кому же (их) скажешь? Если хорошие слова, пусть проникнут в ухо, если худые слова, пусть злой ветер унесет!»

Это услышав, Алтын Тана сказала: «О, единственный брат мой, разве ты хочешь до старости, не женившись, дожить? Невеста, которую ты должен взять, скоро попадет в чужие руки, а ты в золотом дворце, прозябая, живешь! С тех пор, как начался великий пир у Алтын Сабак, дочери Алтын Кана, имеющего чистый, светлый разум, живущего в середине земли, три года исполняется. На тот пир все богатыри из этого солнечного мира собрались. В ту землю когда ты попадешь, большинство заодно (против тебя) будет, а ты один одиношенек будешь. За тебя заступиться некому будет. Все на тебя нападут. Если, объезжая кругом [вокруг] чужой земли, вином станешь напиваться, — не заметишь, как погубишь. Если, кружа по чужой земле, до бесчувствия водки напьемся — не заметишь, как умрешь! Любимый единственный брат мой, сказанных мною слов ты не переступай». Эти слова слушавшему их Алтын Тайчи были как коню весной пенне кукушки.

Алтын Тайчи от золотого стола вставши, в глубину сорока комнатов войдя, золотую кольчугу надел. Чтобы не скучать, попрощался,

čerin ajlandyryp, alynğanče aš isseñ, ažyp ölgeniñ pilinmessiñ. qajranda men ar čağys tuñmam, meniñ ajtqan sözümniñ altabanče poñajzyn!» any uqqan altyn tajčy časqy attyñ qulağyna kök qaqqanče uyuıldı.

altyn ustaldyñ arğazynañ tura pazyp, qyryq qatpaš tübüne kirip, altyn kümüş qujajyn qatap püktep kesti. saqtašpasqa ezen surašty, sağynyšpasqa menči surašty. altyn örgeden šyğa pasty. aq qyratqa čarğanat quš seni čapšyndy. aq maldy arlap šyqty, albatqy čonnu tekšilep šyqty. anañ ara qydat parğan izenezin qyna kël tepti. aq qyrattyñ pasqan azaq par poldu parğan čeri čoq poldu.

altyn tajčy para-para kelgenin — po pararğa čer rāğy pölča. čer ortazyn ertip salbıdur, sybysqalyğ šynğa šyqty, ezer qojnu pelge tüstü. uluğ synpañ anañ körüp tañnap turğany — šaqqo čerde qarly, aš quš seni alyp qajynča, qara kebelčik seni yğylaštylar. altyn šarčynğa at pağlarğa čer čedišpen, altyn oqtaryñ šažyp, oqtaryna pağlap partyrlar. üš qulaqtyğ küler qazannyñ puzu qan tegrige čajylča, qarly, aš učuq šyqpas kün pölča.

altyn tajčy eniš töbere endire kël pastyrdy. altyn šarčyn tözüne četti. anañ körüp turğany — altyn šarčynğa pağlal-parğan attardyñ ortazynda čaryq tüktüğ at pağlal-partyr. ebire turğan attardy pir toluqqa qystap saityr. altyn tajčy adyn poš taštap, altyn örgē kire pasty. ezik ažyp ezen surašty, eñmen ködür, menči perišti. altyn örgeni alty qat ajlandyra alyp tölleri ödur-partyrlar, parčazy ezen perištiler.

qyryq qatpaš tübüneñ altyn qan apšij pazyp šyğyp, altyn tajčyğa oñ qolun sunup, ezen perišti. altyn tajčyñy qoldañ qabyr, qoltuqtan čölep, qyryq qatpaš tübüne akkirdi. altyn tajčy anañ körgeni — qyryq qatpaš tübünde altyn kümüş kep kesken tajğa seni alyp odurup, aš-pa tabaq čipča. qažyq üstüne qažyq taštalča. altyn qan altyn tajčyñy altyn ustal qažyna, ol alypqa qošta akkel odurttu.

alyp tölü ajtty: «eze, künü čaryqtyñ aryğ segi altyn tajčy toqtaptur, aš tabaqty tosqanče čibalajyn, sylalyp ösken synnyñy toğus čerden šfabarym!» alyp tölü, aš tabaqty tosqanče čibalyp, altyn ustaldañ tura pasty. čarağyğ odurčutqan altyn tajčyñy čağa tošten qabaldy, aq čazyğa sörtep šyq-pardy. altyn tajčyñy qabalyp, — šabyzajyn — tep, altyn tajčy šaptyrarğa perbedi, tudunčančoq turdu.

ijgi alyp anañ qarbažybyza pergenin — qadyğ ağaş qāqsal-qaldy, qara čer sōgūl-qaldy. ujağyğ quš ujadañ časty, palalyp añ paladañ časty. aq talajdy šalčyqqa šenep, qarbaštylar, aq tasqyldy tōñselge šenep, tuduštular. qarbaža-qarbaža kelgennerin — pir cetti künge šyğara qarbaštylar.

чтобы не тосковать, распрощался. Из золотого дворца вышел. На коня вскочил и летучей мышью к нему прильнул. Промеж белого скота он проехал. Посреди подданных людей (он) проехал. Украшенное стремя нажимая, ногою упирался. Где бело-серый конь прошел уже, там следы остались; куда (он) пошел, — следа не было.

Алтын Тайчи ехал и ехал. Ему ехать далеко — путь его дальний. Середину земли миновал. На свистящий хребет поднялся, на выемку, подобную углублению седла, спустился. С великого хребта глянув, стоит, удивляясь, — в этой земле кишат богатыри, словно ласточки, как птицы-трясогuzки из стороны в сторону покачиваются. У золотого столба места не хватило, чтобы привязать коней. Золотые стрелы в землю воткнув, [к стрелам] коней привязали. Пар от трехухого медного котла поднимается до [хана] неба. Такой день наступил, что ласточка-птица не может взлететь.

Алтын Тайчи вниз по скату спустился. К золотому столбу подъехал. Взглянул: среди коней, привязанных к золотому столбу, конь светло-шерстной масти привязан был. Он сбил в один угол всех других коней и прижал их к столбу. Алтын Тайчи своего коня оставил, в золотой дворец вышел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствиями обменялся. В золотом дворце богатыри кругом стен в шесть рядов сидели, все поздоровались.

Из глубины сорока комнат Алтын Кан, старик, выйдя, Алтын Тайча правую руку протянул (и) поздоровался. Алтын Тайчи за руку схватил и, подмышки поддерживая, в глубину сорока комнат ввел. Потом Алтын Тайчи видит: в глубине сорока комнат одетый в золотую и серебряную одежду, как целая тайга, богатырь сидит, с питьем еду ест, ложку за ложкой бросает-прокидывает (внутри). Алтын Кан Алтын Тайчи рядом за край золотого стола, рядом с тем богатырем усадил.

Богатырь сказал: «О, Алтын Тайчи, солнечного мира комар, подожди — питьем едой до сыта наемся, тогда твой гладко выросший стан в девяти местах изломаю!»

Богатырь с питьем еду прикончил, наелся, из-за золотого стола встал. Пристойно сидящего Алтын Тайчи за ворот [и грудь] схватил, в белую стену поволок. Схвативши Алтын Тайчи, хотел его бить — Алтын Тайчи ударить себя не дал, схватился с ним.

Два богатыря борются стали: твердое дерево рассохлось — изломалось, черная земля раскололась. Имеющие гнезда птицы — от гнезд улетели, имеющие детенышей звери — от детей убежали. Белое море, как лужу, расплескали, белый хребет, как пень, истоптали — (так) боролись. Дрались-боролись — целых семь дней сражались.

На седьмой день — великое дерево свалилось, великий богатырь вздохнул и упал. Побелев, месяц умер, пожелтев, солнце умерло. По верху пестрого облака богатырская обувь блеснула и пропала. На белую стену, заполняя (ее), непомерный туман опустился. Из средины черного тумана Алтын Тайчи вышел. На его лбу даже пqt не выступил. К его обем

çetti künnün pažynda ułuğ ayaş użup ertti, ułuğ küñün östep ašty. ayaş kelip aj öldü, köger kelip kün öldü. aqtyğ köktyğ pułut üstü-be alyp ödügü çylyrap ašty. aq çazyğa toldıra şyp patpas qara tuban tüš-pardy. qara tuban arazyña alytn tajčy päs-şyqty. qabağyna ter çappandyr, ijgi qołuna qan çuqpandyr. çaryq tüktüğ at — çügür-şyğajyn — tegeni, alytn tajčy quzuruqtañ qab~alyp, silgibize perdi. qyzył edi qysqyr-kelip, aq çazyğa ölüp ašty. alytn tajčy-ba qarbaşqan alyptyñ ady şolazy çaryq tüktüğ attyğ çaryyn tajčy połyan pöltur.

alytn tajčyñ örtteñ qyzył şyrajy ölgen pārya kepten-partyr, tostañ aq şyrajy qara pārya kepten-partyr. qara mołat qylyžyn şurup alyp, qara taşqa prustady. ara şapty — alytn alyp çyğylydy, pere sapqanda — çetton alyp çyğylydy. po çerde qosta tabyžy qołapča, qoqquj ünü üzülbenča; syraçaq tabyžy syłapča, sýt ünü üzülbenča. alytn tajčy qyra-qyra kelgeni — po çerde öre turar qalbady, örlep şabar qalbady, požada qyğyp şyğardy. at sōgü, ała tajya połup, östü; er sōgü, qara tajya połup, östü. alytn tajčy çarysqa-ła qaltyr.

alytn örgē kire pasty. ežik ažyp, ezen perdi, eñmen ködür menči perišti. alytn qan alytn tajčyny qoıdan qabyr, qoıtuqtañ çölep, aq ustaıdyñ arğazyna odurttu. alytn tajčy anañ körze, alytn qan aq ustaıya toıdura, uçuğar quştuñ südü-le çoq, aš-pa tabaq saıtyr. any körgen alytn tajčy aq ustaıdyñ arğazyna odurup, aš-pa tabaq çidi. alytn tajčy aš-pa tabaq çip oduryan şende ajtty: «eze, alytn qan, alytn sabaq qyzyñny aıšyq. köñnüm çetse, ałam, köñnüm çetpeze, çerliğ kiži çerinōq qalar!»

any uqqan alytn qan alytn sabaq qyzyñ ašyğça. alytn qožančy-ba, çetton parančy-ba, alyt abaqaj alynyy edegin çelbip, syğça; çetti abaqaj keŋingi edegin çelbip, şyğça. alytn sabaq toñ torğyğa tołyał-partyr, suñ torğyğa şulyał-partyr. alytn tajčy anañ körgeni — po alytn sabaq tolar ajdyñ tołazoq šeni, şyğar künnün şynyğoq šeni. köre kelip, köñnü çetti, sanap kelip, sağyžyna kelišti.

alytn qan apšij alytn tajčy-ba alytn sabaq ijgi paštaryñ qoštu. ałarynañ aj çapsyştylar, sōnarynañ kün çapsyştylar. alytn tajčy saqpo çerde toğus küñge şyğara tojlaşty. ułuğ aıdyñ užu-ba, kiçig aıdyñ qyryjy-ba çörüp, ištiler.

рукам даже крови не пристало. Светло-шерстный конь хотел побежать. Алтын Тайчи за хвост коня схватил и стал трясти. Красное мясо завизжало, в белой степи конь издох. Имя-прозвище богатыря, с которым боролся Алтын Тайчи, оказывается, было Чаргын Тайчи, имеющий коня светлой шерсти.

Лицо Алтын Тайчи, краснее пламени, почернело как темная печень, лицо его, блее бересты, потемнело как черная печень. Черный стальной меч вынув, стал точить о черный камень. В одну сторону ударил — шестьдесят богатырей упали, в другую сторону ударили — семьдесят богатырей упали. В этой земле шум лука раздаётся, не обрывается жалобный голос. Свист стрелы раздаётся, не кончается рыдающий голос. Алтын Тайчи истреблял-убивал — стоящих на ногах на этой земле не осталось, ударяющих (бойцов) не осталось — всех перебил. Кости коней проросли, в пеструю тайгу обратившись, кости героев-мужей проросли, в черную тайгу превратившись. Алтын Тайчи один только остался.

В золотой дворец (он) вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствиями обменялся. Алтын Кан Алтын Тайчи за руки схватив, подмышки поддерживая, за золотой стол посадил. После того Алтын Тайчи посмотрел: Алтын Кан наполнил белый стол различной едой — кроме молока летающих птиц, все было на том столе. Это увидев, Алтын Тайчи за стол сел, еду ел. В то время, как Алтын Тайчи сидя угощение ел, (он) сказал: «О, Алтын Кан, дочь твою Алтын Сабак приведи! Если мне понравится, в жены возьму, если не понравится, — на какой земле была, на той же земле и останется».

Это услышав, Алтын Кан дочь свою Алтын Сабак выводит: с ней шестьдесят спутниц, семьдесят прислуживающих женщины следуют за нею. Шесть женщин передние полы (одежды ее) колыхают — [она выходит]. Семь женщин задние полы (одежды ее) колыхают — [она выходит]. Алтын Сабак обернута в будто замерзшие шелка, окутана в шелк, подобный водяной волне. Алтын Тайчи взглянул: эта Алтын Сабак была как полнолуние, была она как будто восходящее солнце. Он взглянул и она ему понравилась, он подумал — и припалась ему по мысли.

Старик Алтын Кан их головы соединил. Перед ними просверкал месяц, за ними засияло солнце. Алтын Тайчи в этой земле девять дней пировал. По большим селениям из конца в конец с одного края, по малым селениям от края до края ходил и шил.

Алтын Тайчи встал из-за золотого стола. «Хоть и низкая — но своя у меня гора есть, мелкая — своя река у меня есть! [говоря]. На свою землю-стойбище вернусь-ка я!» — сказал. Жену свою Алтын Сабак он, [крутя] оборачивая, в золотой перстень свернул и запрягал. Чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, распрощался.

Алтын Кан сказал: «Да, правда, мой зять, [из моей печени вышедшего] ребенка у меня нет, на земле, по которой я ступаю, друга у меня нет! Ты уводишь [уносишь] единственную мою дочь! Время от времени к нам

altyn tajčy altyn ustaıdan tura pasty. — «čabys-tā polza, taγym par! tep, tajys-tā polza, suγum par! tep, čeri čurtuma nanyp kōrēj!» tedir. altyn sabaq aγan kižizin uγzap tašqap, altyn purba edip, suγuldu. saqtašpasqa ezen surašty, saγynyšpasqa menči surašty.

altyn qan ajtty: «eze, altyn tajčy küzem, paγymnaγ šyqqan palam čoq, pasqan čerde nančym čoq. qara čaγys qyzymny apparčaγ. qačan pir tušta kelip kōrip qajyp odurγajzyn, čašta kütken aq malym ady pašqāγ qoluna kirip parbazyn!» any uqqan altyn tajčy ajtty: «čök kelbečen polγan! maγa kelerge rāq čer-pedi!» tep ajtty.

altyn tajčy altyn örgeden šyγa pasty. aq qyr-atqa čarγanat quš šeni čapšyndy. qydat qarγan izenezin qyna tepti. pasqan azaq par poldu, parγan šeri čoq poldu. para-pāra kelgenin — čer ebidine kirbedi, čer toγrazyn tartty; suğ ebidine kirbedi, suğ toγrazyn tartty. sybysqalyğ synyna šyqty. šaγajliğ peline tüštü.

uluğ synmaγ anaγ kōrip taγnap turγany, — malı maldaγ ašča, čonu connaγ ašča. altyn šarčyn töziunde altyn tana pečeziñin aq sar-ady čoγul-oq, aq qan abazynyn aγ-oj ady čoγul-oq. ponu kōrgen altyn tajčy ištinde sanandy: «uluğ obal, uluğ keγ! altyn tana pečem. čaš kiži ol čer ebirip par-yn! aq qan abam, qaran kiži ol qajdiğ čerge pardy-ne?»

altyn tajčy eniš töbere endire pastyrdy. altyn šarčyn töziüne čedip, at syrtynaγ atybysty. adyn poš taštap, altyn öргеge kire pasty. ézik aγyp, ezen perišti, enmen kōdüir, menči perišti.

aq qan abazy-ba altyn aryğ enezi altyn ustaı tübünde aš-pa tabaq čip odurdular. tura kēl pazyžyp, altyn tajčyn mojnuna azyldyγar. «aš-parγan pałabys ajlan-keldi!» teštiler. «ertip parγan pałabys ebiril-keldi!» teštiler.

altyn tajčy altyn purbany taštabyseqany, — altyn sabaq qys šynuq pozu tura pasty. ponu kōrgen aq qan altyn örgeden šyγa pasty. qyryq tas qyrb-aγyp, qyryq malta perdi; odus tas qyrb-aγyp, odus malta perdi. qyr asqyrdyñ öriñ qyra soγup, qyrban tartyp toj salar, tep, tör asqyrdyñ öriñ töza soγup, toγrap kēl, toj salar, tep, aq qan qyjyrdy. tastar any uqqan sōnda maldyñ pažyna malta teger kün poldu. qyzyraq pejlerdi kištēde akkel soqtular, puγalardy oñnada akkel soqtular. raq čerde čatqan kižilerdi elči-be čyγdyrdyγar, čaγyn čerde čatqan kižilerdi qyjy-ba čyγdyrγar altyn

наведывайся затем, чтобы нажитый в моей жизни белый скот не попал в чужие руки?» Это услышав, Алтын Тайчи сказал: «Почему же не притти? Для того чтобы мне приехать, эта земля разве очень далека!» — [говоря] сказал.

Алтын Тайчи из золотого дворца вышел, к коню своему летучей мышью прильнул. Натянутое стремя ногою прижал — уперся. Там, откуда он выехал, — след остался, куда поехал, — следа не было. Ехал, ехал, вокруг земли не объезжал, — поперек земли прямо ехал. По воде не кружил, а поперек воды переезжал. На свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился.

С великого хребта глядя, стоял и всматривался. Его скот возрастает, его народ умножается. У золотого столба нет коня его сестры, нет коня его отца — Алтын Кана. Это увидев, Алтын Тайчи подумал: «О большое несчастье! О великое горе! Алтын Тава моя сестра — она человек молодой, пускай она землю объезжает! Алтын Кан старый человек — в какую он землю отправился?» Алтын Тайчи вниз по склону спустился. Подножья золотого столба достигнув, со спины коня спрыгнул, коня [освободя] отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, приветствовал; плечо подняв, здоровался.

Отец и мать его в глубине у золотого стола, с нитьем еду поедая, сидели. Встав из-за стола, на шею Алтын Тайчи оба бросились: «Пронавший наш ребенок вернулся!» — говорили. Потерявшийся-погибший наш ребенок назад приехал!» — сказали.

Алтын Тайчи золотое кольцо бросил. Алтын Сабак явилась в настоящем своем виде. Это увидев, Ак Кан из золотого дворца вышел. Сорок плешивых позвав, сорок топоров им дал, тридцать плешивых позвав, тридцать топоров им дал. Чтобы чалого жеребца табун убить, мяса накрошить, — угощение устроить; чтобы гнедого жеребца табун целиком зарубить-накрошить, угощение устроить — крикнул Ак Кан. То услышали плешивые слуги. Так наступил день, когда топор прошелся по головам скота. Кобылиц ржавших приводили и закалывали; быков мычащих приводили и закалывали. Живущих в далекой земле людей собирали, посылая посла, близко живущих людей собирали, скликав. Алтын Арыг, старуха, девицу в глубину сорока комнат введя, семь разветвленных кос развязала и в две косы заплела. Провали, пировали — целых семь дней свадьбу справляли, даже не замечали черноты земли; девять дней свадьбу справляли, даже не замечали черноты почвы.

Через девять дней лежащее на бересте мясо окончилось, и весь народ разошелся. День казанов загремело, народ разошелся. Лучшие мужчины разошлись, унося кости задних ног, бедные женщины разошлись, червивые желудки унося. Те, которым достались мозговые кости, славословя уходили; те, кому достались хрящевые кости, проклиная возвращались и так говорили: «Свои люди своих же накормили!» Собаки у дверей до того угостились, что и хвостов не осталось, так зажирили — через улицу не могли они лаять

aryg̃ öreken qysty qyryq qatpaş túbüne akkirip, çetti talba sürünmezin qoça şabyr, azýra tuñuna ördü. tojla-tojla kelgennerin — cetti küнге шығара tojlap, çer qarazyn pilbediler; toçus küнге шығара tojlap, töbraq qarazyn pilbediler.

toçus künnün pažynda töstaçyлары tözułdu, töza çonu tarady, qazan túbü qaçtyrady, qalyq çonu tarady. er çaqşyлары arça söğü tuduna tarady, epçi çabaly qurtuğ qaryn tuduna tarady. çalyğ sök çetkenneri alyap kelip nāncalar, keçirtkelig̃ sök çetkenneri qarçap kelip nāncalar — «çalyн çerdin kižileri çan çanyoq azyraş-saldylar» tep. ežikten it tojlap, quzuruçu qalbān-oq sebirip, oram kežire ürip polbas poldular. tündükten quş tojlap, qurçunu qalbān-oq sebirip, oram kežire uçup polbas poldular.

uluğ tojлары ertken sönda altyn tajçy surady: «eze, aq qan aba, alтына müngen aҗoj adyң qajdiğ çerge parçan? altyn tana peçem qajy puluңa, nō kerektep parçan?»

any uqqan aq qan abazy ijgi qarayynyң çazyн ustuq töbere poş qorlattы. «eze, qajraңda mēñ altyn tajçy palam, altyn tana peçen qaj parçyn! sen pārbysqan sönda altyn tanany ijgi alyp ödürerge kelça — tep, uçulҗan». any uqqan altyn tana tezerge tep, aq saradyna müngende-le — uluğ kiçig̃ aq qyrat müngen çazy parçan çarynyğ, tujuq tajça-çe eñmenniğ, qyžy parar tynnary çoq, qyzaryp aҗar qannary çoq ijgi alyp altyn šarçyn tözüне qazala tüşken. anañ ara altyn tana ijgi alyptyң ortayа kirbalyр, ijgi alyp-pa šabyş parybysqan. altyn tana peçen pārbysqan sönda pistiң çerge kirgen qara qul'at müngen qara qylyş tep alyp altyn šarçyn tözünde turçutqan aҗoj atty ajdaң surayy çoq šeçibalyр parybysqan. — po çer tujyнда uluğ marçyğ sałyş-saldym, paş paštaң, töş töšteң, aҗoj at-pa çaryy ederge — tep, parybysqan,

any uqqan altyn tajçy oң nanyn ora šabyнды, sol nanyn söra šabyнды: «adaңnyң-oq açyҗy, eneңniң-oq qoқquju! qajzynyң coluna kirçeң polçam! altyn tana peçemniң çoq aҗoj adynyң?» tep ajtty.

ajtqan erbek ertkençe, körgen qaraq nüngeңce, altyn qalqy ežik qajra taštałdy. qara terek qaqrazynaң qara pylat çazap tartyp sałyan, qyzy qazyң terezineң qyzy künek çazap kesken, šažy aҗara pergen qurtuҗaq kiži kire pasty. qurtuҗaq ežik ažyp, ezen perišti; eñmen ködür, mençi perišti. qurtuҗaqty altyn ustał túbüne odurtup, aš tabaq-pa azyradylar.

altyn tajçy surady: «eze, qurtuҗaq kiži, qajdiğ çerden keldin? ady šolaң qajzy polçan? raq aҗran soqtuң-ma, çalyн aҗran soqtuң-ma? qajdiğ çerge parybodorzuң?» — qurtuҗaq kiži ajtty: «qajdig̃ çerden kelejini! uš krestig̃ altyn tajçan tözünde çatqan qolazy qannуң alyan kižizi poqaj saryğ

Птицы у дымового отверстия крыши так угостились, что и крыльев у них не осталось, так зажпрели — через улицу не могли перелететь.

После того, как окончилась великая свадьба, Алтын Тайчи спросил: «О, отец, тот конь, на котором ты ездил, в какую землю он отправился? Моя сестра Алтын Тана в какой угол земли — на какую отдаленную землю, за каким делом отправилась?»

Это услышав, Ак Кан из обоих глаз своих слезы пролил и пустил журчать: «Да, мое любимое дитя, Алтын Тайчи, твоя сестра вот куда уехала! После того, как ты уехал, был слух о том, что два богатыря едут убивать твою сестру Алтын Тана». Это услышав, Алтын Тана хотела убежать, но только села на коня, показались два богатыря, сидящие верхом на двух бело-серых конях — на большом и малом. У них были широкие лопатки и плечи, как целая тайга. У них были такие души, что не могли погибнуть, у них была такая кровь, что не могла вытечь. К основанию золотого столба примчались. Тогда Алтын Тана попала между двумя богатырями. [Войдя] сражаясь с двумя богатырями, уехала (проч). После того как уехала твоя сестра Алтын Тана, в нашу землю вошедший богатырь, едущий на черно-вороном коне, по имени Кара Кылыш, стоявшего у основания золотого столба бело-буланого коня без спроса отвязал и увел. Сказавши: «В отдаленной земле [в тупике земли] великий заклад я поставил; голову за голову, грудь за грудь я поставил, чтобы устроить бег с бело-сивым конем!» — уехал.

Это услышав, Алтын Тайчи по правому боку себя хлопнул, по левому боку себя ударил, и так сказал: «Отца твоего жалость, матери твоей горе! По какому пути я должен отправиться: за конем ли, за сестрой ли!» [говоря].

Сказанная речь не успела окончиться, глядящие глаза не успели моргнуть, дверь настежь распахнулась. Повязанная черным платком из коры черного тополя, одетая в красное платье из бересты красной березы, с побелевшими волосами старуха вошла. Старуха, дверь открыв, поздоровалась, плечо подняв, приветствовала. Старуху за стол усадив, пищей-яствами кормил.

Алтын Тайчи спросил: «О, старуха, из какой земли ты пришла? Имя-прозвище твое как будет? Дальний ли айран ты взбивала, близкий ли айран ты взбивала? В какую землю ты ныне отправляешься?» Старуха отвечала: «Из какой земли я (ныне) приехала! Я буду Покай Сарыг — жена Колазы Кана, живущего у подножья золотой трехкрестовой тайги. Чтобы услышать, куда ты ехать собираешься, в вашу землю я пришла!» Старуха сказала: «Отца твоего жалость, матери твоей печаль! Прошло тридцать лет с тех пор, как мой муж Колазы Кан отправился разрушать землю Кан Мергена, имеющего черно-ременный кушак. Если сказать, что жив, — так его самого нет; если сказать, что он умер, — так костей его нет! Вы здесь тоже начали, как видно, из счета выходить, от жизни отделяться также, оказывается, стали!» Старуха спросила: «О, Алтын Тайчи, по чьей

polarym. sen qajdig čerge parčytqany uyarğa slerdin čerge keldim» anaq qurtujaq ajtty: «adañnyñ-oq ačyǵy, enenñiñ-oq qoqquju! qolazy qan parǵan kižim qara qajyş qurluǵ qan mergenniñ čerin talarğa parǵannañ aña odus čyl ertip pardy. tirig teze — pozu čoq, ölgen teze — sögü čoq. sler mynda pödeñ pölinüp, čadāñ čaryl-oq pärtyrzār!» qurtujaq surady: «eze, altyn tajčy, qajzynyñ čoluna kirerge sanapčan, aǵoj attyñ čoluna-ba, čoq altyn tana pečeñniñ čoluna-ba?» — altyn tajčy ajtty: «qajzynyñ čolunañ kirčeñimni pozum-dā uñnabāñcam. uluǵ kiži sen pilerczin! ajda per, qajzyn sürüş para-jyn». poqaj saryǵ öreken ajtty: «men any uñnaboqčam. sen aq qyradyñny požadyp, pistiñ čerge ys. üš krestig altyn tajčyñ tözünde, altyn örgen ištinde nō pöčütqanyñ körüp uçup kelzin! aq qyrat kelgen sonda qajzynyñ čoluna kirčeñimni ajda perem»

any uqqan altyn örgeden šyǵa pasty. aq qyradyñnyñ altyn ezerin älbysty, kümüş čügenin pažyna orady. «eze, aq qyrat, mynañ ara, üš krestig altyn tajčyñ tözüne pararzyn, altyn örgen ištinde nō pöčütqanyñ uçup körüp kel!» tep, požadybysty.

aq qyrat para-para kelgenin — sybysqalyǵ synǵa šyqty, sñajalig pelge tüštü. uluǵ synnañ körgenin — üš krestig altyn tajčyñ tözüne čettir. po čerde tük pilišpes mañ čattyr, til pilišpes čon čattyr. aq čazynyñ ortada, albatq čonnuñ ortada, ajǵa künge sustāñce, altyn öрге turča.

aq qyrat čimčaq pazyt-pa kelip, altyn qalqy köžünektiñ ālyna turubustu. altyn örgeniñ ištiniñ körüp, turča. anaq körgeni — altyn örgen ištinde pajaçoq poqaj saryǵ öreken odurup, sarnap kelip, pala ābyčā. «uzu, uzu, qara purba palam, tep, użun pilbes uluǵ qannyñ töli-zün! altyn-çyzy čüs tamnañ kiži alǵan, ölbes parbas čajalǵan qara qan aqalyǵ-zyn, altynçyzy čüs tamnañ šyqqan qara petikej üčelig-zyn, poqtuǵ kiriš tajçylyǵ-zyn, poqaj saryǵ ičelig-zyn, qolazy qan abalyǵ-zyn!» tep, pajlāñca.

añ uçubalyp, aq qyrat purul-kelip, nānmysty. postarynyñ čerine četkenin — altyn māqyş pažynda pajaçoq poqaj saryǵ öreken-me altyn tajčy mynda turčalar. any körgen aq qyrat qorupazy qoruqtu, ürukpezi ürukütü. «uluǵ obaǵ, uluǵ kej! po poqaj saryǵ, anda parzam, andoq; mynda kelzem, myndoq!»

aq qyrat altyn šarēyn tözüne četkende — altyn tajčy surady: «nōnu uqtuñ, nōnu kördün? tek tabýraq ajda per!» aq qyrat at ünü-be kištedi, alyp ünü-be erbektedi: «eze, altyn tajčy, nonu uçajyn, nonu körejini! pōq poqaj saryǵ öreken altyn örgen ištinde pala pajlap odurča». nonu körgenin toza ajt-perdi.

дороге пуститься ты хочешь? По следу бело-сивого коня или по пути сестры твоей Алтын Тана?» Алтын Тайчи сказал: «По чьей дороге я пойду, я и сам не знаю! Ты старый человек, ты должна знать! Скажи, за которым из них мне лучше погнаться?» Покай Сарыг сказала: «Я этого тоже не знаю. Ты своего коня отвязи, [отпусти] и отправь в нашу землю, пусть он придет к подножью трехкрестовой золотой тайги, пусть взглянет, послушает, что делается там в золотом дворце. После того как бело-сивый конь вернется, я тебе скажу, по чьему пути тебе надо следовать».

То услышав, Алтын Тайчи из золотого дворца вышел, с бело-серого коня золотое седло снял, серебряной уздечкой голову ему обернул. «О, бело-серый конь, отсюда к подножью трехкрестовой золотой тайги ты отправишься! Что делается, что происходит внутри золотого дворца, посмотри и услышав, — назад приходи!» — (так) говоря, (коня) отпустил.

Бело-серый конь шел-шел, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. С великого хребта смотрит: до подножья трехкрестовой золотой тайги дошел, оказывается. В этой земле многшерстный скот лежит, народ живет многязычный. Посреди белой степи, среди поданных людей, освещенный солнцем и месяцем, блистая, золотой дворец стоит.

Бело-серый конь легкой поступью придя, перед золотым окном встал. Стоит и смотрит внутрь золотого дворца. [Смотрит] внутри золотого дворца давешняя старуха Покай Сарыг сидит и ребенка убаюкивает, поет: «Спи, спи, дитя мое, Кара Пурба. Ты есть нескончаемое поколение великого хана. Ты имеешь деда Черного хана, сотворенного, чтобы никогда не умереть, который взял жену из ста углублений подземного мира. Ты имеешь бабушку Кара Петикей, прошедшую через сто слоев подземного мира. Ты имеешь дядю по матери Поктуй Кириш! Ты имеешь мать мира. Ты имеешь отца — Колазы Каана!» — (так) говоря, укачивает. Покай Сарыг, ты имеешь отца — Колазы Каана!» — (так) говоря, укачивает.

Это услышав, конь поворотил и назад возвратился. Когда он достиг своей земли, видит: наверху золотой лестницы давешняя же старуха вместе с Алтын Тайчи стоят. То увидев, бело-серый конь, бесстрашный, испугался, спокойный, заволновался. «Великое горе, великое несчастье! Эта старуха Покай Сарыг, если в одну сторону пойти, — там стоит, если в другую сторону пойти, — там тоже стоит!»

Когда конь до золотого столба дошел, Алтын Тайчи у него спросил: «Что видел, что слышал, бело-серый конь, скорее рассказывай!» Бело-серый конь лошадиным голосом ржал, человеческим голосом рассказывал. «Вот конь лошадиным голосом ржал, человеческим голосом рассказывал. «Вот что я видел и слышал! Эта старуха Покай Сарыг в золотом дворце, укачивая ребенка, сидит!» Все что слышал, все, что видел, все рассказал».

Алтын Тайчи и старуха Покай Сарыг, выслушав его, в золотой дворец вошли. За золотой стол сели. Старуха Покай Сарыг сказала: «Если на самом деле так, то следуй по пути бело-сивого коня, у храброй богатырши, твоей сестры, силы хватит!» То услышав, Алтын Тайчи встал.

altyn tajčy-ba poqaj saryg̃ uyp alyp, altyn öргеge kire pazyştylar. altyn ustaıdyñ arызyna odurdular. poqaj saryg̃ ajtty: «synap andig̃ poıyanda sen aγoj attyñ çoluna kirezin. alyp külük altyn tana peçenniñ aryg̃ küzü aıar». any uqqan altyn tajčy tura pasty. saqtaşpasqa ezen suraşty, saıynşpasqa mençi suraşty. altyn örgeden şyγa pazyp, aq qyr adyna çapşyndy.

qydat parγan izenezin qyna tepti. aq qyr atqa qanyq kelip qamçy şapty. para-para kelgenin — sybysqalyg̃ synγa şyqty, sıayajlig̃ pelge tüşti. uluğ synnañ anañ körüp tañnap turγanyñ, tük pilişpes maı çattyр, kebin pilbes çon çattyр. aq çazynyñ ortada, ijgi öрге turça. altyn şarçyn tözünde uluğ kiçig̃ aq qyr at paııal-partyр.

altyn tajčy eniş töbere endire pastyrdy. altyn şarçyn tözüne çetti. at paıyñañ aıybysty, altyn örgе kire pasty. eziк aзыр, ezen perdi, eñmen ködür, mençi perdi. anañ körgeni — altyn ustoı түбünde pir qyıyan şaş çoq altyn tas odurça. ponu körgen altyn tajčy qarsıyada kel qatqyγanyñ — qara taş çaryıdy, kürslede kel külgenin — küçün taş çaryıdy. «şynap altyn tas mynda odurçattyр» tep, altyn örgeden şyγa pazybysty.

ijginçi öргezine päs-kirdi. anañ körgeni — andig̃-oq paıynda pir qyıyan şaş çoq altyn tas odurça. ponu körgen altyn tajčy uluğ qatqyzyn qatqyrdy: «meñ pärçytqan çoluma mendiğ̃ çabaııar qajdañ kelip uçurapça!» tep.

odurçutqan altyn tas tarynmas pozu taryndy, tağ şeni šişti. «sen, altyn tas, qan poızañ, pozunnuñ alyña qan-zyn! pistiñ alybysqa seni kiži qanya tutpän. çaqşy-ba kelgen poızañ, sın müzünçe nançy poıar edibis. çabal-ba kelgende — aryg̃ tynynça çedip saıajyn!» tedi. «sen uluğ altyn tas açamny asqajlaγañ as poıup, meni asqajlarγoq kirtirzin!» tep.

altyn tas altyn tajčyny çaya töşteñ qabaldy, aq çazyγa sörtep şyqpardy. qadyğ̃ aγaş qaqşal ertti, qara çer silgil-ertti. ujaıyğ̃ quş ujadañ çasty, paıalyğ̃ añ paıadañ çasty. ege püge pazyştylar, elik-kijik şeni örlaştylar, qaçyra püge pazyştylar, toγus qabyrγa pükteştiler. qarbaža-qarbaža kelgennerin — ijgi toγus küñge çettiler. ijgi toγus күñpaıynda aq çazynyñ түбünde uluğ aγaş uзыр ertti, uluğ alyр östep aşty. qarbalaş tabyşpas qara tuban arызynañ altyn tajčy päs-şyqty. päs şyγala çöp alyndy. uluğ altyn tas qoluna kir-pardy.

uluğ altyn tas qoluna kirip, üş toγus küñge şyγara qarbaşty. üş toγus küñnün paıynda uluğ altyn tasy qara çerden türe tuttu, qyryq kökke qyna tuttu. aγar-turγan aj alyna aly ebirdi, köger-turγan күñ alyna üş ebirdi.

Чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, распрощался. Из золотого дворца выйдя, к бело-серому коню прильнул, китайские стремени ногою нажал и крепче оперся. Рассердясь, коня плетью ударил.

Ехал-ехал, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. С великого хребта [потом] глядя, стоял и присматривался: многошерстный скот лежит, в разнообразных одеждах народ живет. Среди белой стены два дворца стоят. У золотого столба бело-серые кони — большой и малый — привязаны.

Алтын Тайчи вниз по склону горы спустился. Золотой коновязи достиг. С коня соскочил. В золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствовал. Потом посмотрел: за золотым столом Алтын Тас сидит — без единого волоса. Это увидев, Алтын Тайчи, громко смеясь, захохотал — черный камень раскололся; тихим смехом засмеялся — богатырский камень раскололся. «Ведь и вправду Алтын Тас здесь сидит!» — [говоря] (сказал и) из золотого дворца вышел.

Во второй дворец вошел, смотрит: там также на голове ни единого волоса не имеющий Алтын Тас — золотой плешивец — сидит. Это увидев, Алтын Тайчи великим смехом захохотал (и сказал): «На моем пути такие паршивцы откуда берутся и мне встречаются!» [говоря].

(Тогда) сидящий Алтын Тас, никогда не сердившийся, ныне рассердился, как гора раздуся. «Ты, Алтын Тайчи, если ты хан, только для самого себя хан! У нас никто тебя ханом не ставил! Если бы ты по-хорошему пришел, как пара рогов [одного марала] двумя друзьями бы мы стали! Когда ты по худому пришел, до чьей души твоей доберусь я! [сказал]. Тебе мало было высмеять Великого Алтын Таса — золотого плешивца — моего старшего брата, так ты еще меня высмеивать пришел!» [говоря].

Алтын Тас Алтын Тайчи за ворот [грудь] схватил и в белую степь потащил. Твердое дерево рассохлось, черная земля всколыхнулась. Имеющие гнезда птицы от гнезд улетели, имеющие детенышей звери от детенышей убежали. Так сгибаясь, наступали (они) друг на друга, подобно пятидесяти диким козам ревели; гонясь, схватываясь, друг с другом боролись; девяносто ребер друг другу согнули. Боролись-дрались, достигли [срока] дважды девять дней. Через дважды девять дней в глубине белой степи великое дерево свалилось и погбло, великий богатырь вздохнул и умер. Из тумана, в котором шаря друг друга не найти, Алтын Тайчи вышел. Не успел опомниться — в руки старшего Алтын Таса — золотого плешивца — попал.

Попав в руки старшего Алтын Таса, целых девять дней боролся. Через девять дней он старшего Алтын Таса от черной земли приподнял, к сорока небесам прижимал. Перед белеющим месяцем шесть раз повернул, перед желтеющим солнцем три раза повернул, на черный камень бросил — хребет в шести местах переломил (ему). Алтын Тайчи из середины черного тумана

ajlandyr-kelip, qara taştyn üstüne tüzürübüze pergenin — aš ortqazyn aly çerden ada šaptyr. alytn tajçy qara tuban arazynañ päs-šyqty. aq qyr adyna çapšyndy. pasqan azaq par poľdu, paryan çeri çoq poľdu.

para-para kelgenin — sybysqalyğ synoq šyqty, sšayajlig peldoq tüštü. uluğ synnañ anañ körüp turşany — tük pilišpes mal çatqan, šodun pilbes çon çatqan çerge çettir. ajya künge sustayançe ijgi alytn örge turça. alytn šarçyn tözünde uluğ kiçig kök porat turça.

alytn tajçy eniš töbere endire pastyrdy. adyn poš taštap, alytn örgege kirdi. ežik ažyp, ezen perdi, eñmen ködür, mençi perdi. alytn tajçy anañ körüp turza, alytn ustal tübünde tajya šeni arşalyğ alyp tölü ödur-kelip ezen perišti. «e, e, e, z, zz, ezenoq!» tep, täl-pardy. kelegej alyp poľçañ poľtur. ponu körgen alytn tajçy, ijgi nanyn čara šabyñ-kelip, qatqyrdy: «uluğ obaľ, uluğ kej! men paryan čolda eñne qalyñanyñ kelegej alyp ucu-raža perdi». tep, pura šabyľdy.

alytn örgeden šyya pasty. ijginçi alytn örgezine kirdi. ežik ažyp, ezen perišti, eñmen ködür, mençi perišti. ežik ažyp ezen periškenin — kezek tajya šeni alyp ezen perišti, «alytn tajçyny körcam!» tep, alyt tagdy ažyra körcä. ponu körgen alytn tajçy uluğ qatqyzyn qatqyrdy. «tigi örgezinde kelegej alyp odurča, ponzunda qyjyr qaraqtyğ alyp poľtur!» tep, qyjyrdy.

alyt tölü ajtty: «eze, alytn tajçy, sen kelegej kök qan ačamny asqaj-lazañ çoq, am qyjyr kök qanny, meni asqajlapçañ! čaqšy-ba kelgen polzañ, sñn müzünče ijgi nançy poľar edibis. čabaľ-ba kelgeninde aryğ tynyda čet-salajyn!» tep, (ajtty).

alytn tajçyny čaya töšteñ qapty, aq čazyğa sörteđi. kök qan alytn tajçyny qabal, šabyzajyn, tep, qarqany — alytn tajçy šaptyrarya perbedi; tudunušqançoq turdu. čabaľ adaj šeni qabyš-pardyľar, cabaľ nek šeni süzüš pardyľar. es qajyš-če esteštiler, čas qajyš-če toľyaštyľar. on ijgi künge šyyara qarbaštyľar. on ijgi künnüñ pažynda alytn tajçy sürünmes çerden süründü, tajlyqpas çerden tajlyqty. alypty as tudundu, qara çerdi köp tajandy. azaq-pa as päs turdy, aja-ba köp tajandy. qap šeni silgitti, qajyš šeni toľyatty. sörtepcytqan šende qara çer tartyľdy, qara taľaj čajqaldy. turşan ayaš tura syndy; çatqan ayaš čada syndy. uluğ synnyñ qyrynañ qara šojun qujaq keşken, tajya šeni qys paľazy čügür-kirdi. qys paľazy čügür-kelip, alytn tajçyny čara tartyr, aq čazyğa küredi. qyjyr qaraqtyğ kök qan-ma pözu qarbažybysty. qarbaža-garbaža kelgennerin —

вышел, к бело-серому коню прильнул. Там, откуда поехал, — след за ним остался; туда, куда поехал, — следа не было.

Ехал, ехал, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину опустился. Стоит и с великого хребта смотрит, — оказывается, он достиг земли, в которой многошерстный скот живет, бесчисленный народ живет. Освященные солнцем и луной два золотые дворца стоят. У подножья золотой коновязи булано-серые кони — большой и малый — стоят.

Алытн Тайчи по склону спустился. Коня отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствовал. Когда [потом] Алытн Тайчи глядя остановился, — потомок богатырей со спиной широкой, как тайга, сидя (с ним) поздоровался: «Э, э, э, здравствуй» — [говоря] сказал, растерянно запинаясь. То был богатырь заика. Алытн Тайчи себя по бедрам ударил и захохотал: «Великое несчастье, — великое горе! На моем пути подконец заики-богатыри начинают встречаться!» — (так) говоря, назад поворотил.

Из золотого дворца (он) вышел; во второй дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался. Его приветствовал богатырь [величиной] с пол тайги [говоря]: «Я вижу Алытн Тайчи!» — а сам через шесть гор глядит. Это увидев, Алытн Тайчи великим хохотом захохотал. «В том дворце заика-богатырь живет, а в этом, оказывается, косою богатырь находится!» — (так) говоря, хохочет Алытн Тайчи.

(Этот) потомок богатырей сказал: «О, Алытн Тайчи, ты не только осмел заика Кок Кана, моего старшего брата, а и меня, косою Кок Кана, теперь тоже высмеиваешь! Если бы ты пришел по-хорошему, мы стали бы с тобой как пара рогов [одного марала] друзьями, если ты по худому пришел, до твоей чистой души доберусь я!»

Алытн Тайчи за грудь [ворот] схватил и в белую степь потащил. Кок Кан поймал Алытн Тайчи и, сказав: «ударю я его» — его схватил. Алытн Тайчи бить себя не дал, [схватывались] борясь, встал (на ноги). Подобно злым собакам, друг друга хватили: подобно злым коровам, друг друга бодали. Сгибали друг друга, как мягкий ремень; скручивали друг друга, как свежий ремень. Двенадцать дней (они) боролись.

Через двенадцать дней Алытн Тайчи на гладкой земле стал спотыкаться, на несколькокой земле стал скользить. Богатыря мало схватывал (слабо держал), на черную землю много опирался. Ногами мало ступал, на ладони много опирался. (Когда тащил богатыря), черная земля содрогнулась, черное море всколыхнулось. Стоящее дерево, стоя, сломалось; лежавшее дерево, лежа, сломалось. Со склона великого хребта девица, одетая в кольчугу из черного чугуна, [величиной] с тайгу, прибежала.

Прибежав, девица Алытн Тайчи отняла, оттащила (и) в чистую степь отбросила. С косым Кок Каном сама бороться стала. Боролась-сражалась-три дня сражалась. Через три дня великое дерево сломалось, великий бога, тырь со ством погиб. Побелев, месяц умер; пожелтев, солнце закатилось. Из [средины] тумана девица вышла. Лишь только вышла, в далекой земле

üş küнге шығара қарбақты. үш күннің пазында ұлуғ ағаш ұзуп ertti, ұлуғ күчүн өстеп асты. ағарып келип, ај өлдү; көгерип келип, күн өлдү. қара түбан аразынаң қыс пағазы пәс-шықты. пәс-шығары чөп алысты. рағу черде ұлуғ ағаш ұзубоқ ertti, ұлуғ күчүн өстепоқ асты. ақтығ көктүг пулут аста-бе алып өдүгү чылтырап асты. чердин тозуну тегри қаныа шықты. тегриниң пулуду қара черге түштү. алып түскен чердең қызыл чағын алысты, тегри қаннаң қара чағын алысты. қара түбан аразынаң келегеј көк қан пәс-шықты.

алтын тайчын өлген сөгү тағ полтур, төгүлген қаны көл полтур. syny-zajy synmān, көрген қаранын нүммен алтын тайчы келегеј көк қанның қолунаң өлүп астыр. пону көрген қыс пағазы ачыжы келбес позу ачыжы келди, ајранына суғ қоғулды. «адаңның-оқ ачыжы, енеңнің-оқ қоққују ползун! көрзең! көре чадыр, алтын тайчынның арығ тынына четтирбистим!»

қыс пағазы чүгүр-келип, келегеј көк қаны нақ пағқа қажырп ертисти. келегеј көк қан-ма чаға төштең қабыстылар, чазы черге сөртестилер. келегеј көк қан-ма ижеге қысқыр-келип қарбақтылар. қарбақтытан туштарында келегеј көк қан surady: «eze, алтын тайчыдаң үчүн туруш-чөрчитқан қыс пағазы, пасқан азаның шебер полтур, тутқан қолуң қадығ полтур! қайдиғ қанның пағазы, нө теген аттығ шалайығ полдың-не?» — қыс пағазы ајтты: «eze, көк қан, қайдиғ қанның пағазы полажын! қайдиғ аттығ шалайығ полаж! қолазы қанның пағазы, поқай сарығ еneliғ үш крестиг алтын тайчаң төзүнде чақан қара пурба поларым!»

пылар ижеге ас қарбақтылар, көп қарбақтылар. қара пурба көк қаны қыраң өре қынady, қыр төбере сөртеди. қара чердең түре тутту, қырық көкке қына тутту. ај ағына алты ebirdi, күн ағына үш ebirdi. қара тағқа түзүбүзе пергенин — келегеј көк қанның аш ортақзын алты чердең ада шаптыр. қара пурба қара түбан аразынаң шығур, келегеј көк қан-ма қыжыр көк қанның таш оңуқтарын тағady, тағай күллерин шақты. үрен чурттарын узутту, киңиғ шурттарын киштetti. оңуқтарын аңдardy, қазанарын түндерди.

қара пурба алтын тайчынның черине пәрбисты. алтын тайчынның черине четкені — үрен чурт узуп қалтыр, киңиғ чурт киштеп қалтыр. мағ турған черге шағланақ пүдүп қалтыр; чон чақан черге көк өлең өзүп қалтыр. көк торчуқ қағыш қалтыр. алтын шарчын тегејине ала сасқан өдур-салтыр. ақ қан-ма алтын арығ өрекен алтын шарчын төзүне үзе шабыл-қалтырлар. өлген сөктери тағ полтур, төгүлген қанары көл полтур. ақ мағ, албатқы чон ұлуғ synny-ағызға қақырыл-парыбистыр.

великое дерево также надломилось и упало; великий богатырь также вздохнул и скончался. Поверх пестрого облака богатырская обувь блеснула. Пыль земли поднялась к хану-небу, тучи небес на черную землю упали. С места, куда упал богатырь, красное пламя поднялось. С [хана] неба черная молния спустилась. Из [средины] черного тумана заика Көк Кан вышел.

Умершие кости Алтына Тайчи горой сделались, пролитая кровь стала озером. [Выросший] стан его не сломился, смотревшие глаза его не сомкнулись; Алтын Тайчи от руки заика Көк Кана погиб. Это увидев, девица, никогда не огорчавшаяся, ныне огорчилась; к горечи ее еще горечь прибавилась. «Пусть будет отцу твоему горе, матери твоей печаль! Смотрите! Я все это видела и все же допустила погубить душу Алтына Тайчи!»

Девица, подбежав, косого Көк Кана, по щеке ударила. С заикой Көк Каном за ворот, за грудь друг друга схватились. По степи друг друга волочили. С заикой Көк Каном вдвоем кричали и боролись. В то время как боролись, заика Көк Кан спросил: «О, молодая девица, сражающаяся ради Алтына Тайчи, нога, которой ты ступаешь, мягкой оказывается, рука, которой ты схватываешь, твердой оказывается! Какого хана ты дитя, как твое имя-прозвище?» Девица сказала: «О, Көк Кан, какого хана я дитя! Какое имя-прозвище я имею! Я — Кара Пурба, ребенок Колазы Кана, имею мать (старуху) Покай Сарыг, живущую у подножья трехкрестовой золотой тайги!»

Они двое мало ли боролись, много ли боролись, Кара Пурба Көк Кана на гору втащила, по хребту вниз потащила. С черной земли подняла, к сорока небесам прижала. Перед месяцем шесть раз повернула, впереди солнца трижды перевернула. На черный камень богатыря бросила: спина заика Көк Кана в шести местах переломилась. Кара Пурба из середины черного тумана вышла. Каменные очаги заика хана и косого Көк Кана разбила, море золы разбросала. Людей на стойбище усыпила, скот стойбища заставила ржать (угоняя). Камни от очага разворотила, казаны опрокинула.

Кара Пурба в землю Алтына Тайчи отправилась. Когда достигла земли Алтына Тайчи — оказывается, люди в стойбище его (все) уснули (умерли), а скот на стойбище ржет (вдали угнанный). На том месте, где стоял скот, крапива выросла; на том месте, где жил народ, зеленая трава выросла. Да кукушка с соловьем поют. На верхушке золотого столба пестрая сорока сидит. Ак Кан и старуха Алтына Арыг у подножья золотого столба лежат убитые и рассеченные (на части). Мертвые кости навалены горой, пролитая кровь стала озером. Белый скот, поданный народ через большой хребет угнаны.

Увидя это, Кара Пурба, не горюющая, огорчилась, к огорчению ее горечь прибавилась. «Зачем они угнали скот и народ у этого человека, зная, что он беззащитный! У беззащитного человека скот и народ разве угоняют!» — так сказала и пустилась в погоню (по следам скота). Кара Пурба едет и видит: старый скот по дороге уменьшается, старый народ на пути

ponu körgen qara qurba ačyjšy kelbes pozu ačyjšy keldi. ajranyna sug qožuıdu: körer qajary čoq kižiñ mały čonu pede qačyrył-parčañ pöłtur-ter. aq małdyñ čołuna kirip, qačyryš-pärbysty. qara purba parčät körb-odorza, mał qaryzy čołya üreptir, čon qaryzy čołyoq üreptir. ałynañ paryan mał ot ottap partyr, sōnañ paryan mał ottarya ot čedišpēn töbraq čałyar pärtırlar. sürüze-sürüze kelgenin — čer čabyzy čerge čatqan uluğ kičig qan saryğ qystyn čerine četti. sybysqalyğ synya šyqty, slajajliğ pelge tüštü. uluğ synnañ körüp turany — aq qannyñ aq mały, albatqy čonu mynda čörčä. po čerde aq małya ottarya ot četpenča, albatqy čonunya turarya čer četpenča.

qara turāñ ištineñ uluğ kičig qan saryğ qys čügür-šyyp qara purbany čaya paštañ qaptylar. pirezı ałynañ qapty, pirezı sonañ qapty. qara purba ijei alyptyñ qołuna kirip, qarbažybıza perdi. qarbaža-qarbaža kelgenin — kün-me sanap qarbaštylar, kün ertisti, aj-ba sanap tuduštıylar, aj ertizer poıdu. po čer čer połbady, po suğ suğ połbady.

as qarbažyp, köp qarbašçytqan šennerinde qara tałaj čajqaldy, qara čer tübü tartıdy. turyan ayaš tura syndy, čatqan ayaš čada syndy. uluğ tajyan paštaryna užun pilbes uluğ sałyn kirišti. aq tasqyłya pōrlap kelip, qar čardy; aq tałajya qyžyłaš kelip neğ kirdi. po čerdiñ tujuyu čerge tağ toyašsa, tağ tutpānča, suğ toyašsa, suğ tutpānča, — toçus köstüğ syrlyğ oq šeni sy qoburaj uluğ synya qazaıdy. sy qoburaj ištinde alyp tegen kiziniñ köksenizi uyuıdu. «šaqqo čerge po künü čaryqtyñ aryğ sēkteri qarbašçatty! pıłardañ üçün sy qoburajdañ tüškem-dā turušpas!» ter. anañ ara sy qoburajdyñ syłayy po pułun čerge uyuł-qaldy. sy qoburaj paryan sōnda šaqro čerge toçus köstüğ syrlyğ oq šeni syłap kelip-četti punnuğ sy tajaq qazała tüštü. arqalyğ tajya šeni alyp tölü sy tajaqty tajan-sałtyr. alyp kiži ajdyndy: «adañ-oq ačyjšy! qara purba sy qoburaj ištine čörčütqan syr öleñ qys alčan kizimni sürüš-parčam. any sürüšpende połzam, senen üçün pir oq šurup, ada perer edim!» tedi. — any uqqan qara purba sōjledi: «pōdeñ pōlünčam, čadañ čaryłčam! azyrap östürgen abam-oq poł, ebizip östürgen enem-oq poł-menen üçün, pir oq šurup, ada pergej-pediñ!»

any uqqan alyp kiži čügür-kelip, qara purbany čara tartyp, aq čazyra küredi. uluğ kičig qara saryğ qystyn qołuna pozu kirip qarbažybysty. alyp tölü uluğ kičig qan saryğ qysty uš puruıup, uš ajlandyraraya čettirbedi. qara čerden türe tuttu. qyryq kökke qyna tuttu. ajlandyr-kelip, qara taštyñ

gože уменьшется. Впереди идущий скот травой питается; сзади идущему скоту нехватает травы, чтобы пасться, — он землю лижет. Во время этой погони она доехала до самой нижней земли, где обитают две девицы, большая и малая Кан Сарыг. На свистящий хребет поднялась, на гладкую седловину спустилась. С высокого хребта смотрит. Ак Кана белый скот, подданный народ здесь ходит. На этой земле травы нехватает пасться и кормиться белому скоту, земли нехватает стоять подданному народу.

Из черного города великая и малая Кан Сарыг девицы выбежали, Кара Пурбу за ворот [за голову] схватили: одна спереди схватила, другая сзади схватила. Кара Пурба, в руки богатырей-девиц попавши, сражаться с ними стала. Дрались-сражались, думали, что день дерутся, — оказывается дни за днями проходили; думали, что месяц прошел, — месяцы проходили. (От этой борьбы) [эта] земля землею перестала быть, [эта] вода водою перестала быть.

В то время, как мало ли боролись, много ли боролись, черная земля содрогнулась, черное море всколыхнулось. Стоящее дерево, стоя, переломилось; лежащее дерево, лежа, переломилось. По вершинам великих деревьев пронесся нескончаемый ветер, на белый хребет, густо падая, снег выпал, на белом море с сильным шумом передвинулись льды. На этой отдаленной потаенной земле, — если она наедет на гору, — гора ее не удерживает; если наедет на реку, — река ее не удерживает, — (эта) пучка, (быстрая) как имеющая девять глаз окрашенная стрела, воткнулась в высокий хребет. Изнутри этой пучки раздался голос-хрип человека-богатыря. «На этой земле из какого солнечного мира дерутся комары! Из-за них не стоит мне вылезать из пучки!» Этот голос-шум из пучки затем в самом крайнем, отдаленном углу земли слышен был.

После того как пролетела, проехала пучка (дудка борщевника), с семью суставами посох, свистя словно окрашенная стрела с девятью глазами, в землю вонзился. На посох-дудку богатырский потомок, подобный тайге, опирался. Богатырь сам про себя сказал: «Послушай, Кара Пурба, отца твоего жалость! Я договяю находящуюся внутри пучки девицу Сыр Олег, на которой я должен жениться. Если бы не договял, в защиту тебя стрелу вынул бы и выстрелил бы!» Это услышав, Кара Пурба сказала: «Я из счета выхожу, от жизни отделяюсь. Ты будь мне отцом, вскормившим и вырастившим меня, стань моей матерью, вырастившей меня, вскормившей молоком. Ради меня одну стрелу (пулю) пусть!»

Это услышав, богатырь подбежал, Кара Пурбу вырвал и в чистую степь (далеко) отбросил. Тогда, попавши в руки великой и малой Кан Сарыг девиц, сам с ними бороться стал. (Этот) потомок богатырей обеих девиц — большую и малую Кан Сарыг — трижды повернул, на третьем повороте с черной земли приподнял, к сорока небесам прижал. (Еще раз) повернул, на черный камень бросил. От обеих девиц мяса не осталось поклевать сороке, костей не осталось погрызть собаке. Он все разломал и (кругом) разбросал.

üstüne tüzürübüze pergenin — uluğ kiçig qan saryğ qystın sāsқан qayar et qalbāndyr, adaj šaǵdar sōk qalbāndyr, tōza tōstura šabystyr.

qara tuban arazynañ alyp tölü pās-šyqqanda — qara purba surady: «eze, alybym, menen üçün turuşqan, ady šolañ qajzy poǵar?» — alyp ajtty: «ady šolañ qajzy poǵzun! öskeni körüp özü açycañ, paşqany körüp paǵty açycañ, çetti punnuğ sy tajaqtyğ sybas oǵlaq poǵarym! sy qoburğaj ištine çörcitqan syr öleñ qys aǵcañ kižimni sürüş-parçam» tep, ezen mençi surašty. anañ ara pasqan azaq par poǵdu, paǵyan çeri çoq poǵdu.

qara purba anañ körgeñi — alytyn tajçyñ aq qyrady myndoq çörcä. alytyn sabaq myndoq turçä. mynda enip alytyn tajçyñ alyñan kižizi alytyn sabaq pir oǵaqty túbalytyr. oǵlaq paǵtañ-puǵtañ paža pertir. qartyaadyğ araqtyğ, qan çapşyryñan naqtyğ çadyr.

qara purba alytyn sabaq-pa oǵaqty aq qyratqa mündürüp, çeri çurtuna nandyrbysty. aq maǵdy, aǵbatqy çonnu alytyn çajzañnar qoǵuna perip, alytyn tajçyñ çerine nandyrbysty.

qara purba aly çolun alynyñ pārbysty. alytyn sabaq postarynyñ çerge çedip, qara qadaçy poǵup, kündüs küzeçi poǵup, oǵaqty azyrap çada perdi. poqaj saryğ öreken myndoq keltir. çada-çada kelgende — oǵlaq kiži šeninge çede pertir. oǵlaq ajtty: «eze, iče, ala qōr šaraya aš çazap per. ajağymny ködür-tüp, ady šolañ adadyp, körēj!» tedi. any uqqañ ičezi, qyryq qatpaš túbüne kirip, alyğ kiži izip tōspas ala qōr šaraya tōldüra aš ašyğa perdi. oǵlaq ala qōr šarany tudunmalytyn, aq cazyğa šyğa pasty. ülgen túbü üze qyjyrdy, çastyñ túbün çara qyjyrdy. «adym adaçañ alyma kelzin! adym adabas çayyn paspazyn!» oǵlaq tura-tura kelgenin — alytyn küñge šyğara tuttu.

alytyn küñniñ pažynda üš taǵajdy qaštap, ala qamyš tajaq tajanyñ apšij kiži pazyp kelça. apšijdiñ qarayynyñ šylbağy purnuna kirça. purnunuy šimirigi aqsyna kirça. aqsynyñ šilegeji tōš tōbere qōrǵap kelça. alynyñ öbürün alyna üze pazypça, kestiñgi öbürün kestiñge üze pazypça. apšij çol saǵban kižiniñ çodazyna šabyp kelça, çol saǵban kižiniñ pažyna šap kelça. apšij kele-kele kelgenin — oǵlaqtyñ qyryjyna kele perip, ajtty: «eze, erke kençi paǵam, myndağy çylyñan qalyq çonunda seniñ adyñ adap perçeñ kiži šyğyşpady-ba! uluğ kiži men adap perzem, ady šabyñ raqqa pağaj-nel» tedi. — oǵlaq ajtty: «eze, apšij, ady šolañny adap per! abazy çoq kižige qaryğ teriğ-dā adyçaq poǵza adap per! eldiñ çerin ebir-çörzem, adanary at kerek» oǵlaq apšijge ala qōr šarazyn tuda perdi.

apšij syrañaj tyn-ma saǵyp ertisti. sağaly sarbaja ezirdi, purnu tardaja, aqsy yrbaja ezirdi. apšijdiñ erbekterge aqsy emen poǵdu. ajdarğa söziñ

Когда потомок богатырей вышел из черного тумана, Кара Пурба спросила: «Ты богатырь мой, из-за меня сражавшийся, как будет твое имя-прозвище?» Богатырь сказал: «Мое имя-прозвище такое будет! Глядя на других, огорченный, взглянув на чужих, сожалеющий, с семью-суставным посохом юноша по имени Сыбас я буду! Я хочу догнать девушку Сыр Олен, в пучке [-дудке борщевника] летящую, ибо я должен взять ее в жены!» (Такими словами) он поздоровался (с Кара Пурбой). После того по пути, по которому он проехал, след остался, а куда он отправился — следа нет.

Кара Пурба потом посмотрела — бело-серый конь Алтын Тайчи тут же ходит. Алтын Сабак тоже тут. [Сюда] спустившись, Алтын Сабак, жена Алтын Тайчи, [одного] мальчика в то время родила. Мальчик, качаясь из стороны в сторону, начал ступать-ходить. У него были глаза, как у ястреба, щеки румяны, словно сквозь них проступила кровь.

Кара Пурба и Алтын Сабак мальчика на бело-серого коня посадили и на свое стойбище-землю отправили. Белый скот, поданный народ чай-завам в руки отдали (и) в землю Алтын Тайчи отправили.

Кара Пурба продолжала свой путь. Алтын Сабак в свою землю приехала. Мальчика воспитывать стала, ночью непрерывно сторожа, днем постоянно охраняя. Старуха Покай Сарыг сюда же пришла.

[Когда] они [так] жили-жили, мальчик возраста мужа достиг. Тогда мальчик сказал: «Слушай, мать, в пестрой чаше питье приготовь! (Пойду искать человека и) заставлю (его) поднять мою чашу (и) назвать мое имя-прозвище!» [сказал]. Это услышав, мать его в глубину сорока комват прошла и чашу полную питья вынесла и мальчику дала. Эту чашу глупый человек выпить и опорожнить не может. Мальчик, эту пеструю чашу держа, в чистую степь направился. Там крикнул, разрывая на части дно вселенной, расщепляя пополам дно преисподней. «Пусть тот, кто назовет мое имя, ко мне придет. Тот, кто не назовет мое имя, пусть (близко) не подходит!» Мальчик стоял шесть дней и эту чашу держал.

Через шесть дней, шагая по берегу белого моря, опираясь на пестрый камышевый посох, старик подошел. Слизь, выделяясь из глаз старика, попадает ему в нос, мокрота из носа попадает ему в рот, слюна изо рта, стекая, журчит по груди. На передние помы он [спереди] наступает, задние помы [сзади] топчет. Людей, не дающих ему дорогу, старик по ногам бьет; людей, уступающих дорогу, он ударяет по головам. Старик шел, шел, к юноше сбоку подошел и сказал: «Милое, любимое дитя мое, оказывается, ты до сего времени здесь стоишь! Среди всего народа, здесь собравшегося, разве не оказалось человека, который смог бы дать тебе имя! Если я, старый человек, назову тебе имя, имя-прозвище твое далеко ли пройдет?»

Мальчик сказал: «Да, старик, назови мое имя-прозвище! Человеку, у которого нет отца, дай какое-нибудь имячко! По чужой стороне если ездить стану, чтобы быть называемым — мне имя нужно!» Мальчик старику пеструю чашу протянул.

tabynmas poľdu. apšij ũlgen tũbũn ũze qyjyrdy, častyň tũbũn čara qyjyrdy. «at poľza, at poľzun! at poľbaza, čel qaqsyn! aľtyn tajčy abaľyġ-zyň, aľtyn sabaq eneliġ-ziň, aľtyn̄a mũnčeň adyň attañ artyq aq qor(at poľzun! aq qor(at tyn̄a mũnčeň kũlũgũ čaryq čerge toľdura tuňan aba qulaq poľzun! aq qor(at ašpānda azyġ-da pũtkũl qaľbazyn! sen, aba qulaq kespēde keziġ-de pũtkũl qaľbazyn! taľaj qaštap čörzeň, qan-ma aġys čör, tasqyľ töstep čörzeň, nin-me aġys čör! aľtyptyň tynyna čedip, azyġdyň šazyň kezip čörb(odur!» — apšij kiži ajtty: «eze, aba qulaq paľam, aľy čanyňny kōrb(aľdym, am kesti čanyň-ma tur. kesti čanyňny kōrb(aľaj» tedi. oľaq kesti čany-ba turup, aľy čanyňa aľlanňanyň, — apšij kižiň turňan čeri par, parňan čeri čöyũľ.

oľaq aľtyn öргеge pās-enip, abazy čatčañ aľtyn šerke qyrabatqa čadyr, uzubustu. uzu-uzu kelgeni, — sāġyn-kelip, taň atty, saryar-kelip, kũn šyqy oľaq, keril čyzyľ usqanyr, aľtyn örgedeň šyġa pasty. aľtyn māqyš pažynañ anaň kōrũp turňanyň — aľtyn šarčyn tözũnde attañ artyq aq qor(at paľaľ-partyr. aľtyn ezer syrt čazaľtyr, kũmũš qujaġyn artynňanče turča. aq qor(at aľtyn šarčyn pažyn keze kepšep turča; aľtyn šarčyn tözũn ebire taqtap turča.

aba qulaq aq qor(at tyn̄a aľyna pās-keldi, aľtyn kũmũš qujaġyn qatap pũktep qatandy. qoľtuq aľty aľlyġ pōľča, edek pažy šōjbeň pōľča. aba qulaq erbektendi: «qačan tušta, aľyp qoľuna kirip, qarbašsam, eňmen pažy epteler, čaryň pažy anda čapšynar. qara mũs čačaġyn tartqany — tũbũ tözũ qadyš pildirdi» aba qulaq erbektendi: «qadyġ šaġdy arľap čörũp, qānyq kelip tartsam, epke keler kũn poľar!»

aba qulaq aľtyn öргеge kirdi, aľtyn ustaľdyň arġazyna odurdu. aš-pa tabaq čidi. aba qulaq surady: «eze, poqaj saryġ öreken, sen pilbes-te po kũnũ čaryq ištinde nebe čoq! aľtyn tana pečemniň čoľuna kirēj-be, čoq aġ(o at tyn̄a čoľuna kirēj-be, — pilgeň uqqaňny ajda per!» tedi.

poqaj saryġ öreken ajtty: «eze, čaqšy čajaľňan aba qulaq paľam, qajzynyň čoľuna kirgeniňni men pilbēčam. sen myñaň ara pararzyň. qaryuš četpes qara öreken čerine pararzyň! qara öreken pilbes-te po kũnũ čaryq ištinde nebe čoq. anaň paryp, čaqšy til-be surarzyň. qara öreken pistiň qadaġaj kiži poľar. purunyu tušta seň aq qan aqaň, mēň qoľazy qan paryň

Старик одним духом выпил. Так напился, что даже борода поднялась, нос раздулся, рот оскалился. Рот старика стал ласковым для разговора, но он [чтобы говорить] не находил слов. Старик закричал, разрывая на части дно вселенной; закричал, расщепляя на-двое дно преисподней: «Если это пригодное имя — пусть твоим именем станет! Если это негодное имя — пусть унесет ветер! Ты будешь по имени — имеющий отца Алтын Тайчи, имеющий мать Алтын Сабак! Конь, на котором ты будешь ездить, пусть будет лучший из коней, бело-коурый конь! Ездящий на бело-коуром коне храбрец, при рождении заполнивший (всю) светлую землю, ты будешь Аба Кулак! Пусть не останется ни одного перевала горы, через которую не перешел бы бело-коурый конь! Пусть не останется ни одного брода реки, который не переехал бы ты, Аба Кулак! Если пойдешь по берегу, пусть реки текут кровью, если пойдешь вдоль подножья хребта, пусть реки текут содержимым кишек! Ходи, губи богатырей, срезай волосы у невинных!» Старик сказал: «Вот, Аба Кулак, переднюю твою сторону я видел, задней стороной твоей теперь повернись. Я хочу посмотреть твою заднюю сторону». Мальчик обернулся спиной, потом обернулся лицом — там, где стоял старик, лишь след остался; куда отправился, и следа не осталось.

Мальчик к золотому дворцу спустился и на кровать лег, на которой обычно спал его отец, (лег) и заснул. Спал, спал. Когда пришел в себя, [сняя] заря загорелась, пожелтел, солнце взошло. Мальчик, потягиваясь, проснулся и из золотого дворца вышел. Когда стоял, глядя с верхушки золотой лестницы, видит: у основания золотого столба лучший из коней, бело-коурый конь привязан. Спина коня прикрыта золотым седлом, голова коня украшена серебряной уздой, золото-серебряная кольчуга на нем навьючена. Бело-коурый конь стоит и вершину золотой коновязи кусает, подножие золотого столба утаптывает.

Аба Кулак спереди к лошади подошел; золото-серебряную кольчугу снял, согнул и надел. Проймы оказались слишком широкими, полы висят и волочатся. Аба Кулак сам себе сказал: «Придет такое время и я в битву вступлю с другим богатырем — тогда плечо мое приноворится, кольчуга прильнет, прижмет к вершине лопатки!» Аба Кулак черный роговой лук натянул — он показался ему твердым; Аба Кулак сам себе сказал: «Когда я вступлю в настоящую жестокую борьбу и в гневе натяну этот лук, он станет мне как раз подходящим по руке!»

Аба Кулак в золотой дворец вошел, за золотой стол сел, с питьем еду ел. Аба Кулак спросил: «Скажи, Покай Сарыг, старуха, нет внутри этого света ничего, чего бы ты не знала. Итти ли мне по пути тетки Алтын Тава или итти по дороге бело-сивого коня? То, что слыхала и знаешь, — о том расскажи!»

Старуха сказала: «Дитя мое, превосходно сотворенный Аба Кулак, по чьей дороге тебе следовать — я не знаю! Ты отсюда поезжай! В землю Черной старухи, до которой не достигает проклятие, отправляйся! Нет ничего на этом свете, чего бы Черная старуха не знала. Приехав к ней,

kižim qara qannuñ paǵary poǵan. qara qan qara petikejdi, qara örekeniñ qyzyn aǵan!»

any uqqan aba qulaq saqtaşpasqa ezen suraştı, saǵynyşpasqa menči suraştı. «eliğ cýlđan erte perzem, ertip ölgem poǵar! četton cýlğa čede perzem, čerge čatqam poǵar!» tep. aǵtyn örgeden şyǵa pasty. aq qoradyna čarǵanat quş-če čapşyndı. anañ ara pasqan azaq par poǵdu, parǵan čeri čoq poǵdu.

aba qulaq qara öreken čerine čedip, anañ körüp tynnap turǵanyn—aq čazynuñ túbünde čüregeş-če ebicėk turča, čiliqeş-če tüdünek şyqča.

aba qulaq at pažynañ atybysty, čüregeş-če ebicėkke kire pazyp, anañ körgenin—kül ojmazynuñ qyryna tončağ čabynǵan öreken kiži čatča. öreken čada-čada kelgenin — üstüne tō püdüp, tōrbas čaba pertir. aba qulaq kirip ezeneşkenin — «po kižiniñ adajy ürča, tep, qyja-dā körbedi. čadaryn-na čatča. aba qulaq qara örekenni turǵuza tartyb-aǵyp, tozunun požada qaǵybýza-berip, odura šaš-saǵdy. aba qulaq ajdyndy: «körzen! körer qajary čoq kiži pede tozunǵa ujbaǵ-paryp čatčytqan-či!»

qara öreken ajtty: «eze, paǵa, qajdiğ qannuñ paǵazy, nō tegen attyğ šoǵalyğ aǵyp poǵduñ-ne, maǵa ačynyp, mēñ tozulumnu arlapčytqan?» — aba qulaq ajtty: «qajdiğ qannuñ paǵazy poǵajyn! ädä paşqazy saǵa kelip, sēñ tozunuñ arlačan-pēdi! purunǵu tušta aq qan aǵalyğ poǵturum. aǵtyn tajčyn paǵazy, aq qor'attyğ aba qulaq poǵarym!» tedi.

any uqqan qarǵyş četpes qara öreken oñ eksijin yzajty: «qajrañda mēñ aba qulaq qudam keltir!» tep. qara öreken surady: «eze, aba qulaq qudam, raq ajran soqtuñ-ma, čaǵyn ajran soqtuñ-ma? qajdiğ čerge paryp odurzuñ?» — aba qulaq ajtty: «raq-ta ajran soqpadym, čaǵyn-da ajran soqpadym. adap šaptap sēñ čeriñe keldim! użun pilbes uǵuğ qabar surarǵa saǵa keldim! purunǵu tušta šabyş-parǵan aǵtyn tana pečemniñ čoluna kirej-be, čoq aǵ-oj attyn čoluna kirej-be, any surap keldim».

qara öreken ajtty: «aǵtyn tana pečeñ oǵ šabyş-parǵan oǵary-ba po čerdiñ aǵyp čörbes pir puǵununa kir-partyr. amdaǵy ijgi aǵyp-ra šabyşča. aq qan abannuñ aǵ-oj ady-ba qara qyǵyş toǵuzon toǵus marǵyğ šab-aǵyp, toǵuzon toǵuzonču marǵyjyn šabyşča. aǵ-oj at čügür-kelgen sōnda qara qyǵyş aǵ-oj attyn eñni mojnun eliğ qat kiženge suǵyp, arǵazy mojnun aǵton qat kiženge

по хорошему хорошим языком спросишь. Черная старуха это наша сватья. В прежнее время твой дед Ак Кан и мой муж Кользы Кан были детьми Кара Кана. Кара Кан женился на Кара Петикей — дочери Черной старухи!»

Это услышав, Аба Кулак, чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, распрощался. «Если пройдет пятьдесят лет и я не вернусь, — значит, я умер, если пройдет семьдесят лет и я не вернусь, — значит, я лежу (бездыханным) на земле!» — [говоря] сказал. Из золотого дворца вышел. К белокоурому коню летучей мышью прильнул. [Потом] откуда ехал — след за ним остался, куда поехал — следа не осталось.

Аба Кулак доехал до земли Черной старухи [и там] остановился удивленный — видит: в глубине белой степи стоит маленький домик, величиною с сердечко, словно мозг (из кости) дымок поднимается.

Аба Кулак через голову коня прыгнул. Потом в домик вошел и взглянул — у очага, закрывшись шубенкой, старуха лежит. Эта старуха так долго лежала, что поверх нее пыль накопилась, вырос мох и покрыл (ее). Когда Аба Кулак вошел и поздоровался, (она) сказала: «Какого это человека собака лает!» На него даже косо не взглянула, продолжала себе лежать. Аба Кулак Черную старуху поднял. Всю пыль целиком встряхнул, (ее) усадил. Аба Кулак сам себе сказал: «Смотри-ка, у нее нет человека, который ухаживал бы и присматривал за ней, вот запачканная пылью так и лежит!».

Черная старуха спросила: «Скажи, дитя, какого хана ты ребенок, как твое богатырское имя-прозвище? Ты какой богатырь, пожалевший меня и с меня пыль стряхивающий?» Аба Кулак сказал: «Ты спрашиваешь, какого хана я ребенок буду! Совсем чужой, придя к тебе, разве стал бы чистить твою пыль! В прежнее время у меня был дед Ак Кан; Алтына Тайчи я сын, на бело-коуром коне ездящий!» — сказал.

То услышав, Черная старуха, до которой проклятье не доходит, правой половиной рта усмехнулась. «Сердечный мой Аба Кулак, сват, пришел!» — говоря, Черная старуха спросила: «Скажи, Аба Кулак, сват мой, В далекой ли земле айран ты взбивал, в близкой ли земле айран ты наливал? В какую землю ты направляешься?» Аба Кулак сказал: «В далекой земле айран не взбивал и в близкой земле не взбивал! Называя тебя, прославляя, в твою я землю пришел великого совета просить! Вступить ли мне на путь моей тетки Алтын Тана, некогда, сражаясь с двумя богатырями, уехавшей, или итти по пути бело-сивого коня, — о том спросить я пришел (к тебе)!»

Черная старуха сказала: «Твоя тетка Алтын Тана, с тех пор как они стали сражаться, попала в такую отдаленную землю, по которой даже богатырь этого мира не пройдет. Она до сих пор с двумя богатырями сражается. Богатырь Кара Кылыш у твоего деда бело-сивого коня увел и (при его помощи) девяносто закладов на девяносто бегах выиграл. Девяносто закладов выиграв, теперь уже девяносто девятый раз об заклад бьется. После того как конь (до межи) добегает, Кара Кылыш шею и плечи коня в пятидесяти-

suyp, pir uzun çer qastyq şap-kel, aya paılap saıca. qara qylyş aıoj attyñ ijgi qulaıyn tōza kezip, çaly quzuruıyn tōza qyrbystyr. aıoj at inge közüneñ kün körça, it ajaıynañ aş çipça. qoıazy qan qara qajyş qurluğ qan mergenniñ çerinde çerdeñ çazyр аstyr. qoıazy qannyñ paıazy qara purba qara qajyş qurluğ qan mergen-me qarbaşçalar. çaş saıyynnyñ tuñmazy çaş kök eski tüktüğ erke sar'attyğ eres tajcy çerine kir-partyr. eres tajcyñ çerine kir-paryp, eres tajcy qoıunañ pozan poıban, eneliğ çazyğlyğ kün anda körça. çaş kök çaş saıyyn açazyn tappan, no künü çaryqty tōza ebirdi. pozu çaş saıyynym tep, adān çörça, çaş kök tuñmamny tappançam, tep. ajtca. eres tajcy çaş kök-pe çoq çaş saıyyn-ma — any pil poıban, çaş köktü pozat-pānça. çaş kök şyrajy qysqa çünüğ, āñ kesken kebi er kižiniji. anañ ara tany-bānçalar. sy qoburyaj ištine çörçütqan syr öleñ qys çaş saıyynny sy qoburyajdyñ ištine kire tartyb-aıyp, pirge aı çörça. sen, aba qulaq, eres tajcyñ çerine kirip parzan, çaş kök tep, eres tajcyğa ajtpañçe poırajyñ. ajdybyssañ, eres tajcy any aı-salar. çaş kök slerdiñ tölge çaraçañ kiži. aq saıyynnyñ paıazy aıçañ kižin aj sabaq seni tappan, po künü çaryqty tōza ebirça. aj sabaqty albān qalzan, çazyñ qysqa poıar. çajanyñ çabys poıar. mynañ parzan, aj sabaqtyñ çoıuna kirerziñ!» tedi.

any uqqan aba qulaq ištinde sanandy: «aj sabaqty, sen-dā ajna ajtpa-zañ, pozum-daıy unnapçam!» tep. qara öreken qānyyp ajty: «eze, aba qulaq, po saıyzyñ pilgen poızam, pirdā nebe ajtpas edim! tedi, amdayy ajtcañ söziim köp poıza, paza ajtpassym!» tep, ara ajlandyra çadybysty. aba qulaq çüregeş-çe ebicekteñ şyğa pās-pardy. aq qoradyna çapşyndy. aj sabaqtyñ çoluna kirip, qaçyryzybysty.

para-para kelgeni — sybysqaıyğ synğa şyqty, slayajliğ pelge tüştü. uluğ synnañ körgeni — til pilişpes maı çattyр, šodun pilbes çon çattyр. aq çazyñnyñ ortada aıtyñ öрге turça. aba qulaq sanandy: «uluğ çurttu taştap pāryğa çarabas» tep, eniş töbere endire pastyrdy. aıtyñ šarçyn tōziüne keldi. at paıynañ ātybysty. adyn poş taştady, aıtyñ örgē kire pasty. eziк aıyp ezen perišti, eñmen ködür, mençi suraşı. aıtyñ ustaı түbünde aıyp kiži aş-pa tabaq çipça.

aıyp tura pasty. aba qulaqty qoıdan qapty, qoıtuqtañ çölep, aıtyñ ustaı түбüne odurttu. aıyp tölü surady: «aıtyña müngen adyñ attañ artıq

стойные пути засовывает, спину и шею коня в шестидесятислонные пути засовывает, один конец их к колу в землю вбитому привязывает. Кара Кымыш у бело-сивого коня оба уха целиком отрезал, гриву, хвост целиком вырвал. Бело-сивый конь видит солнце лишь сквозь отверстие иглы, из собачьей чашки еду ест. Колазы Кан в земле Кан Мергена, имеющего черный ремень-пояс, из этого солнечного мира ушел-погиб. Ребенок Колазы Кана Кара Пурба с Кан Мергеном, имеющим черный ремешок, борется. Младшая сестра Чаш Салгына, Чаш Кёок в землю Эрес Тайчи, имеющего рыжего коня со старой шерстью, въехала. Въехав в землю Алтын Тайчи, она не может из рук Эрес Тайчи освободиться — там горестные дни видит. Чаш Кёок своего старшего брата Чаш Салгына не может найти. По всему этому свету кругом объехала. Себя самое называя (именем брата) Чаш Салгыном, ходит и говорит: «Не нахожу я младшую сестру свою Чаш Кёок!» Эрес Тайчи не может узнать, то ли это Чаш Кёок, то ли Чаш Салгын, и не отпускает Чаш Кёок (из своей земли). Чаш Кёок лицом на девицу похожа, одежда ею надета — мужская. Поэтому не узнает. Внутри пучки [дудки борщевника] летящая девица Сыр Олен Чаш Салгына внутрь пучки втащила и возит с собою. Если ты, Аба Кулак, в землю Эрес Тайчи попадешь, ты не скажи Эрес Тайчи, что это Чаш Кёок. Если ты скажешь — Эрес Тайчи ее возьмет (в жены). Чаш Кёок для вашего поколения-(то.ли) подходящий человек. Дочь Ак Салгына, которую ты должен взять в жены, по имени Ай Сабак, тебя не находя, кругом всего этого солнечного света ездит. Если ты не возьмешь Ай Сабак, твоя жизнь станет короткой, твой рост низким будет! Когда ты отсюда отправишься, на дорогу, на путь Ай Сабак ты вступишь!»

То услышав, Аба Кулак про себя подумал: «Хотя бы ты, айна, и не сказала, про Ай Сабак я и сам знаю!» [говоря]. Тогда Черная старуха, рассердясь, сказала: «Вот, Аба Кулак, если бы я эти твои мысли знала, я бы тебе ничего не сказала, теперь же, хотя много у меня есть слов, чтобы тебе сказать, я больше ничего не скажу!» — (так) говоря, Черная старуха легла, от него отвернувшись. Аба Кулак из домика, величиною с сердечко, вышел. К коню своему прильнул, на путь Ай Сабак вступил (и) пустился в погоню.

[Когда так] ехал-ехал, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. Когда с великого хребта взглянул вниз — разнообразной шерсти скот лежит, света незнающий народ живет. Аба Кулак про себя думал, что не годится проезжать мимо великого стойбища, не заехав в него. Вниз по склону спустился, к основанию золотой кобылицы подъехал. С коня сыркнул, коня отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздорогался; плечо подняв, приветствовал. За золотым столом богатырь с штырем еду ест.

Богатырь встал. Аба Кулака за руки взял, подмышки поддерживая, за золотой стол усадил. Богатырь спросил: «Под тобою идущий конь — лучший из коней, бело-коурый конь, оказывается! Сам ты лучший из всех

aq qorʻat poltur, pozun erden artyq er polturzun! qajdig qannuñ palazy nō tegen attyg šofalyg poldun-ne?» — aba qulaq ajty: «qajdig qannuñ palazy polaj! qajdig attyg šofalyg polaj! altyn tajcy palazy aba qulaq polarym!» tedi. aba qulaq surady: «sen qajdig attyg šofalyg alyp polaryn?» — «qajdig alyp polajyn! aj sabaqtny abazy aq salyn polarym! tedi aj sabaq palam seni tappan, po künü čaryqty toza ajlandyrbyza perdi. am qaja qaja paryanyn altynzyzyna ajnačaq pilbenča, künü čaryqtny alyptary pilbenča».

aba qulaq pir üš künge šyğara mynda tojlašty. üš künnüñ pažynda tura pazyp, aq salyn-ma ezen menči suražyp, altyn örgeden šyğara pazyp, aq qorʻadyna čapšyndy. qanyq kelip, qamcy šapty. aq qorʻat čügür-parča teze, — tujyaq soqsuju pildirbenča; ueuq-pärča teze, — qurğum soqsuju pildirbenča. mōzük paryan puřudu aq qorʻat attyn qabağyna pōlünča, čabys kelgen puřudu sağryzyna pōlünča. qazyr salyn qabaq čuğalar pärča.

para-para kelgenin — čer ebire tüšken qara tajyan tözine četti. qara tajyan pir čanyy čanynda qaraqqa šašsa tynmas qara tuban tüš-partyr. qara tuban arazynda ijgi tajyan pažy qazyšča tep. körze: ijgi alyp qarbaščattyr. pir čanynda qara purba qarbašča, pir čanynda qara qajyš qurluğ qan mergen qarbašča. pylar ijgele čatsa, turza, teñ polčalar. čabal adaj-če qabyščalar, čabal puğa šeni süzüş-pardylar.

aba qulaq anañ körüp pilip odurza, qan mergen qolazy qanny šapqo čerde kōdür-kelip, qara taštny üstüne šapqan poltur. qolazy qannuñ sol östü četti tamğa kire šabylytyr, oñ östü četti tegrige qynalyan poltur; — qara tajya-ba teñ čatča. qolazy qannuñ syny sağy synmān, körgen qarayyn nünmēn, aryğ tyny šyğyp öltür. ponu körgen aba qulaq tarynmas pōzu taryndy, tağ šeni šišti. ačygy kelbes pozu ačygy keldi. ajranyna suğ qožuřdu.

aba qulaq čügür-paryp, qara purba pečezin čara tartyp, aq čazyğ küredi. qan mergenniñ qoluna pōzu kirip, qarbažybysty. qara purbañ ezi köñnü ertip, uluğ sağyžy toza šyqqan poltur. aq čazyda, sağyžy kir polban, odura perdi.

aba qulaq qan mergenin qysqyr-kelip, qyr töbere qynady, qyğaç öre sörtedi. oñ nanğa šyğara tartty, oq kezineñ častyrdy. sol nanğa šyğara tartty, soğan kōške turğustu. qaba-qaba kelgenin — qyryq kökke qyna tuttu. aj alyna alty ebirdi; kün alyna üš ebirdi. ajlandyr-kel, qara taštny üstüne tüzürbüstü. čerdağy tozunu tegri qanğa šyqty. tegridağy tubany qara čerge tüštü. alyp tüšken čerden qyzył čalyn alyšty, tegri qannañ qara čazyñ alyšty. čerdiñ kini kinineñ tajyp, tegri tegēii tegēinen časqanče

тей богатырь! Какого хана ребенок? Как твое имя-прозвище?» Аба Кулак сказал: «Какого хана ребенок я буду! С каким именем-прозвищем буду я! Я — Аба Кулак, ребенок Алтын Тайчи! (А) ты с каким именем-прозвищем богатырь будешь?» [Аба Кулак спросил]. (Богатырь ответил) «Ты спрашиваешь, какой богатырь я буду! Я буду отец Ай Сабак, Ай Салгын! Ай Сабак, дитя мое, тебя не находя, весь этот солнечный мир кругом объехала. Теперь куда-куда уехала, и живущие айны внизу не знают того, и все богатыри этого солнечного мира не знают того».

Аба Кулак три дня здесь пировал. Через три дня встал, с Ак Салгынном простившись, из золотого дворца вышел и к бело-коурому коню пошел. Рассердившись, плетью ударил. Если сказать, что бело-коурый конь бегом бежит, то стука копыт не слышно; если сказать, что летом летит — шума крыльев не слышно. Высоко идущие облака разделяются от бело-коурого коня, низко проходящие облака от его спины разделяются. Сильный ветер его лоб обвеивает.

Когда так ехал-ехал, достиг подножья черной тайги, которая [спустясь] схватила собой всю землю. С одной стороны черной тайги черный туман спустился, такой, что если в глаз ткнуть — не попадешь. Если посмотреть, среди черного тумана будто вершины двух тайг столкнулись — то сражаются два богатыря. По одну сторону Кара Пурба сражается, по другую сторону Кан Мерген дерется. Лягут ли они, встанут ли они — оба они одинаковой силы. Подобно злым собакам они схватываются, подобно злым быкам — бодаются. Аба Кулак поглядев, узнает — Кан Мерген Колазы Кана с этой [же] земли поднял и бросил на черный камень. Левое плечо Колазы Кана в семь отверстий земли вошло, правое плечо семь небес задело. Необъятный, как черная тайга, он лежит. У Колазы Кана душа ушла — умер он, и стан его не переломился, глаза его глядят, не мигая. Это увидев, Аба Кулак, никогда не сердившийся, — ныне рассердился, как гора раздулся, не огорчавшийся — (теперь) огорчился. К горести его еще горечь прибавилась. Аба Кулак подбежал, Кара Пурбу, свою старшую сестру, отнял и в белую степь отбросил. (Тогда) сам в руки Кан Мергена попал и с ним драться стал. У Кара Пурба [хозяин] сердце зашло — великий разум ее весь шел. В белой степи, не приходя в сознание, она сидела. Аба Кулак, прыкнув [завизжав], Кан Мергена вниз по хребту толкал, вверх по хребту тащил. На правый бок потянул, от пули спасая, на левый бок потянул, под прицел стрелы поставил. Схватил его крепко и к сорока небесам прижал. Перед месяцем трижды повернул, перед солнцем три раза обернул. Так обернув, на черный камень бросил. Пыль с земли к хану-небу поднялась, небесные туманы на черную землю пали. С того места, куда упал богатырь, красное пламя блеснуло, черная молния с [хана] неба просверкала. Заметно стало, как пуловина земли от середины сдвинулась, как темя небес от вершины небес отодвинулось. Заметно стало, как на земле насыпался медный курган. Из черного тумана Аба Кулак выступил. К рукам его кровь не пристала, на лбу его пот не выступил.

pildirdi. qoʻllugʻ puttugʻ čes oma čerine uruʻyanče pildirdi. qara tuban arazyñaq aba qulaq pās-šyqty. ijgi qoʻlğa qan čuqřandyr, qabağyna ter šappandyr.

aba qulaq anañ kör-turza, qan mergenniñ syny saju synmān, körgen qarayyn nūnmēn, aryğ tyny šyğyp, öltür. qara purba pecezi, ulugʻ sağyzy kirbēn, qan mergenni kōdür-kelip šabyšqanda — po čerdiñ nuzrağyna, po čerdiñ soqsujuna šydabān oduryan čerine, aryğ tyny šyğyp, öltür.

ponu körgen aba qulaq ačyju kelbes pozu ačyju keldi. «adañnyñ-oq ačyju! eneñniñ-oq qoqquju! ödürbezem-dā, qara purba peçemni men ödür-saldym» tep, qaraq körbes ulugʻ sytqa kirbisti. aba qulaq syqta-syqta kelgenin—ijgi qarayynñ čazy tügenip, ükter pořdu. anče-minče tem ertken sōnda aba qulaq sydyn toqtady. aq qoradyna čapšynyp, alynañ ara parar pořdu.

para-para kelgenin — sybysqalyğ synğa šyqty, ezer qojnu pelge tüštü. ulugʻ synnañ körüp turğany — tük pilišpes mař čattyr, šodun pilbes čon čattyr. altyn šarčyn tözünde pir čanynda eres tajčynñ eski tüktüğ erke srāt pağlal-partyr, pir čany čanynda čaš kōktün čaš qulady pağlal-partyr. čaš qulattyn ijgi qulaq arazynda alton āstyğ qoła pyryu pōltur. čalbaq paryan sağrynda četton tillig tařaj qomus pağlal-partyr.

aba qulaq eniš töbere endire pastyrdy. altyn šarčyn tözüne čelip, adyn poš tašta, altyn örgē kire pasty. ežik ažyp, ezen perdi, eñmen kōdür, menči. perišti. altyn ustař tūbünde eres tajčy-ba čaš kōk ödur-kelip, aš-pa tabaq čipčalar.

eres tajčy tura pazyp, aba qulaqty qoldañ qabyp, qořtuqtañ čölep, aq ustaldyn arğazyna, kōk ustaldyn kögregine odurttu. eres tajčy surady: «eze, alyp tölü, müngen adyn attañ artyq aq qorāt pōltur! pōzuñ alyptyñ artyq alyp pōlturzuñ! qajdiğ qannyn pařazy, qajdiğ attyğ šolalyğ er poldun-ne?» aba qulaq ajtty: «qajdiğ qannyn pařazy pōlaj! qajdiğ attyğ šolalyğ pōlajyn! altyn tajčy pařazy aba qulaq pōlarym!» tedi. eres tajčy ajtty: «señ ady šabyñ pistiñ čerge uğulğan. seni kelčeñ tep uğup, seni saqtap odurčutqam, syn müzünce nančy pōlaryñ!» tep.

aba qulaq surady: «nō tegan alyp señ quryjynda odurča? qajdiğ čerge pāřča?» — eres tajčy ajtty: «qajdiğ kiži pōlzun! po künü čaryqtyñ qany piži čaš kōk tuñmalyğ čaš sağyn öduiča. čaš sağyn čaš kōk tuñmazyn tappān, po künü čaryqty tōza ajlandyğyp čörča. meñ čerime kir-kelgein — men anj pōzatpān, ijgi toğus künge šyğara pōzatpān tuttum. adañmada čaqşy čajalğan čaš sağyn pōlzun! ponu-ya körüp oduraryñ sanarčam! čaš sağyn ačy

Потом Аба Кулак видит: Кан Мерген умер — душа его ушла. Но стан его не переломился, глаза его глядели, не мигая. Сестра его Кара Пурба, в сознание не приходя, не в силах выдержать шума и грохота земли, в ту самую минуту раздавшихся, когда Аба Кулак поднял и ударил Кан Мергена, где сидела, там и умерла — душа ее ушла.

Это увидев, Аба Кулак, [никогда] не горевавший, стал горевать. «Отцу твоему горе, матери твоей печаль! Хоть и не хотел убить, сестру мою Кара Пурбу я убил!» — говоря, так зарыдал, что глаза не смотрели. Аба Кулак (долго) рыдал, [рыдал,] слезы его глаз иссякли, тогда завыл. Много ли, мало ли времени прошло, Аба Кулак перестал рыдать. К белокоурому коню прильнул, дальше поехал.

Когда так ехал, [ехал,] на свистящий хребет поднялся, на седловичу, подобную углублению седла, спустился. Когда с великого хребта, стоя, взглянул, видит: многообразной шерсти скот лежит, счета незнающий народ живет. У [основания] золотой коновязи с одной стороны привязан Эрес Тайчи рыжий конь, со старой шерстью, с другой стороны — буланый конь (богатырши) Чаш Кōк привязан. У молодого буланого коня между [двумя] ушами — с шестьюдесятью ртами-отверстиями медная труба, на широкой спине привязан комыс величнннн с море, о семидесяти языках.

Аба Кулак выиз по склону спустился. До подножья золотой коновязи доехал, коня [освободя] отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; плечо подняв, приветствовал. За золотым столом Эрес Тайчи и Чаш Кōк сидят и с питьем еду едят.

Эрес Тайчи встал, Аба Кулака за руки схватил и, подмышки поддерживая, за золотой стол, сбоку синего стола посадил. Эрес Тайчи спросил: «О, потомок богатырей, твой конь, на котором ты едешь, белокоурый конь! Ты сам из всех богатырей лучший богатырь! Ты какого хана сын, ты с каким именов-прозвищем богатырь?» Аба Кулак сказал: «(Ты спрашиваешь) какого хана ребенок я буду! С каким именов-прозвищем буду я! Я — Аба Кулак, ребенок Алтына Тайчи!» Эрес Тайчи сказал: «Твое имя-прозвище в нашей земле раздалось. Услышав, что ты придешь, я ждал тебя, чтобы стать с тобою друзьями, как пара рогов [одного марала]!» [говоря].

Аба Кулак спросил: «Как именуется богатырь, сидящий с тобою рядом? В какую он землю едет?» Эрес Тайчи сказал: «Какой человек будет! — Это сидит Чаш Салгын, всего этого солнечного мира хан-начальник, имеющий младшую сестру Чаш Кōк. Чаш Салгын, свою младшую сестру Чаш Кōк не находя, вокруг всего солнечного мира объезжает. Когда в мою землю он приехал, я его (вот уже) девять дней не отпускаю — держу. Уж очень красивым сотворен Чаш Салгын! Так бы все сидел и глядел на него! Если уж Чаш Салгын такой красивый, то как же, наверно, прекрасно создана его младшая сестра Чаш Кōк!» У Аба Кулак рот чуть не открылся, чтобы сказать, что это сидит сама Чаш Кōк, а не Чаш Салгын.

mindig aryg silig, čas kōk tunmazy qajdig-le cajarān kiži poldu-ne!» — aba qulaq ajdarā: «čas salγyn ebes, čas kōk pozu odurča», tep, aqsy qyjbyrap qyjbyrap toqtapča.

eres tajcy ajtty: «eze, čas salγyn nančy, šyγyp, alton āstyg qola pyrγyny tartyp, četton tillig talaj qomuzunnu qaγyp per! aba qulaq-pa piske qaγyp per!»

čas salγyn ajtty: «šynap andig kerek polγanda — qaγyp perejin!» tep, altyn ōrgeden šyγa pasty. čas quladyna čapšyndy. alton āstyg qola pyrγyny tartyp, četton talaj qomustu qaγybyza pergenin — qola pyrγy-ba talaj qomustun ünü altyn šačcaq šabyčca, alty torčun šenoq kōglepča. čaryla qurup ayašqa čazar-kelip pūr ōskence pildirdi; kōk olen ōspen čerde kōk olen ōzūžüp, čaryq ünüg törčun qaγyšqance pildirdi. qola pyrγy-ba talaj qomustun ününe tegri turlap qurγunnuq quš čaqšy po čerge učuruš-kirdiler, āzyra tujyaqtyg aq čaqšy čazy turlap čügürüş-kirdiler. aba qulaq-pa eres tajcy qola pyrγy-ba talaj qomus ününe šydabān altyn māqyš pažyna turup, ulug saγyšтары tōza šyq-partyr. čas kōk čas qulatqa, qanyqkelip, qamcy šaptý. pasqan azaq par poldu, parγan čeri čoq poldu.

čas kōk paryp, anče-minče tem ertken sōnda aba qulaq-pa eres tajcy ulug saγyšтары kirip, altyn ōrgege kirdiler. aba qulaq ajtty: «eze, eres tajcy, ulug abannyn pažyna, ulug enenini tōžünōq kire qola pyrγy-ba talaj qomustu qaqtýr. čas salγyn ebes polčan, čas kōk tunmazy pozu polčan! oloq ajdarā etčitqamda ulug saγyžym šyγyp partyr!»

aba qulaq-pa eres tajcy altyn oqtaryn alyštyra surγunup, ergek čaryš, qan ortažyp, sγn müzünče ijgi nančy poldular. ijgele ajdyštylar: «mynač-oq ijgi čara tilep pararā. čas kōk toγašsa, eres tajcy tuda perge; aj sabaq toγašsa, aba qulaq tuda pererge» attarynā münüp, altyn šarcyn tōžüne ijgi čaryldylar.

aba qulaq para-pa kelgenin — erinmes pozu erin-salbōdur, kōpnü qalbas pozu kōpnü qalyr salbōdur. ada čurtu saγyštaq šyγyp, ādy pašqa čerine ajlanyšty; ene čurtu esten šyγyp, eli pašqa čerine ajlanyšty. abazynyn altyn ōrgezi qajdig čerde turup qalyany pōgüjüne kirišpenca. aba qulaq, ačyγy kelip, ulgen tūbün ōze qyjyrdy, čaštyñ tūbün čara qyjyrdy. aba qulaqtny qyjyzy po künü čaryqqa toldura šabyqty.

aba qulaqtny qyjyzy ertken sōnda šaqpo čerge, toγus kōstüg syrlyg oq šeni sγlap kelip, četti punnuγ sγ tajaq qazala tūštü. purunyn tušta tynyn alγan sybas ōlaq četti. sybas ōlaq ajtty: «eze, aba qulaq nančy, ulug aban-

Эрес Тайчи говорят: «Пойди, Чаш Салγын, выйди и займай на медной трубе, с шестьдесятю ртами-отверстиями, поиграй на море-комысе, о семидесяти языках! Нам с Аба Кулак поиграй!»

Чаш Салγын (Чаш Кōбк) сказал: «Если уж на самом деле так нужно, пожалуй, я поиграю!» — (так) говоря, из золотого дворца вышел, к коню своему прильнул (и) начал играть на медной трубе о шестидесяти ртах-отверстиях, на море-комысе о семидесяти языках. Звуки медной трубы и моря-комыса как золотые колокольцы звенели, как шесть соловьев пели. Можно было видеть, как на высохших, растрескавшихся деревьях, блистая, листья вырастали. На земле, не имевшей травы, зеленые травы друг за другом появлялись; казалось, будто громкоголосый пел соловей. На звук медной трубы и море-комыса сколько ни есть крылатых птиц — все прилетели, совершенно заслоняя небо, сколько ни есть зверей, имеющих раздвоенные копыта, — все прибежали, запружая степь. Аба Кулак и Эрес Тайчи, стоя на верхушке лестницы, от звуков медной трубы и море-комыса сознания лишились. Чаш Кōбк, рассердившись, своего коня плетью ударила. Там, где ехала, след за нею остался, куда уехала, там следа не осталось.

Много ли, мало ли времени прошло, после того как уехала Чаш Кōбк, Аба Кулак и Эрес Тайчи в сознание пришли, в золотой дворец вошли. Аба Кулак сказал: «Да, Эрес Тайчи, то не Чаш Салγын играл на медной трубе и море-комысе так, что входило в голову твоего отца и в грудь твоей матери, то была сама Чаш Кōбк, младшая сестра его! Когда я об этом тебе хотел сказать — я рассудка лишился!»

Аба Кулак и Эрес Тайчи обменялись друг с другом пулями, разрезав большой палец, друг у друга кровь сосали, стали они друзьями, как пара рогов. Один другому говорил: «Отсюда [же], разойдись в разные стороны, надо ехать разыскивать. Если встретится Чаш Кōбк, то взять ее Эресу Тайчи, если встретится Ай Сабак, то Аба Кулак возьмет ее (в жены)». На коней своих сели, от подножья золотого столба в разные стороны разбежались.

Аба Кулак ехал, ехал, никогда раньше не скучая, теперь соскучился, никогда не утомляясь, утомился. Отцовское стойбище из ума вышло, в совершенно чужую землю повернул, материнское стойбище из памяти вышло, в чужого народа землю направился. В какой земле золотой дворец отца его стоять остался — даже на ум ему не приходит. Аба Кулак сильно опечалился, крикнул, разрывая на части дно вселенной, закричал, расцепляя на-двое дно преисподней. Крик его раздался по всему солнечному миру, весь мир наполнил собою.

После того, как пролетел крик Аба Кулака, к этому месту, свистя подобно окрашенной стреле с девятью глазами, семисуставный посох (из дудки борщевника) примчался. Юноша Сыбас, который когда-то спас их души, приехал. Юноша Сыбас сказал: «Друг, Аба Кулак, ты так кричал, что вошло в голову деда твоего, [так что] вошло в грудь матери твоей! Я [преследуя] догонял ту, которую я должен взять в жены — девушку

nyň pažynoq kire qyjyr! uluğ eneñniň töžünoq kire qyjyr! po čerdiň pir puľuýu čerge parçytqan sý qoburyaj ištinde čörcütqan syr öleñ qys alcañ kižimni sürüzüp, seň ünün uýup, pere kelgenimni pilinmēn qaldym! tedi. ady čitken syr öleñ qysty čet poľban, oγlan tušta sürüşken pozum er ortazyna čede perdim!»

any uqqañ aba qulaq ajtty: «eze, ašçytqan šenimde ajlandyrqan abam-oq ošqaš sybas oñaq, ertçytqan šenimde ebirib-alqan enem-oq ošqaš sybas oñaq! sen, paryp, qarγyš četpes qara örekenneñ użun pilbes uluğ tlas surap kör! ol pilbes-te po künü čaryq ištinde nebe coq. qajdig-da kerekti saγa qara öreken ajda pēr. any uqqañ sybas oñaq «alγyš četsin» tep, qara öreken čerine pārbysty.

aba qulaq para-para kelgenin — sāsqañ čyglıg quš četpes saryg šöl-be parča; qusqun čüglıg quš četpes quba šöl-be parča. aba qulaq anañ körüp uγup pārb-odurza, po aq čazyñ użunda nek šeninče qara taštyn tözünde uluğ qyrşylayy, uluğ qyjy uγulča.

nek šeninče qara taštyn tözine čaynap, körüp odurza, qara taštyn tözünde aq pit-pe qara pit qarbašča. pīrezi ajtty: «aba qulaq kelze, maγa poľužar!» tep; pīrezi ajtty: «aba qulaq kelze, maγa poľužar, saγa poľušpas!» tep. ponu körgen aba qulaq orbektendi: «mynañ parzam, qara tobur qamčym-ma ijgeleleriñni qamortadañ čara šabyzarym!» tep.

qyrjylaryna kele perip, qara tobur qamčyzyn qan tegrige qyna tuttu, aq pit-pe qara pittı körüp kelip, šabysty. qamčynıñ nyrşylayy erlik qannañ ertize, künü čaryqtañ azyra šabyqty. toγus köstüg altyn oq čerinenı požanqan šenoq pildirdi. aq čazyñ tübüne qaraqqa šašsa tabyšpas qara tuban tārtyl-pardy.

aba qulaq anañ pilinze: eñni mojnun eliğ qat kiženge kiirtir, arγa mojnuna alton qat alton alyp üspes čaš qajyš orał-partyr. aq pit-pe qara pit poľbaçañ poľtur: uluğ kičig kendir tuľunıñ kendı qys poľqan poľtur. uluğ kičig kenci qys aba qulaqty postarynyñ čerge sörtep parybystylar. toγus qaqpagyğ, toγus šuruptuğ čes ysqabirege suγup qaryp kir saľarγa — qystar teštiler.

aba qulaqtyñ aq qorady altyn ezerin ök aldy, kümüş čügenin čer sörtep, tener čerge tēnmisti, aba qulaqqa poľušcañ alyp tılep.

aq qorāt as-pa, köp-pe pārcytqan šeninde at tibirti taqqa qaldy, at tynγyzy suγa qaldy. alyna qabaq pašqa čaš qulāt qazala tüštü. čaš qulāttyñ üstüne čaš kök mün-saltyr. čaš kök ajtty: «eze, aq qorāt, aba qulaq külgüñnü qajdig čerge azyr-tajdyr saľ keldiñ?» — aq qorāt at

Сыр Олег, находящуюся внутри пучки-борщевника, улетевшую на самый далекий конец этой земли, твой крик услышал и не заметил, как сюда пришел! [сказал]. Проклятую девицу Сыр Олег я не смог догнать в молодые годы, теперь же я достиг зрелого возраста!»

Это услышав, Аба Кулак сказал: «О, юноша Сыбас, вернувший (к жизни) меня, подобно отцу, в то время, когда я погибал, окруживший-спасший меня, подобно матери, когда я умирал! Ты отправляйся к Черной старухе, которая недостижима проклятью, и большого [-нескончаемого] совета (у нее) попроси. Нет ничего внутри этого солнечного мира, чего бы она не знала! Все, что надо, она тебе скажет». Это услышав, юноша Сыбас, говоря: «Пусть сойдет на тебя благословение!» — в землю Черной старухи отправился.

Аба Кулак ехал, ехал. Он едет сквозь желтую пустыню, куда не долетает птица с перьями сороки, он едет сквозь бледную пустыню, куда не долетает птица с перьями ворона. Потом Аба Кулак видит и слышит: на краю этой чистой степи, у подножья черного камня, подобного черной корове, великий треск раздался, великий крик прозвучал.

К основанию черного камня, подобного черной корове, он приблизился и видит: у подножья черного камня черная вошь сражается с белой вошью. Одна вошь говорит: «Если Аба Кулак придет, мне помочь станет!» Другая вошь говорит: «Если Аба Кулак придет, мне поможет, а тебе помочь не станет!» Это увидев, Аба Кулак сам себе сказал: «Когда отсюда я отправлюсь, черною плетью [обенх] вас пополам рассеку!»

К ним подошел, черной плетью взмахнул, сорок небес задевая. Взглядом примерился — по белой и черной вышам ударил. Треск, свист плети через девять эрликов прошел, через солнечный мир разнесся, — словно вылетела девятиглазая пуля. В глубину белой степи протянулся черный туман такой густой, что, если ткнуть в глаз, не попасть.

Когда потом Аба Кулак опомнился, его плечи и шея заложены были в пятидесятислойные путы. Спина-шея были замотаны шестидесяти-слойным ремнем, который не могли бы разорвать шестдесят богатырей. Белой выш и черной выш не стало, а оказались две девицы, большая и малая, у них косы из кендира. Две девицы, большая и малая, Аба Кулака в свою землю волокли. Девицы между собой сговаривались съесть Аба Кулака, [всунув и] поджарив его на медной сковороде, имеющей девять крышек и девять винтов.

Бело-коурый конь Аба Кулака, золотое седло свернув на бок, серебряную узду волоча по земле, блуждал по земле, где богатыри путь теряют, в поисках богатыря, который помог бы Аба Кулаку.

В то время, когда бело-коурый конь много ли, мало ли шел, топот коня на суше раздался, дыхание коня на воду легло. Перед его лбом-головой молодой буланый конь, как вкопанный, остановился. На молодом буланом коне Чаш Кюбк ехала. Чаш Кюбк сказала: «Аба Кулака — твоего храбреца»

ünü-be kiştedi, alyp ünü-be erbektedi: «qajdiğ čerge aba qulaqty ažyr-tajdyr salajyn! uluğ kičig kenči qystyn arya mekege kirip, eñni mojnun eliğ qat kiženge kirip, aryaзы mojnun altyn qat kiženge surup, sörtebisken».

čas kök ajtty: «eze, aq qorat, eres tajčy üš tegri sonda meni sürüş-kelča. ol toyaşsa, senen surar: „čas kök raqta pārča-ba?“ tep. sen ajdarzyn: «tyn raqta pārča» tep. čaynda pārča, tezen, — aba qulaqqa polužarğa parbas, meni sürüşübüzer!» čas kök čas quladyna, qanyqkelip, qamčy šapty. pasqan azaq par pořdu, paryan čeri čoq poldu.

čas kök paryan sonda eski tüktüg erke sarat qabaq pašqa učuraşty. eres tajčy erke saratty, oñ qolu talza, sol qol-ba šap pārča. sol qolu talza, oñ qol-ba šap pārča. eres tajčy surady: «eze ady čitken aq qorat, aba qulaqty qajdiğ čerge čaryqtañ častyr-sal keldin?»

aq qorat at ünü-be kiştedi, alyp ünü-be erbektedi «aba qulaq uluğ kičig kendir tuñnuğ kenči qystyn arya mekezine kirip, eñni mojnun eliğ qat kiženge kirip paryan, arya mojnun alton qat alyp üspes čas qajyşqa oratıyp salyan. uluğ kičig kenči qys postarynyn čerge sörtep parbysqannar, toğus qaqpattyğ, toğus šuruptuğ čes ysqabirege qaryp čip salarğa».

eres tajčy surady: «čas kök raqta pārča-ba?» tep. — aq qorat ajtty: «po čerdiñ pir puñuñ čerdi erte pertir. adañ čazyña sürzen, anda-dä čet-pessin!» — eres tajčy ajtty: «andiğ polyanda aba qulaq ölättan čerge pararym!»

aba qulaqtyñ čolu-ba para-para kelgenin — aba qulaqty sörtep paryan čer qyryq čylyğa ot öspes qyzy töbraq şyq-qaltır. körgen čerge köre četti, uqpan čerge čaba četti.

uluğ kičig kenči qys pir altap, pir tynanyp, ijgi altap, ijgi tynanyp, aba qulaqty sörtep pārčalar. eres tajčy at pažyñañ atybysty. uluğ kičig kenči qysty qabalyyp, oñ šimelčik ölen-kelip, šertibize pergenin — uluğ kičig kenči qystyn čazy qabaqtaryn tala šerttir. qara molat qylyžyn qaby-nañ šurtup, aba qulaqtyñ kiženin tōza keze šabysty.

ijgi nančy aştan quş-če toyaştylar, arynyan at-če kišteştiler. eres tajčy ajtty: «eze, aba qulaq nančy, alybyñ alyp čajaltırzyn, arya süme unnap-bančan! arya süme unnap-čatsañ, uluğ kičig kenči qysty, men qajde šerttim, sen edoq serter edin!» ijgi nančy ezen menči suražybalyyp, ijgi čarylybysty.

aba qulaq para-para kelgenin — aj sabaqtyñ čolun čolap, izin istep, no puñuñ čerge pärčytqanyn pozu-dayy pilbenča. tüžep, tüš četpes, sanap,

в какой земле погибать ты оставил?» Бело-коурый конь лошадиным голосом заржал, богатырским голосом сказал: «(Ты хочешь знать) в какой земле Аба Кулака погибать я оставил! Обману-хитрости девиц, большой и малой, он поддался, они его потащили, опутав его шею-плечи пятидесятислойнными путами, засунув спину-шею в шестидесятислоинные путы».

Чаш Кёок сказала: «Послушай, бело-коурый конь, Эрес Тайчи через три неба сзади за мной гонится. Если он тебе повстречается и станет тебя спрашивать — „Чаш Кёок далеко ли едет?“ [говоря] — ты ответишь: „очень далеко едет!“ Если скажешь, что близко едет, он не поедет Аба Кулаку помогать, а меня будет договять». Чаш Кёок, рассердясь, коня своего плетью ударила. Там, где проехала, — следы за нею остались, куда отправилась, — следов нет.

После того, как Чаш Кёок уехала, рыжий конь со старой шерстью лоб в лоб с ним встретился-столкнулся. Рыжего коня ударяя, Эрес Тайчи едет. Когда правая рука устаёт, левой рукой ударяет, если левая рука устаёт, правой рукой (коня) ударяет. Эрес Тайчи спрашивает: «Ты, проклятый бело-коурый конь, Аба Кулака в какой земле погибать ты поклянул?»

Бело-коурый конь лошадиным голосом ржал, богатырским голосом говорил: «Аба Кулак попался на обман девиц, имеющих из конопли косы; плечи-шею его (они) в пятидесятислоинные путы заложили, спину-шею они замотали в шестидесятислоинный ремень, который не может разорвать ни один богатырь. Большая и малая девицы Аба Кулака в свою землю потащили, чтобы на медной сковороде о девяти крышках с девятью винтами поджарить и съесть».

Эрес Тайчи спросил: «Далеко ли едет Чаш Кёок?» Бело-коурый конь сказал: «Самый отдаленный угол земли она уже проехала. Если ты всю свою жизнь будешь гнаться за ней, и тогда не догонишь!» Эрес Тайчи сказал: «Если так, то я поеду в ту землю, где умирает Аба Кулак!»

По следам Аба Кулака ехал, ехал. Земля, по которой тащили-волокли Аба Кулака, превратилась в красную глину, на которой в течение сорока лет трава не вырастет. Земли, которую видел, он достиг, до земли, про которую слышал, доехал.

Две девицы, большая и малая, один раз шагнут, один раз отдохнут; два раза шагнут, дважды отдохнут — так Аба Кулака тащат. Эрес Тайчи через голову коня соскочил. Двух девиц, большую и малую, схватил, правый мизинец смочил, щелкнул и чистые лбы девицам, большой и малой, разбил. Черный стальной меч из ножен вынул, путы Аба Кулака [все] разрезал.

Два друга, подобно изголодавшимся птицам, встретились, подобно извуренным, истосковавшимся коням, заржали. Эрес Тайчи сказал: «О, Аба Кулак друг, ты из всех богатырей богатырем сотворен, а хитрости-колдовства не знаешь! Если бы ты колдовство знал, двух девиц, большую и малую, ты бы так же как я щелкнул!» Они оба друг с другом попрощались, в разные стороны разъехались.

sağyş çetpes çer-be pārča. pölgüzü coq tag aş-parča, pögüjü çoq suğ keş-pārča. sanyn pilbes tag aşča, şodun pilbes suğ keş-parča. çozayy paşqa çon aralap, çoruçu paşqa mañ arlap pārča.

para-para kelgenin — sybysqalyğ synğa şyqty, slayajlig pelge tüştü. uluğ synnañ körüp tañnap turğany, — qyryq kökke qynała ösken kök tajğanyn tözü pöltur. kök talajdyñ qaży çer pöltur. tük pilişpes mañ turtur, şodun pilbes çon çattyr. aq mañ, albatqy çon kök talajdyñ peltirinen pažyna şyğa pertir. kök tajğanyn tözünde, ajğa künge şağandı, alton ajlançyq, çetton toğalçyq ałtyn öрге turča. ałtyn şarçyn tözünde kök tasqyl-çe kök porat turča.

aba qulaq eniş töbere endre pastyrdy. adyn poş tašta, ałtyn maqyş pažyna şyğyp, qarçyılan körgenin — pozunun aq qorady kök poratın çanynda nā töregen qunaş-oq şeni körünča. ponu körgen aba qulaqtn merselbes çürek merselep ertti, mersil qabyryğa tōza systaşty. qoruqpas pozu qoruqtu, ürikpes pōzu üriktü. aba qulaq iştinde sanandy: «pōñ ady mēndiğ, üstüne mūngen alyby qajdiğ-le nebe pōldu-ne» tep.

aba qulaq ałtyn örgē kire pazyp, ežik ažyp, ezen perišti, eñmen kōdür, mençi perdi.

ałtyn ustał tübüne toldura alyp ödur saltyr. çarym qaja çarnylyğ, t'ujuq qaja-çe eñmennig, patloke tegeji tegip, eñçeje ödur-saltyr. alyp kiži — «no kižiniñ adajy ürča, no kižiniñ qulu erbektepča» tep, qyja-da körbedi. aş-pa tabaq çirin-ne çipča. qadyğ sōgü alyptyñ aqsynañ parča, çimçaq sōgü purnunañ pārča.

ałty quçaq alyşpas, çetti kižin quçağy çedişpes epçi kiži aş-pa tabaq sał çōrča. epçi kiži surady: «eze, alyp tōlü, ałtyn mūngen adyn aq qorāt pöltur! qajdiğ qannyn pałazy, nō tēgen attyğ şolağy alyp pōlduñ-ne?» — aba qulaq ajtty: «ałtyn tajçy pałazy aba qulaq połarym!» tep. any uqqañ öreken kiži ežik čanda turçutqan aba qulaqtn qoldañ qabyr, qoıtuqtañ çölep, aq ustałdyñ arğazyna odurttu. epçi kiži ajtty: «eze, çaryq çerge toldura tuğan kök qartyğa parğan kižim! aba qulaq küzebis pozu keltir!» tep.

any uqqañ kök qartyğa kōñrep kōksep erbektedi: «eze, kök talaj alyğan kižim, ačyğlyğ qyçyğlyğ aba qulaqtaryñ po-ba?! şaq-mynañ oñ qoımunu kōdür-kelip, şabyşsam, po şen alyptyñ kezigi-le şen çajalyğan aba qulaqtaryñ ölüp aşqanyn pilben qałar!» tedi. anañ kök qartyğa ajtty: «eze, kök talaj alyğan kižim, çaqşy çajalyğan aj sabaq tuñmañny po şen künü çaryqtyn aryğ sēgi çajalyğan aba qulaqqa noğa perçen poğyan! ašyğyp, aba qulaqtn

Аба Кулак ехал, ехал, следуя по пути Ай Сабак, по ее следам нды. По какой отдаленной земле он едет, и сам даже не знает. Едет такую землю, до которой даже в сновидении не достигнуть, куда и мыслью не донестись. Без счета горы переваливает, без счета переходит через реки. Промеж народов, других, незнакомых обычаев, проезжает, среди скота, иной-чужой поступи, он проходит.

Едет, едет, на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину опустился. Глядя с великого хребта, стоит и удивляется: то была [оказывается] земля — подножье синей тайги, выросшей так (высоко), что она прижималась к сорока небесам, то была земля — берег синего моря. Многообразной шерсти скот там лежал, счета не знающий народ (там) жил. Белый скот и поданный народ от устья синего моря до его вершины поднимаются. У подножья синей тайги, освещенный солнцем и луной, с шестьюдесятью поворотами, с шестьюдесятью изгибами золотой дворец стоит. У основания золотой коновязи голубо-серый конь, с гору (величиной) стоит.

Аба Кулак вниз по склону спустился. Коня отпустил. На верх золотой лестницы поднявшись, оглянулся. Его собственный бело-коурый конь рядом с голубо-серым конем кажется подобным новорожденному жеребенку. Это увидев, впогоча горячо не волновавшееся сердце Аба Кулака закипело, впогоча не хрустящие ребра — все заныли. Не знавший никогда боязни — утрапился, не знавший возбуждения — пришел в возбуждение. Аба Кулак про себя подумал: «Когда этот конь таков, каков же будет богатырь, сидящий на нем!» [говоря].

Аба Кулак в золотой дворец вошел; дверь отворив, поздоровался, плечо подняв, приветствовал.

За золотым столом, заполняя его целиком, богатырь сидит, имеющий лопатку с полгоры, имеющий плечи с целую гору. Теменем касаясь потолка, сидит богатырь, наклонившись. «Какого это человека собака ворчит, какого это человека раб разговаривает!» — говоря (так), даже косо не посмотрел, знай себе продолжает с питьем еду есть. Твердые кости вылезают через рот, мягкие кости выпадают сквозь нос.

Шестью объятиями ее не охватить, семи человек охвата для нее нехватит — такая женщина, жена его, питье и еду приготовляет.

Женщина спросила: «Скажи, потомок богатырей, под тобою шагает бело-коурый конь, какого хана ты дитя? Как называется твое богатырское имя?» Аба Кулак сказал: «Я буду сын Алгына Тайчи!» [говоря]. То услышав, старуха стоящего у двери Аба Кулака за руки схватила, подмышки поддерживая, за белый стол посадила. Женщина сказала: «О, мой муж, Көк Картыга, рожденный так, что заполняешь собою всю светлую землю, вот Аба Кулак, наш зять, сам (к нам) пришел!»

То услышав, Көк Картыга, захрипев-зашумев, отвечал: «Скажи, жена Көк Талай, это и есть жалеемый вами Аба Кулак? Вот правую руку [мою] подниму и ударю, — то ваш Аба Кулак, сотворенный величиною лишь с полбогатыря. и сам не заметит, как умрет-погибнет!»

čazy qabağyn tala šertibizejin! tedi, aj sabaq aba qulaqy tappan čörčüt-qanda — ažyra çajalyan aba qulaq polar, tep, sananyam; anañ körzem, po küni çaryqtny aryğ segi aba qulaq poltur!»

ponu uqqan aba qulaq örtteñ qyzyl šyrajy ölgen pärya keptendi, tostañ aq šyrajy qara pärya keptendi. tağ šeni taryndy, talaj šeni šisti. aba qulaq kök qartyğany šabarğa oñ qolun ködür-ködür toqtapça. aba qulaq pyrlaš turğanda — altyn örgen išti qoburğaj šeni pyrlašty.

kök talaj kök qartyğañ alyan kižizi ajtty: «eze, kök qartyğa parğan kižim, sen sananma sen-ne-bim tep, aba qulaq šeneñ šenemi alyp ebes. körer körübü kičig-da polza, ködür-šabary ar polčan? aba qulaq seni ködürkel šabyza, altyn ustañ tübüne odurup šydabassyn!» tedi. — kök qartyğa ajtty: «eze, kök talaj alyan kižim, uluğ abannyñ pažyn ajtsañ! uluğ eneñniñ pažyn ajtsañ! po šen aba qulaq qanče-daryy šap-turza, sek tartqanče settlebessim, pit činče pilbessim!» tedi. — kök talaj ajtty: «aj sabaq tuğmamny aba qulaqqa perben salzañ, çazyñ qysqa polar, çajannyñ çabys pol-qalar!» tedi.

anañ kök talaj ajtty: «eze, aba qulaq, aj sabaq tuğmam po čerge kelip parğannañ ala üš qonuq ert pardy. aj sabaq seni tappan, po küni çaryqy tōza ebiribistir. sen any tappan čör-čattyrzyn! purunru tušta men, kök talaj-ba aj sabaq aq salğynnyñ pallary polyanmys!» tedi. anañ kök talaj ajtty: «eze, kök qartyğa, nonu sanap, nonu pōgünčam! aj sabaq pistiñ čerden parğannañ afa üš qonuq ertip pardy. aba qulaq any süriip četkenče ada sağaly tōš çaja pēr. altyn qalqy közünekti ažyp, qynnan körzeñ! tedi, aža señ ünün uğul-parza, aj sabaq po čerge kele-berer!»

any uqqan kök qartyğa ajtty: «eze, kök talaj alyan kižim, uluğ sağyžyñ šyğa pertir. men qynnanmyssam, ačyğlyğ qyčyğlyğ aba qulağyn öliip ašqanyn pilinmen qalar!» — kök talaj ajtty: «orta šen ünün-me qyjğyrzañ, artyq çajalyan aba qulaq šydar!» tedi. — aba qulaq ajtty: «eze, artyq çajalyan kök qartyğa polturzun! ede-le qyjğyrar polzañ, qyjğyr kör! alyp-tny qyjğyzyna šydabān kiži pir ölbekteñ peš qada öližün! sağa noğa ačyğ polyan!»

kök qartyğa ajtty: «šynap andiğ polğanda orta qyjğymny qyjğyr-kōre!» tep, altyn qalqy közünekti qajra taštap, ulgen tübün üze qyjğyrdy, čaštny tübün čazd qyjğyrdy. «eze, aj sabaq, ačyğlyğ qyčyğlyğ aba qulaqtaryñ pistiñ čerde odurča!» — kök qartyğañ qyjğyzy erlik qannañ ertize, küni çaryqtañ ažyra šabyqy. aba qulaq kök qartyğañ ününe uluğ sağyžy tōza šyğyp, ertengi kiži irge tōnče sağyš čoq odurdu.

Потом Көк Картыга сказал: «Көк Талай, жена моя! Прекрасно созданную твою сестру Ай Сабак как отдать за Аба Кулака, (он) не больше как комар этого солнечного мира! Вот я шелкну Аба Кулака по чистому лбу, и лоб его разобью! Я думал, поскольку Ай Сабак так долго ходит-ищет и не может найти Аба Кулака, что он [— Аба Кулак —] должен быть сотворенным лучше всех других богатырей, а когда посмотрел — оказывается, Аба Кулак как комар этого солнечного мира!»

Когда Аба Кулак то услышал, лицо его краснее пламени стало как мертвая печень, лицо его белее бересты сделалось как черная печень. Как гора рассердился, как море раздулся. Аба Кулак, чтобы Көк Картыга ударить, размахнулся, правую руку поднял и остановился. Когда Аба Кулак так стоял и трясся, внутренность золотого дворца, подобно пучке [дудке борщевника], содрогалась (с ним вместе).

Көк Талай, жена Көк Картыга, сказала: «О, ты Көк Картыга, мой муж, ты не думай, что ты только один богатырь! Аба Кулак не хуже тебя богатырь! Хотя на вид он и не велик, поднять же и ударить его тяжело! Если Аба Кулак тебя ударит, ты не сможешь усидеть за столом!» — так сказала Көк Талай. Көк Картыга отвечал: «О, Көк Талай, моя жена, скажи про голову отца твоего, про грудь твоей матери! Такой, как Аба Кулак, сильно не ударит, как от укуса комара, я даже не вздрогну, как укуса вши — я даже не замечу!» [сказал]. Көк Талай сказала: «Если ты мою младшую сестру Ай Сабак не отдашь Аба Кулаку, жизнь твоя короткой станет, рост твой низким будет» [сказала].

[Потом] Көк Талай (Аба Кулаку) сказала: «О, Аба Кулак, с тех пор как моя сестра Ай Сабак из этой земли уехала, трое суток прошло. Ай Сабак, тебя не находя, вокруг всего этого солнечного мира кружит, а ты, ее не находя, оказывается, ходишь! В прежнее время я, Көк Талай, и Ай Сабак дочерьми Ай Салгына были». Потом Көк Талай сказала: «Вот о чем я размышляю, вот, что я думаю — с тех пор, как Ай Сабак из нашей земли уехала, трое суток прошло. Пока Аба Кулак [за нею гонясь] ее догонит — у него [отцовская] борода закроет всю грудь. Ты, муж мой, открыв золотое окно, крикни, может быть, услышав голос твой, Ай Сабак сюда в эту землю вернется!»

То услышав, Көк Картыга сказал: «О, жена моя, Көк Талай, великий разум твой вышел, оказывается! Если я закричу, этот жалкий, жалеемый тобою Аба Кулак не заметит, как умрет-погибнет!» Көк Талай сказала: «Ты закричи вполголоса, тогда прекрасно сотворенный Аба Кулак выдержит!» [сказала]. Аба Кулак сказал: «Превосходнейший, лучше других созданный Көк Картыга, если ты так крикнуть можешь, ты попробуй, крикни! Человек, не могущий выдержать крика богатыря, пусть умрет не однажды, а пять раз! Зачем тебе его жалеть!»

Көк Картыга сказал: «Если действительно, на самом деле так, дай-ка попробую крикнуть я в полкрика!» Золотое окно настез растворил и закричал, разрывая на части дно-глубину вселенной, расщепляя на-двое дно-

aba qulaq ulug saýyzy kirgende-kök qartyğa ajtty: «eze, aba qulaq, seni ölüp parar tep, orta qyjymny qyjyrdym. aj sabaq uqtu-ba, uqpany-ba unñabāñcam. uqsa, mēñ čerime keler, uqpaза, adañ čažyna sürzeñ, anda-дауу četpessin!»

aba qulaq, ödur-kelip, ijgi qarağynny čažyn ustuq töbrece pōš qorlattı. użun pilbes uluğ sýtqa kirdi. «altyma müngen aq qor-at attyn artyуу tep, sanağam, attyn möñüzü poltur! men aba qulaq alyp artyуу tep, sanağam, alyptyñ möñüzü polturum! körzeñ! alyptyñ qyjyzyyna ertengi kiži irge tōñce saýyş čoq odurdum!» tep, qaraq čažyn qan etti, qalpaq suğun poş ağystı.

ödur-kelip, aš-pa tabaq čip odurcutqan šeninde no puñun čerde alton aštyğ qola pyrğyn üñü uğuldu. «qajranda kök qartyğa čestemniñ üñü oñ qulağymnañ kirip, sol qulağymnañ ötüp pardy». ajtqan erbek ertkenče, körgen qaraq nüngeñce, qola pyrğyn üñü uluğ synnyñ qyrynda uğuldu. altyn qalqy ežik aža šabyldı. aj sabaq kire pasty.

aba qulaq anañ körüp odurğanyn — po aj sabaq šyğar künnün šynyуоқ ošqaš, tōlar ajdyñ tōlazōq ošqaš, qartyğa-če qaraqtyğ, qan čapšyğan šyrajlig ošqaš. aba qulaq, po aj sabaqty ura kör polbān, tajdyra kördü. aj sabaq oñ qolun sün-kelip, aba qulaqqa ezen perišti. «qajranda mēñ aba qulağym, seni tappān po küñü čaryqty tōza čörbüstüm!» tedi..

pylar üzele tozulbas tojya kirdiler, tügenmes ašqa kirdiler. kök talaj kök qartyğañ alyan kižizi aba qulaq-pa aj sabaqtyñ ijgi paštaryn qoštu.

as tojlažyp, köp tojlašçytqan šende aba qulaq altyn ustaldañ tura pasty, — «čabys-ta polza, tağym par; tajys-tā polza, suğum par! tep. adam čürtunañ altap šyqqamnañ ała oylan tušta kelgen pōzum er ortazyna čede pertirim!» tedi. aba qulaq aj sabaqty uğzap tašqap, altyn purba edip, suğunmaldy. saqtašpasqa ezen suražyp, sağynyšpasqa menči surašty kök qartyğa-ba, kök talaj-ba. altyn örgeden šyға pasty. aq qradyna čapšyndı. qydat parğan izeneñi qyna tepti, aq qorattyn čazy parğan sağyryn cara šapty. en parğan eksijin üze silgidi.

aba qulaq nana-nana kelgenin — čer ebidire kirbēñca, čer toğrazyn tartty. suğ ebidine kirbēñca, suğ toğrazyn tartty. e-i pašqa čeri taštyna qalča, ene čürtuna aylanča; ady pašqa ceri taštyna qalča, ada čürtuna

глубину преисподней. «О, Ай Сабак, жалеемый вами, жалкий Аба Кулак в нашей земле сидит!» Крик Көк Картыға через (землю) Эрлик Кана прошел, через весь солнечный мир раздался. Аба Кулак от крика Көк Картыға лишился сознания и так с утра до вечера без памяти сидел.

Когда к Аба Кулаку великий разум вернулся, Көк Картыға сказал: «Вот, Аба Кулак, я боялся, что ты умрешь, потому в полкрика крикнул. Ай Сабак то ли слышала, то ли нет, — я не знаю! Если услышала, в мою землю придет, если не услышала — то ты, если всю жизнь будешь за нею гнаться, и тогда даже ее не догонишь».

Аба Кулак, сидя, слезы из обоих глаз вниз по колену проливал, давая им журчать. Он вступил в бесконечный плач. «Я думал, что конь, на котором я езжу, лучше других коней, оказывается он из (всех) коней самый слабый! Я считал себя, Аба Кулака, сильнейшим из богатырей, оказался я самым ничтожным из богатырей! Смотри: от крика богатыря с утра до вечера без сознания сидел!» — (так) говоря, слезы глаз в кровь обратил, воду век проливал.

В то время, когда, усевшись, с питьем еду ели, в каком-то отдаленном углу земли звук трубы из желтой меди о шестидесяти ртах-отверстиях раздался. «Любимого моего зятя голос, войдя в правое мое ухо, через левое ухо сквозь прошел». Не успел [сказанный] разговор окончиться, смотрящие глаза не успели мигнуть, звук трубы из желтой меди на самом краю великого хребта раздался. Золотая дверь настез распахнулась, Ай Сабак вошла.

[Потом] когда Аба Кулак посмотрел, [эта] Ай Сабак превосходит даже восходящее солнце, подобна полноте полного месяца. Глаза ее как глаза ястреба, к лицу ее кровь приливает. Аба Кулак на Ай Сабак прямо смотреть не мог, наискось смотрел. Ай Сабак, протянув правую руку, с Аба Кулаком поздоровалась: «Любимый мой Аба Кулак, тебя не находя, кругом всего этого солнечного мира я объехала!» — сказала.

Они вчетвером в непрекращающееся пиршество вступили, в неистощающееся угощение вошли. Көк Талай, жена Көк Картыға, [две] головы Аба Кулака и Ай Сабак [вместе] соединила.

В то время, когда они мало ли пировали, много ли пировали, Аба Кулак из-за золотого стола встал. «Хоть и низкая, но своя у меня гора есть, хоть и мелкая, но своя у меня река есть [говоря]; с тех пор, как я перешагнул стойбище-жилье отца, в молодом возрасте пришедший, я достиг (потом) уже зрелого возраста» — сказал. Аба Кулак Ай Сабак покрутил-повертел, в золотой перстень превратив, засунул себе (в карман). Чтобы не скучать, попрощался, чтобы не тосковать, распрощался с Көк Картығом и Көк Талай. Из золотого дворца вышел, к бело-коурому коню своему прильнул. Натянутые китайские стремена ногой нажал (и) крепче оперся. По раскинувшейся, как степь, широкой спине коня ударил, разрывая широкие губы (его), дернул (узду).

Аба Кулак возвращался [возвращался], кружным путем по земле не ехал, а по прямому направлению ехал, по изгибам реки не ехал, а напрямик (попе-

ajlanča. aba qulaq sybysqalyg̃ synyna şyqty, şlağajlig̃ peline tüştü. uluğ synnañ körüp tanqap turğanyn — mały małdan aşča, çonu çonnañ aşča. üren çurtu, aq mały üna turča. aq małdy arlap kirdi, albatqy çonnu tekşilep kirdi. altyn şarçyn tözüne çedip, adyn poş tašta, altyn öргеge kirdi. ežik ažyp, ezen perišti enmen ködür, mençi perišti.

altyn sabaq ičezi-be poqaj saryg̃ öreken çügür-kelip, aba qulaqtyn mojnuna azyldylar. «ažyp pardy, tep sanağanıbyys, aba qulaq ajlanyp keldi!» teštiler. ertip pardy, tep sanağanıbyys, ebirip keldi!» teštiler.

aba qulaq aj sabaq ałyan kižizin taštabyşqanyn — şyğar kün-çe şyqty, teğer aj šenoq teğdi. poqaj saryg̃ öreken ajtty: «eze, aba qulaq pałam, akkelzeñ-dā çaqşyny akkeltirziñ! tołar ajdyñ tołazoq, şyğar künnün suzoq šeni çajalyñ aj sabaq połtur! po künü çaryqta po aj sabaq šeni çajalyñ qys tölünge az-oq połar».

poqaj saryg̃ öreken altyn örgeden şyğa pasty. qyryq tasty qyryp ałyp, qyryq małta perdi, odus tasty qyrb-ałyp, odus małta šele-berdi. çaryqyny çaryqlap perdi — qyr asqyrdyñ öriñ qyra soğup, toğrap kelip, toj sałar, tep, tōr asqyrdyñ öriñ toza soğup qyrban tartyp, toj sałar tep. talajya šenep aš pūdūrār, tasqylıya šenep et toğrałar, tep, qyğyrdy. tastarğa uqqanče połdu, — toğus çyl törebēñ toñ qyzyraq pejlerdi kištede akkel soqtułar, puğalardy onnada akkel soqtułar. raq çerdayy çatqan kižilerdi, ijgi kiži yzyp, çyğdyrdylar; çayın çerdā tuğannaryn, pir kiži yzyp, çyğdyrdylar. tastar talajya šenep aš pūdürdüler, tasqylıya šenep et puğyrdylar. altyn sabaq ičezi aj sabaqty qyryq qatpaş tübüne akkirip, çetti talba sürünmežin qoğa šabyr, azyra tułun ördü.

tojla tojla kelgennerin — çetti küñge şyğara tojlap, çer qarazyn pilbediler; toğus küñge şyğara tojlap, toğrağ qarazyn pilbediler. toğus künnün pažynda tostağylyary tozułdu, toza çonu tarady, qazan tübü qayğyrady, qalyq çonu tarady. at çügürtüp, alynañ kelgen attarğa aj-ojluğ aq torçu pılat pağladylar. er kürežin taştap parğan kižiğe ustuq sōgü perdiler körne-körkeni tekşi ülediler. artyq tep, artyq perbediler, çetpes tep, çetpes perbediler. mynda çyğyan qalyq toza ałğap kelip nandyłar. «mēndiğ toju kem körgen, mēndiğ toju kem çigen!» teštiler.

uluğ tojlary ertken sōnda aba qulaq surady: «eze, poqaj saryg̃ öreken, purunyu tušta šabyş-parğan altyn tana peçemniñ çoluna kirēj-me, çoq ağ-oj attyñ çoluna kirēj-be?» tedi. — poqaj saryg̃ öreken ajtty: «eze, aba qulaq, ağ-oj atty qara qylyş apparğannañ ała toğuzon toğus marğyğ̃ şap ałyp, toğuzon toğus marğyğ̃dy šabyr şyq-pardy. sybas oğaq nançyñ qara örekennēñ uğun pilbes uluğ qabar surap ałyp, paza sy qoburğaj ištine

рек) ехал. Земля чужого народа вне его пределов остается, к материнскому стойбищу он поворачивает. Совершенно чужая земля далеко за пределами остается, в отцовское стойбище он поворачивает. Аба Кулак на свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. Когда, с великого хребта глядя, стоял, удивлялся: скот через скот переваливает — так умножается, народ через народ переваливает — так увеличивается. Жилое стойбище (поселение) и белый скот благополучно стоит. Промеж белого скота проехал, посреди подданного народа проехал. До подножья золотой коновязи доехал, коня [освободив] отпустил, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался. Плечо подняв, приветствовал.

Мать его Алтын Сабак и старуха Покай Сарыг прибежали, на шею Аба Кулака бросились. «Аба Кулак, которого мы считали погибшим, вернулся, — сказали, которого мы считали умершим, назад приехал!» [говорили].

Аба Кулак (свою жену) Ай Сабак [взятого им человека] (из кармана) выбросил (в виде перстня). Она засияла ярче солнца, засверкала сильнее месяца. Старуха Покай Сарыг сказала: «О, Аба Кулак, дитя мое, [если ты привез так уж] какую хорошую девицу ты привез! Как свет в полнолунии [месяца], как лучи восходящего солнца Ай Сабак ведь сотворена! На этом солнечном свете подобных Ай Сабак [созданных девиц] мало!»

Старуха Покай Сарыг из золотого дворца вышла, сорок плешивых окрикнула, сорок топоров им дала. Чтобы чалого жеребца табун перебили-зарубили и, истребив, приготовили; чтобы гнедого жеребца табун перебили-зарубили и, истребивши, пир устроили — приказ отдала. Чтобы приготовить питья с море, чтобы накрошили мяса с гору — (им) крикнула. Как только плешивые услышали, ржущих, не жеребявшихся девять лет кобылиц привели и зарезали; быков, мычащих, привели и закололи. В далекой земле живущих людей собрали, послав двух вестников, в близкой земле живущих родственников собрали, послав одного человека. Плешивые море питья приготовили, гору мяса наварили. Алтын Сабак мать его (Аба Кулака) (его жену) Ай Сабак в глубину сорока [складок] комнат ввела, семь разветлений кос расплетала и в две косы заплетала.

Пировали, пировали — семь дней свадьбу справляя, даже не видели черноты земли; девять дней угощались, не замечали черноты почвы. Через девять дней (мясо), лежащее на бересте, истощилось — весь народ разошелся, дно казанов зазвенело — народ разошелся. Коней пускали бегать — бега устраивали, вперед пришедшему коню белый шелковый платок, переливчатый как свет месяца, навязывали. Мужчин заставляли бороться — борьбу устраивали, поборовшему человеку бедренную кость давали. Свадебные подарки поровну всем делили. Не было, чтобы кому-нибудь лишнее дали, не было, чтобы кому-нибудь не додали. Весь народ, здесь собравшийся, хваля, прославляя, домой возвращаясь. Такую [подобную этой] свадьбу кто видел? Такое угощение кто ел?

После того, как прошла великая свадьба, Аба Кулак спросил: «О, Покай Сарыг старуха, отправиться ли мне по пути моей тетки Алтын

čörčütqan syr öleñ qysty sürüşpēn salʔan, syr öleñ qys aq salʔynʔa paryp salʔannañ ara. uš aq qannuñ palazy qyrʔan qylyš qyzył čegren at ʔa aʔoj atty čügürterge uluğ marʔyğ salʔs-salʔan, uš aq qannuñ čerine čügürterge marʔyğ salʔs-salʔan. qanattyğ quš uš uja čazap, uš pala pazyn čeder čerde, tyrbaqtığ añ peš pala törep, pallaryn östürüp čeder čerde uš aq qan anda čattır. uš aq qannuñ čerine uñun pilbes uluğ marʔyğ pölcütqan čerine sen pararzyn. sybas ölaq nančyn marʔyşqan paš paštañ, töš töšteñ aq maldañ albatqy čonnañ. aʔoj at aldyr-salza, sybas ölaq aq malyn sürüne kelip, uš aq qannuñ oylunuñ qyrʔan qylyştyn malyn qadarary. qyzył čegren at aldyr-salza, uš aq qannuñ oylu qyrʔan qylyš ala malyn arʔa čonun sürüne kelip, sybas ölaqtyn malyn qadarary. uš aq qannuñ čerinde sybas ölaq andoq poʔar, eres tajcy nančyn, čaš kōk andoq poʔar. sy qoburyaj ištine čörčütqan syr öleñ qys qyrʔan qylyştyn čany poʔar. anda čylyñ qalyq tōza lardyñ čany poʔar. parčazy slerdiñ üstünde poʔarlar. aq qorʔat ara čügür-paryny par poʔar, paza nančany čoq poʔar! sen, aba qulaq, ara parynyñ par poʔar, paza nančanyñ čoq poʔar!» tep. poqaj arʔyğ öreken, ijgi qaraqtyn čažyn pōš qorʔadyp, syqtady: «pirdā kiži qorʔustıñ ebes, ady čitken syr öleñ qys parčalarynyñ pir ojqmaqqa syʔa šabar. syr öleñ qystyn ölerge tyny čoq, tögülerge qany čoq. sen mynañ paryny oñ-ma kōk qartyʔañ čerine čedip, kōk qartyʔany arʔyš čölekke ajdynarzyn. kōk qartyʔa parybyssa, parčēn čaqşy poʔar edi!» poqaj saryğ öreken uluğ sydyn syqtapča: «sen, aba qulaq, paryp ölüp ažyp parzañ, señ čirtun tek čazyq čadyp qalar!»

any uqqan aba qulaq ezen prašaj surašty. «eliğ čyldañ ertip parzan, ertip ölgem paʔar; alton čyldañ aža tüšsem, ažyp ölgem poʔar!» tep. aba qulaq altyn örgeden šyʔa pasty. aq qorʔadyna čapşyndy. alynañ ara pardy-

poqaj saryğ öreken, altyn maqyş pažyna turup, uñun pilbes uluğ syteq kirip qaldy. «aq qorʔat altyn šarčyn fözüneñ srañaj pārbysty. paza ajlan-kelčeñ čolu čoq poʔar! aba qulaq paza po čerge ajlan-kelčeñ čolu čoq poʔar!» tep, syqtap qaldy. «ijgi qannuñ čirtu tek čazyqqa čadyp qaldy». tep, syqtapča.

aba qulaq para-para kelgenin — po pararyña čer rāy pōlča. sybyš qalyğ svnyña šyqty, slayajliğ pelge tüštü. uluğ synnan kōrüp turʔanyn —

...на, в [прежнее] давнее время сражаясь-борясь уехавшей, или следовать по пути бело-сивого коня?» [спросил]. Старуха ответила: «Да, Аба Кулак, после того, как Кара Кылыш бело-сивого коня увел, он в девяносто пяти бегах участвовал, девяносто девять закладов выиграл. Юноша Сыбас, твой друг, после того как у Черной старухи великого совета спросил, не стал больше догонять девицу Сыр Олен, летящую внутри пучки, потому что Сыр Олен девица вышла замуж за Чаш Салгына. Кыргыз Кылыш, сын Белых ханов, больше бега устроил, большой заклад оставил, заставлял красно-игреневого коня и бело-сивого коня добежать до земли трех Белых ханов. Прежде чем туда долетит имеющая крылья птица, она три раза успеет гнездо свить и трижды вывести птенцов, прежде чем туда добежит имеющий когти зверь, он успеет пять детенышей родить и их вырастить, — [там] в той земле живут три Белых хана. В землю трех Белых ханов, в ту землю, где происходят [бесконечные] великие бега, ты отправишься. Юноша Сыбас — твой друг — поставил заклад: голову за голову, грудь за грудь — белый скот (и) подданный народ. Если проиграет бело-сивый конь, то юноша Сыбас после того, как угонят его белый скот и подданный народ, должен будет (еще) пасти скот сына Белых ханов — Кыргыз Кылыша. Если проиграет красно-игренивый конь, то Кыргыз Кылышу, сыну Белых ханов, — после того, как отгонят его белый скот и подданный народ, — придется пасти скот юноши Сыбаса. В земле трех Белых ханов юноша Сыбас тоже будет (участвовать). Эрес Тайчи, твой друг, Чаш Кōк там же будут. Внутри пучки ходящая Сыр Олен девица на стороне Кыргыз Кылыша будет. Весь там собравшийся народ на их стороне будет. Все будут иметь верх над вами. Бело-коурый конь туда отправится, а возврата ему не будет. Ты, Аба Кулак, туда отправишься, а назад не вернешься!» (Так) говоря, Покай старуха из обеих глаз слезы проливала, [заставляя их журчать] — рыдала. «С проклятым именем девица Сыр Олен, которой никто не страшен, всех в одну яму толкнет и погубит. У Сыр Олен девицы нет души, которая могла бы умереть, нет крови, которая могла бы пролиться. После того как ты отсюда поедешь и до земли Кōк Картыга доедешь, ты проси (у него) дружеской поддержки-помощи. Если Кōк Картыга поедет, — все хорошо будет!» Покай Сарыг старуха великим плачем рыдает: «Ты Аба Кулак, если отправишься, умрешь-погибнешь, твое стойбище заброшенным останется!»

То услышав, Аба Кулак попрощался. «Если пройдет пятьдесят лет и я не вернусь, значит я умер; если шестьдесят лет минует и я не вернусь, значит я погиб!» — (так) говоря, Аба Кулак из золотого дворца вышел, к бело-коурому коню прильнул, вперед поехал.

Покай Сарыг старуха, стоя на верху золотой лестницы, бесконечным, великим рыданием рыдала. «Бело-коурый конь от основания золотой конюшни совсем отошел, назад возвращаться ему пути-дороги нет! Аба Кулаку назад в эту землю вернуться пути нет! [говоря, рыдать осталась]. Двух ханов стойбище заброшенным осталось!» — так говоря, рыдает (Покай Сарыг).

kök qartyğa çerine çettir. altyn şarçyn tözünde kök porat turça. pirdä çerge parbandyr.

eniş töbere endire pastyrdy. altyn şarçyn tözüne çetti. at pažynan äty bysty. altyn öргеge kirdi. ežik ažyp, ezen perišti, eñmen ködür, menç perišti. kök qartyğa altyn ustał tübüne odurup, paš kekkip, ezen saldy. kök talaj oñ qoñun sunup, ezen perišti. — «aba qulaq čestem keldi!» tep. kök talaj aba qulaqty qoldan qabyp, qoñtuqtañ çölep, altyn ustał tübüne odurttu. kök qartyğa-ba aba qulaqqa, ajaqtaп kel, aš perdi. pýlar üzele użun pilbes uluğ ašqa kirdiler.

kök talaj surady: «eze, aba qulaq küze, aq qoradyña ter šaptyryp, qajdiğ čerge parçañ?» tep, surady. — aba qulaq ajtty: «aq qoradq ter šaptyryp, qajdiğ čerge parajyn! üš aq qannuñ čerine parçam. qurunnuñ quš üš uja salyp, üš pała pazyp, pałaryn östürüp čeder čerge, ažyra tuj-yaqtyğ añ peš pała törep, pałaryn östürüp čeder čerge, aça pārcam». tedi. anañ aba qulaq ajtty: «čağyš açaš čelden qortuq, čağys alyp alyptañ qortuq! artyq čajalyñ kök qartyğa, arğyš čölek połaj-ne, tep, any surarğa kelgem!»

any uqqan kök qartyğa qyryq tižineñ ün šyğarbady, tündere körgeñ qarayyn öre körben, aš-pa tabaqty čirin-ne čipča. čimčağ sōgü aqsynañ pārcā, qadyğ sōgü purnunañ pārcā. aba qulaq-pa kök talaj kök qartyğany alton sōs-pe ajlandyrčalar, eliğ sōs-pe ebirčalar. kök qartyğany ajlandyr połban üš qonuqqa čede perdiler.

üš künnüñ pažynda kök qartyğa ajtty: «eze, kök talaj alyñ kižim, ağ čağys kök qartyğany ede köp körčañ-ma? šynap andiğ köp körzen, par-dağy körejini!» anañ kök qartyğa ajtty: «ara parğanybys par połar, paza pere nančanybys čoq połar! men qoruqçañ pirdä čer čoq. ady čitken syr öleñ qys andağy čylyñ qalyqty pir ojmaqqa terer. syr öleñ qysqa arğy küžüm ałaryn pilinmēčam!»

kök qartyğa-ba aba qulaq aštān postaryn tosturdular, arynñan postaryn küštendiler. egrejgen čerlerine et toldura čidiler, pūgrejgen čerlerine mūn toldura ištiler. altyn ustałdan tura pazyžyp, kök-talaj-ba ezen prašaj suražyp, altyn örgedeñ pazyštılar. attaryna čarğanat quš-če čapšyndılar. kök talaj ajtty: «eze, kök qartyğam, alyñan ara pā-čatsar, tağ paštary ölaš-čatsa, aly tağ ažyra, aly čulāt kežire čoldañ kedere parğajzar!» any uqqan kök qartyğa ajtty: «eze, kök talaj, any sen-dā ajtpazañ, pozum-dağy pilčam!» ijgi atqa, qānyq kelip, qamčy šaptylar. ijgi attuñ pasqan azaq par połdu, parğan čerleri čoq połdu.

Аба Кулак ехал, ехал, — ехать ему путь далекий был. На свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. С великого хребта спускается, он до земли Көк Картыга доехал. У подножья золотой коновязи голубо-серый конь стоит. Никуда (он) не уходил.

(Аба Кулак) по склону вниз спустился, подножья золотой коновязи достиг. С коня соскочил. В золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался, плечо подняв, приветствовал. Көк Картыга, сидя за золотым столом, кивнув головой, (его) приветствовал. Көк Талай, правую руку подав, с ним поздоровалась. «Аба Кулак зять наш пришел» [говоря] (сказала). Көк Талай Аба Кулака за руку схватив, под мышки поддерживая, за золотой стол усадила, Көк Картыгу и Аба Кулака угощая, питье подала. Они втроем без конца угощаться стали.

Көк Талай спросила: «О, Аба Кулак, зять, твоего бело-коурого коня в пот вогнав, в какую землю ты отправляешься?» [говоря, спросила]. Аба Кулак ответил: «Вот в какую землю я отправляюсь, вогнав в пот моего бело-коурого коня! Я еду в землю трех Белых ханов. В землю, до которой прежде чем долетит, имеющая крылья птица успеет трижды свить гнездо и, трижды вывести птенцов, их вырастить, в землю, до которой прежде чем добежит, зверь с раздвоенными копытами успеет пять детенышей родить и вырастить, — в ту землю я еду!» — сказал. Потом Аба Кулак сказал: «Одинокое дерево боится ветра, одинокий богатырь боится богатырей! Могущественнее других созданный Көк Картыга товарищескою поддержкою станешь ли (мне)? — О том просить-спрашивать я приехал!»

То слушавший Көк Картыга вверх глазами не смотрит; смотря вниз, еду с питьем продолжает есть. Мягкие кости через рот выпадают, твердые кости через нос выпадают. Көк Талай и Аба Кулак Көк Картыгу шестью-десятью словами поворачивают, пятьюдесятью словами ворочают — уговаривают. Уже до трех дней доходит, а Көк Картыгу уговорить не могут.

На третий день Көк Картыга сказал: «О, жена моя, Көк Талай, разве ты меня, совсем одинокого Көк Картыгу, так высоко ценишь? Если на самом деле так высоко ценишь [так за много меня рассматриваешь] — тогда, пожалуй, поеду!» Потом Көк Картыга сказал: «Путь, по которому мы поедем туда, будет, назад сюда возвращаться пути не будет. Нет ничего, чего бы я боялся. Проклятая Сыр Олен девица туда съехавшийся народ в одну йму соберет. Хватит ли у меня силы для Сыр Олен девицы — я не знаю!»

Көк Картыга и Аба Кулак, изголодавшиеся, себя насыщали, исхудавшие, себя подкрепляли. Пустые места мясом заполняя, ели; впалые места наваром наполняя, ели. Из-за золотого стола вместе встали, с Көк Талай попрощались. Из золотого дворца вместе вышли. К коням, как летучие мыши [птицы], прильнули. Көк Талай сказала: «О, мой муж, Көк Картыга, когда отсюда вперед поедете, если вершины гор будут греметь — через шесть гор переваливая, через шесть рек переезжая, в сторону от пути поезжайте!» То услышав, Көк Картыга сказал: «О, Көк Талай, если бы ты

pýlar ijgele as köp paryp oduryan tuštarynda uluǵ tajra paštary uluǵ saıyyn kirišti. taǵ-ba suǵduǵ paštary pirge oıaža perdi. pýlar alty taǵdy aǵyra pardyılar; četti čułat kēžire paryp, qara qajaǵa kōlep turbustular. turarlıary čöp alyšty. šaq-po pýlar pārcytqan čol-ba četti punnuǵ sý qobur-ǵaj čabys taǵdy čaba čap, mōžük taǵdy üze šap-kel pārbysty. kōk qartyǵa ajtty: «eze, aba qulaq, uluǵ čol-ba paryan polzabys, po sý qoburǵaj pisti orta pelden üze šap parbyzār edi!»

pýlar ijgele sāsқан uǵup četpes saryǵ čazy-ba parčalar, qusqun qub uǵup četpes quba šol-be parčalar. quba šöldün uǵunda aq qonaq-pa qyzył qonaq učuq-kelča. aq qonaq-pa qyzył qonaqqa kele-kele čaǵunap, anañ matap kōrgennerin — aq qonaq-pa qyzył qonaq ebes poltur, aq qannuñ aǵoj ady-ba qyryǵan qylyš qyzył čegren at čügür-kelčalar.

aǵoj at qyryjy-ba ertčytqanda — aba qulaq oñ qoıun sunubustu. aǵoj attuñ tiskinnen qāb-aıyp, pura tartyp aldy. aǵoj at at ünü-be kištedi, aıyp ünü-be erbektedi: «eze, aıyp, tölü, meni pura tartqan qajdiǵ qannuñ pałazy poıarzuñ?» — aba qulaq ajtty: «qajdiǵ qannuñ pałazy poıajyn! aǵ pašazy seni kelip tutčañ-pedi! aq qannuñ tölü altyn tajčuñ pałazy, aba qulaq poıarym».

any uqqan aǵoj at ajtty: «eze, aba qulaq, qara qylyš meni apparǵan-nañ aıa toǵuzon toǵus marǵyǵ šapty. toǵuzon toǵus marǵyǵdy talap šyq-pardy. am čüzüncü marǵyjn čügürčäm. kōñnüm qalbas aǵoj at kōñnüm qaldy. qyzył čegiren atqa aıdyr-salarǵa men pārcytqam. aq qannuñ tölü kelgende — pary čoq küzüm pašqa tartyp čügürčej! qyzył čegiren atqa nō-a aıdyrčañ poıyam!»

anañ aǵoj at ajtty: «po čügür-paryan čolumda añ četpes, quš četpes čerge, po čerdiñ tujyuna paryanmys. andayy čerde qaraq šašsa tynmas qara tubanny ertkenmis. qara tuban arazynañ altyn tanāñ aq sarady kelip, piske qošta toǵus künük čer čügür-pardy. aq sarattuñ quıun edi tüzüp, quruǵ sōǵu qaltyr. qalyn edi tüzüp, qadyǵ-la sōǵu qaltyr. qaraıy orajyp, qabaıy tōñnej-qaltyr. aj-ba kün ötire šalyžar šenge čede pertir. aq sarāt menē suraıan: „aq qannuñ tölüneñ artyq tegen aıyp čajal-öskeni par-ba?“ tep. men ajtqam: „aq qannuñ tölüneñ aıyp čajalanyñ qurǵunnuǵ-da quštañ uqpadym, künü čaryq aıybynañ uqpadym!“» tep. any uıub-

даже того и не сказала, я и сам хорошо знаю». Рассердясь, обонх коней плетью ударили. Там, где прошли кони, — след остался, в какую землю пошли, — следа нет.

Много ли, мало ли они вдвоем ехали — в вершинах великой тайги ветер пронесся, вершины гор и рек (все вместе) шуметь начали. Они вдвоем, через шесть гор переваливая, уехали, через семь рек переехав, за черную скалу скрылись. Как только они там встали, той же дорогой, которой они ехали, пучка-борщевник, имеющая семь суставов, низкие горы покрывая, высокие горы снося-разрывая, прилетела. Кōк Картыга сказал: «О, Аба Кулак, если бы мы по большой дороге поехали, эта пучка через нас, разорвав нас по поясу, переехала бы!»

Они вдвоем желтой степью, до которой не может долетать даже сорока, едут; бледной пустыней, до которой черныи ворон, летая, не достигает, едут. В конце бледной пустыни белая бабочка с красной бабочкой летают. Они к белой и красной бабочкам подъехали. Потом, когда пристально взгляделись, — оказывается то не красная и белая бабочки, а бело-сивый конь Ак Кана и красно-игрневый конь Кырган Кылыша бегут.

Когда бело-сивый конь мимо них пробежал, Аба Кулак правую руку вытянул и за повод бело-сивого коня схватил. Бело-сивый конь лошадиным голосом ржал, богатырским голосом говорил: «О, потомок богатырей, меня повернувший, какого хана ребенок, с каким именем-прозвищем ты будешь?» — «Какого хана ребенок буду [ка] я! Совершенно чужой тебе разве схватил бы так? Из поколения Ак Кана, сын Алтын Тайчи я буду!»

То услышав, бело-сивый конь сказал: «О, Аба Кула, с тех пор как меня Кара Кальш увел, — он девяносто девять бегов устроил. Девяносто девять бегов все выиграл. Теперь сотый бег — я бегу. Никогда не устающий бело-сивый конь — я начал уставать. [Я отправился в бег] (и) я собрался в этом бегу проиграть красно-игрневому коню. Теперь же, когда потомок Ак Кана приехал, что есть силы у меня, — в голову стянув, — я побегу! Зачем стану проигрывать красно-игрневому коню!»

(Потом) бело-сивый конь сказал: «По дороге, по которой я бежал, мы пришли в землю, куда не доходит зверь и не долетает птица, в тупик этой земли! В той земле мы прошли сквозь такой густой туман, что глазом невозможно проникнуть. Из середины тумана бело-рыжий конь Алтын Таны, выйдя, с нами рядом на расстоянии девяти дней бега бежал. У бело-рыжего коня мясо [жеребенка] спало, сухие кости остались; толстое мясо исхудало — твердые (лишь) кости остались. Глаза впальцами стали, лоб выпуклый стал. До такого состояния дошел, что лучи солнца в месяца сквозь него просвечивают. Бело-рыжий конь спросил у меня, [говоря]: „Есть ли из поколения (тōля) Ак Кана лучшим из лучших сотворенный, возросший богатырь?“ Я отвечал: „Про сотворенного богатыря из поколения (тōля) Ак Кана ни от крылатых птиц я не слышал, ни от богатырей этого солнечного мира я не слышал“» [говоря].

-alyp, aq sarat ijgi qaraq čažyn poš qorladyp, ajdyp pardy: «adañnyñ-oq ačyju, eneñniñ-oq qoquju! pis čabaldyn alyna turušan aq qannyn tölüneñ arytq tegen alyp čajał öskeni čoyoq połyan-či! pisten üçün turužup, pir oq šurup ada perčen po künü čaryqta alyp čajał öskeni čoyoq połtur!» ter, aq sarat pārbysty.

aγoj at atty: «aq qannyn čerineñ parγannañ ała ijgi tölge čedip pardym. čüzünčü marγyjn čügürčam, inge köžüneñ kün kördüm, it ajaγynañ aš ištım. uluğ marγyğdañ čügür-kelgen sōmda qara qylyš eñni mojnuma eliğ qat kižen suγup, arγa mojnuma alton qat kižen suγup, pir użun čer qastyqqa paγlap kelip čäteryp odurdu».

aba qulaq aγoj atty körgenin — qyzył edi tüžüp, quruğ sōgü qaltyr; qalyñ edi toza qaγylyp, qadyğ-la sōgü qaltyr. aγoj at aj-ba kün ötüne šalyžar šenge čede pērtir. qara qylyš aγoj attyn ijgi qulaγyn tözüneñ kestir, quzuruγu čalyñ tōza kestir. pýlar mynda turup erbekteškenče — qyzył čegiren at üš qannyn taštyna čede pertir. aba qulaq oñ qolun tegri qanγa ködürüp, aγoj attyn čalbaq parγan saγyzyna šabysqanyn — aγoj at et ačyyna šydap polbān, qyzył attyn quzuruq paza čügür-pardy.

pýlar ijgele para-para kelgennerin — sybysqalyğ synγa šyqtylar, slaγajliğ pelge tüštüler. uluğ synnañ körüp turγannary — üš aq qannyn čerine čettirler. myndaγy čerde qarlyγaš quš seni alyp qajynča, qara kebelčik šeni yγyłaščalar. altyn šarčyn at paγlarγa čedišpēn, altyn oqtaryñ šažyp, paγlap partyrlar. altyn örgege alyp oduraryγa čer čedišpēn, aq čazyγa pazyš-čörčalar. myndaγy čerde sy tajaqtyğ sybas oñaq połtur. eres tajcy myndōq połtur, čaš kōk myndōq połtur.

üš aq qannyn šaqpo čerde aj alyžyp, čył ertižip odurγan tušta mynda čylyñ alyptar qyγyryštylar: «at čaqšyłary aylanča. ajmaq čerge tüsse, pir at körünča, qyrañ čerge šyqsa, ijgi at körünča», ter, qyγyryštylar. uluğ synnyn qyryna altyn čibek tarttylar. alyñnañ kelgen at altynča öt-parza, aldyr-salyñ połzun! teštiler. sōnañ kelgen at üstünča ažyp parza, alyp parγan połzun!» teštiler.

aba qulaq körgenin — aγoj at-pa qyzył čegren at suγluqtañ suγluqqa, pirēzi qyjbān, tennep čügür-kelčalar. ponu körgen aba qulaq ulgen tūbūn aize qyγyrdy, častyñ tūbūn čara qyγyrdy. «eze, aγoj at, toγuzon toγus

То услышав, бело-рыжий конь, слезы из глаз своих проливая, заставляя их журчать, шел и говорил: «Отца твоего горе, матери твоей несчастье! — Из поколения (тöля) Ак Кан создавшегося, возросшего богатыря, из богатырей лучшего, чтобы за нас несчастных заступиться, оказывается нет! На этом солнечном свете [созданного] возросшего богатыря, который, заступаясь за нас, вынул бы стрелы, выстрелил бы, оказывается нет!» (Так говоря) ушел бело-рыжий конь! Бело-сивый конь сказал: «С тех пор как я ушел из земли Ак Кана, минуло уже два поколения. Сотый бег я бегаю. Через игольное отверстие свет я видел, из собачьей чашки пищу я ел. После того как прибежал я домой после великого состязания-бега, Кара Кымыш на плечи-шею мою пятидесятислойные путы надевал, спину-шею мою в шестидесятислойные путы вкладывал, один конец к земляному колу привязывал».

Аба Кулак на бело-сивого коня посмотрел: мясо [жеребенка] совсем исчезло, сухие кости остались; толстое мясо совсем опало, твердые лишь кости остались. Дошел бело-сивый конь до такого состояния, что солнце и месяц сквозь него просвечивают. Кара Кымыш оба уха бело-сивого коня до основания отрезал, хвост, гриву всю отрезал. Пока они там стояли и разговаривали, уже красно-игреневый конь за пределы трех ханов переходить стал. Аба Кулак, правую руку к [хану] небу поднял, по широко раскинувшейся спине бело-сивого коня ударил. Бело-сивый конь, не в силах выдерживать боли [мяса], напирая-наступая на хвост красно-рыжего коня, побежал.

Они двое ехали, ехали — на свистящий хребет поднялись, на гладкую седловину спустились. Когда с великого хребта глядели — видят, что достигли земли трех Белых ханов. В этой земле богатыри, подобно ласточкам-птицам, с места на место перебегают, подобно птицам трясугузкам, из стороны в сторону покачиваются. У золотой коновязи нехватало места, чтобы коней привязать. Золотые стрелы воткнули и коней привязали. В золотом дворце чтобы сидеть богатырям, места нехватало, — в белую степь направились. В здешней земле юноша Сыбас был. Эрес Тайчи здесь же, Чаш Кок тут же оказывается была.

В этой [вот] земле трех Белых ханов, в то время как менялись месяцы и проходили годы, [здесь] собравшиеся богатыри все вместе закричали: «Лучшие кони возвращаются! Когда в долину пускаются, кажется, будто это один конь, когда на косогор поднимаются, видны два коня!» Так кричали. По вершине великого хребта протянули золотой шелк (шелковую нить). «Если вперед пришедший конь под (этой шелковой нитью) пройдет, — то проиграет — сказали. Если сзади пришедший конь над (этой нитью) пробежит, — то будет считаться, что выиграл!» — (так говорили друг другу.

Когда Аба Кулак взглянул, бело-сивым конем красно-игреневый конь вровень бегут, железные удила за железными удилами, — ни один не обгоняет, ни один не отстает. Это увидев, Аба Кулак закричал, разрывая на-двое дно вселенной, расплекая на части дно преисподней: «О, бело-сивый конь,

marγya çügür aldyrbān, pozun çüzünçü marγya aldyr-salarzın-ma? qalyanyn çügürçütqan aγoj at, pary çoq küzün pažyña tartyp çügür tep, qyžyrdy.

any uqqan aγoj at kezengi tigezi-be keze širēn, pāry-çoq küzün pašqa tartyp çügürdü. altyn çibekti ašçytqanda aγoj at surıuq qyja alynañ ašty. qara qylyš aγoj attyn tiskinnen qābaltyr. ponu körgen aba qulaq uštug paštyğ paj terek-çe qolun tegri qānça ködür-šyγyp, ajlandyr-kelip, qara qylyšty šabysqany—alaqannyn tabyžy erlik qannañ ertize, küni çaryqtañ ažyra šabyqty. toγus köstüg altyn oq çerīneñ požanγan šeni pildirdi.

qara qylyš alty tağdy ažyra partyr, çetti çulatty kežire partyr. toγus ojmaqqa toγalan-partyr. onunçu ojmaqqa ojda kēl tüzüp, qara qan-ma piürgürçä, aqsyna pałyaš tyqtanmystyr. aba qulaq çügür-kelip, aγoj atty, kümüş çügenin pažynañ šurup, saγry-zajyn sijbap kelip, požatty. «süttüg kölden suğ iš! sübür tağdañ ot otta!» tep.

aγoj at at ünü-be kištedi, alyp ünü-be erbektedi. «çažyn polza, uzaq polzun! çürtun polza, möñnü polzun!» tep. aγoj attyn pasqan azaq par poldu, parγan çeri çoq poldu.

qara qylyš, et ačyjnā šydap polbān, aq çazyγa qara çadyq šeni aņnandy. qara qylyš aq çazyγa qara çadyq šeni aņnançytqanda aba qulaq çügür-paryp, qara qylyšty çaya paštañ qarty; çazy çerge sörteđi. qadyğ ayaš qağsal-ertti, qara çer sögül-ertti. ujałyğ quš ujadañ çasty, palalyğ añ paladañ çasty. ege püge pazyšqannarda — eliğkijik šeni örlaštylar; qazyra püge pazyšqannarda—toγus qabyryñ pegineñ qalyštylar. qara qaja šeni qaqtyγyštylar, pustug qaja šeni pustuyuštular.

sybas ölaq-pa çaş sałγyn qarbažybystylar. çaş kök çaş sałγyn ačazyntoqtat polbān, eliğ sös-pe eptepçä; alton sös-pe ajlandyrçä. ajlandyr toqtat polbān sałyp, alyb-oq qoluna kir-pardy. eres tajçy alyb-oq qoluna kirip partyr. kok qartyγa ijgi edegin qajra sał-sałyp, ijgi pilegin syqsyp sałyp, aq çazyγa pazyp çöçä.

uzun tajγa paštaryna ulug sałγyn kirišti, çabys tajγa paštary çaba šabył-ertišti. turγan ayaš tura syndy, çatqan ayaš çada syndy. myndaγy çylyγan qalyq çon, ulug sałγynça šydabān, pir ojmaqqa syγa šabyldylar. šaqro çerge ulug synnyñ qyryna çetti punnuğ sy qoburyaj qazaldy. sy qoburyaj ištinen syr öleñ qys paš-šyqty. syr öleñ qys ajtty: «mōs mynda mōrūlup, mołat mynda synyščattyr! men, çabał, ponu pilbēn küni çaryqty ebir-çattyr!» tep, çügür-kelip, kök qartyγany çaya töšteñ qarty. kök qartyγa-ba syr öleñ qys qarbyžabyza pergennerin — po çer çer polbady,

девяносто девять раз непроигравший, разве сотый раз проиграешь! В последний раз бегающий бело-сивый конь, собрав сколько ни есть силы к голове твоей, беги!» [говоря закричал].

То услышав, бело-сивый конь, задние копыта врезая в землю, все силы к голове стянув, побежал. Когда проходил-переваливал через золотую шелковую нить, бело-сивый конь прошел, удилами чуть не задев нить; — чуть-чуть опередив другого коня. Кара Кылыш за повод бело-сивого коня поймал. Это увидев, Аба Кулак руку, длинную как тополь, к хану-небу поднял, размахнулся и ударил Кара Кылыша, так что звук от удара ладони через царство Эрлик Кана прошел и разнесся по всему солнечному миру. Казалось, как будто выпустили девятиглазую золотую стрелу.

Кара Кылыш через шесть гор перевалил; через семь рек перелетел, в девяти котловинах валялся, в десятую котловину на спину упав, черной кровью харкает, в рот его грязь набилась. Аба Кулак подбежал, с головы бело-сивого коня серебряную уздечку снял, по спине погладил и отпустил, говоря: «В молочном озере воду пей, на горе Сюбюр пасись!» Бело-сивый конь лошадиным голосом ржал, богатырским голосом разговаривал: «Жизнь твоя пусть долгая будет! Юрт твой пусть вечным будет, Аба Кулак!» [говоря]. Где ступал бело-сивый конь, — там следы от него были; куда отправился, — следов не было.

Когда Кара Кылыш, не вынеся боли [мяса], в белой степи, как черная колода валялся, перекатывался, — Аба Кулак подбежал, Кара Кылыша за ворот [голову] схватил, по пустынной земле потащил. Твердое дерево закрепило, черная земля задрожала. Имеющие гнезда птицы от гнезд улетели, имеющие детенышей звери от детенышей убежали. Когда они друг на друга наступали, сгибал и выгибая один другого, как полсотни диких коз вместе орали. Когда закручивая друг друга, друг на друга наступали, оставались живыми только благодаря крепости девяти ребер. Как черные скалы друг о друга ударялись, как ледяные горы спшбалась.

Чаш Салгын с юношей Сыбас сражаться стали. Чаш Кёк своего старшего брата Чаш Салгына остановить не могла. Пятьюдесятью словами уговаривала, шестьюдесятью словами поворачивала. Не в силах остановить его, с богатырем также стала сражаться. Эрес Тайчи также с богатырем сражаться стал. Кёк Картыга [две] полы завернул, [два] рукава засучил, по белой степи выступает.

В вершины высокой тайги великий ветер ворвался, вершины низкой тайги пригибая, — прошел. Стоячие деревья, стоя, сломались; лежащие деревья, лежа, сломались. Здесь собравшиеся люди, не в силах великий ветер выдержать, в одну яму сбились. В эту-то землю на край великого хребта имеющая семь суставов пучка [борщевник] воткнулась. Изнутри пучки девица Сыр Олен вышла. Девица Сыр Олен сказала: «Храбрые богатыри здесь погибают, сталь здесь ломается! Я, глупая, этого не зная, вокруг света кружу» — Она подбежала, за ворот [грудь] Кара Картыга схватила. Девица Сыр Олен с Кара Картыгой сражаться стала. [Эта] земля землею

po suḡ suḡ poľbady. aryndaľyp aqan aq talajdy šalčyqqa šenep, qarbaštylar. turupcutqan aq tasqyldy tönzelge šenep, tuduštylar.

uš aq qannyn čerinde čozayy pašqa qarbaš poľča, čoruyn pašqa tuluš poľča. qosta tabyžy qoľap turanda — qoqquj ünü üzülbenča. syraçaq tabyžy sýľap turanda — sýt ünü üzülbenča. aľyp ažyšča po čerde. myndaay čerde külük ašpanče kün ertpēnča, aľyp ašpanče aj ertpēnča. aq čazynyn tübünde uluḡ ayaš užup ertti, uluḡ kücün östep ašty. qara tuban arazynaň čaš saľynyn pazyp-šyqty. sybas oľaqtyň ölgen sögü taḡ poltur, tögölgen qany köl poltur.

ponu körgen eres tajčy qarbašcytqan aľbyn qara čerden türe tuttu, qan tegrige ködür-kelip, qara taštyň üstüne tüzürdü. čerdiň tozunu tegri qanča šyqty. tegriniň tubany qara čerge tüstü. eres tajčy qara tuban arazynaň pazyp šyyp, čaš saľynynyn qoľuna kirdi. as qarbažyp, kör qarbašcytqan tuštarda aqtyḡ köktüḡ puľut üstü-be aľyp ödügü čylyrap ašty. ačar-kelip aj öldü, köger-kelip, kün öldü. qara tuban arazynaň čaš saľynyn pazyp šyqty. qabačyna ter qaqpāndyr, ijgi qoľuna qan čuqpāndyr. — eres tajčyn aryḡ tynča čedib-oq saľtyr.

ponu körgen aba qulaq tarynmas pözu taryndy. örtteň qyzyľ šyrajy ölüḡ pärya keptendi, tostaň aq šyrajy qara pärya keptendi. aba qulaq qara qylyšty qysqyr kelip, qyr töbere qynady, qyran öre sörtedi. oň nanča šyčara tartty, oq kezineň častyrdy; sol nanča šyčara tartty, sočan keske turčustu. qaba-qaba kelgenin — tegri qanča ködür-šyyp, ajlandyr-kelip šabysqanyn — qara qylyštyň syny saľy synmān körgen qaraq nūnmēn, aryḡ tyny šyyp, öldü.

aba qulaq tuban arazynaň pazyp šyčary čöp alyšty. čaš saľynynyn qoľuna kirip partyr. parbaža-parbaža kelgenerde — uluḡ ayaš užup čylyldy uluḡ kücün östep ašty. tuban arazynaň aba qulaq pās-šyqty. čaš saľynynyn syny saľy synmān, körgen qaračyn nūnmēn, aryḡ tyny šyyp, öltür.

čaš kök aq čazyda aľypty aľyp-ı a šabyštyrča, külüktü külük-pe šabyštyr qyrča. aba qulaq aq čazyda aľypty aľyp-pa šabyštyr pardy. külüktü külük-pe šabyštyr qyryp pardy. qyra-qyra kelgennerin, — uš aq qannyn čerinde öre turar qalbody, örlöp šabar qalbody. purnu-ba tynar qalbody, pudu-ba širener qalbody, požada qyryp šyčardylar. aq čazynyn tübünde kök qartyča-ba syr öleň qys ijgele-le qarbaš-qaltyrlar. čaš kök čaš quladyna mūnmāľyp, čeri čurtuna nānmysty.

aba qulaq čügür-kelip, kök qartyčany čara tartty, pozu qarbažarya ter, ijgi aľyptyň araya kirbisti. aba qulaq kök qartyčany čara tartyp poľbān, uš künge čede perdi. aba qulaq ajtty: «eze, kök qartyča nančy.

не стала, [эта] вода — водою не стала. Они сражались, текучее белое море за лужу считая, они боролись, стоячие белые хребты за пни принимая.

В земле трех Белых ханов идет битва особым обычаем, борьба происходит особою поступью. Когда звон лука, гремя, раздавался, — жалостный стон не прерывался; когда свист стрелы, звеня раздавался, — рыдающий голос не прерывался; — (так) умер богатырь на этой земле. В здешней земле дня не проходит, чтобы богатырь не погиб, месяца не проходит, чтобы храбрец не умер. В глубине чистой степи великое дерево свалилось, богатырь вздохнул и умер. Из черного тумана Чаш Салгын вышел. Умершие кости юноши Сыбас горой стали, пролившаяся кровь озером стала.

Это увидев, Эрес Тайчи богатыря с ним борющегося, с черной землей сдернув, к хану-небу поднял — на черный камень бросил. Пыль земли поднялась к хану-небу, туманы неба пали на землю. Эрес Тайчи из черного тумана вышел, с Чаш Салгином сражаться стал. В то время, когда много ли, мало ли боролись, по верху пестрого облака богатырская обувь сверкнула и пропала. Побелев, месяц умер; поспнев, солнце умерло. Из черного тумана Чаш Салгын вышел. На лбу его даже пот не проступил, к [двум] рукам кровь не прилипла, чистую душу Эрес Тайчи (он) [также] погубил. Это увидев, Аба Кулак, не гневавшийся, ныне разгневался, краснее пламени лицо его стало как мертвая печень, белее бересты лицо его стало как черная печень. Аба Кулак закричал, завизжал, вниз по хребту Кара Кылыша толкал, вверх по хребту волочил. К правому боку притягивая, на правое бедро поднимал. Хватая-хватая, к [хану] небу поднял, повертев, (об землю) ударил; стан Кара Кылыша не переломился, открытые глаза не мигнули. (Но) чистая душа его ушла — (он) умер.

Как только Аба Кулак из черного тумана выступил, — в руки Чаш Салгына попал. Когда они так боролись-сражались, великое дерево снова упало, великий богатырь застонал и погиб. Из черного тумана Аба Кулак вышел. Стан Чаш Салгына не переломился, открытые глаза его не моргнули, чистая душа его ушла — он умер.

Чаш Кёк в чистой степи богатыря за богатырем побеждает, храбrega за храбrecом губит. Аба Кулак в белой степи богатыря за богатырем побеждать стал, храбrega за храбrecом губить стал. Убивал, убивал, — в земле трех Белых ханов стоящих на ногах (богатырей) не осталось, ни одного, кого бы, размахнувшись, ударить, — не осталось. Кто бы носом дышать мог, никого (из противников) не осталось; кто бы мог ногой (о землю) опираться — не осталось. Всех уничтожили. В глубине чистой степи девица Сыр Олег с Кёк Картыгом только двое сражаться остались. Чаш Кёк на молодого буланого коня села, в свое стойбище-землю возвратилась.

Аба Кулак подбежал, Кёк Картыгу в сторону стал тащить, чтобы самому драться (с его противником). Между двумя богатырями (он) вступил. Аба Кулак Кёк Картыгу оттащить не мог. Стало уже проходить около трех дней. Аба Кулак сказал: «Ведь, Кёк Картыга друг, я же не

ady pašqazy ebessim, aba qulaq nançyñ, men tärčäm. oñ qoşuñnu poş sala per!» tep, ajtty. any uqqan kök qartyğa ijgi qoşun poş salyna pergen. aba qulaq kök qartyğany čara tartyp, aq čazyğa küredi. syr öleñ qys-pa pozu qarbažybysty. kök qartyğa aq čazyğa odurup, üskür kelip tyn alyndy, syğyr kelip, sağyş alyndy.

aba qulaq-pa syr öleñ qys qarbaşqannañ ala pir četti kün ert-pardy. četti künnüñ pažynda uluğ ağaş użup ertti, uluğ kücün östep aştı. ağaryp kelip aj öldü, kögerip kelip kün öldü. alyp tüşken čerden qyzył čalyn şyqty, tegri qannañ qara čažyn tüştü. qoşluğ puttug čes oma čerineñ urul tüşken šeni pildirdi. qara tuban arazyña qabağyna ter şappan, ijgi qoşya qan čuqpān syr öleñ qys pazyp şyqty. aba qulaqtyñ syny saży synmān, körgen qaragyn nūnmēn, aryğ, tyny şyğyr, öltür. altyn kümüş qujağynyñ suzu po küñü čaryqty ötüre sustap čätča.

ponu körgen kök qartyğa ačygy kelbes pozu ačygy keldi, ajranyna suğ qoşuldu. čügür paryp, syr öleñ-me pozu qarbaža perdi. pýlar ijgele qarbaşqannañ ala aj alyžyp, čyl ertiže pertir.

qarbaşçytqan tušta kök qartyğañ toğus topčunun pir topčuzu aq čazyğa šäčyrap pārbysty. kök qartyğa sürünmes čerden süründü, tajlyqpaš čerden tajlyqty. alypty as tudunup, qara čerdi köp tudundu. qar šeni silgitti, qajyş šeni tolyattı. syr öleñ qys qujun šeni qujburča, salğyn šeni sabyrykča. qanče-le qarbaşa, anče sebirča. kök qartyğa sörtetçytqan tušta qara talaj čajqal-ertti, qara čer tartył-ertti. no puluñ čerde attyñ molat tujyaq tabyžy uçuldu. uluğ salğyn kiriş-turğanda — pýlar ijgele čelge qartyğyr, özere šireniş-turdular.

pýlar qarbaşçytqan čerge qoşazy qannuñ qyr qorady qazala tüştü. qyr qorattıñ üstüne ezer pažynañ-na möžük oñaq mün-salyr. oñaq erbektendi: «eze, kök qartyğa-ba syr öleñ, po šen čajalyñ postaryñ-ma küñü čaryqtyñ qany qajde poš-čatqanar?! myñañ uluğ salğyn poža, salğynya qartyr-pararzar!» oñaq at üstüne odurğanče kök qartyğany čara tartyp, aq čazyğa küredi. syr öleñ qysty ezer pažyna şyğara sörtep alyp, tegri qanğa ködür-şyqty. ajlandyr-kelip, ezer pažyna šabysqanyn — syr öleñ qystıñ aš ortqazyn altı čerden ada şaptır.

kök qartyğa kök poradyna münüp alyp, čeri čurtuma nanmystır. kök qartyğanyñ sydy no puluñ čerge uçul-qaldy. uluğ ačyğyn ačyp, uluğ sydyn sçqtap pardy: «kün kelgende kečigi tuğan keş pala šeni poşban-oq qaldym!» tep.

po oñaq aba qulaqtyñ pažazy poltur. ady şolazyn adatqalaq. oñaq üş aq qannuñ altyn örgē kire pasty. ežik ažyp, ezen perišti, eñmen ködür, menči

чужой! Это я — Аба Кулак, твой друг, (тебя) ташу, правую руку ослабь — отпусти!» [говоря сказал]. То услышав, Көк Картыга обе руки свободно отпустил. Аба Кулак Көк Картыгу оттащил и в белую стену бросил. Сам с девицей Сыр Олен сражаться стал. Көк Картыга, сидя в чистой степи, глубоко вздохнул, душу назад себе взял (в себя пришел), засвистал, разум назад взял (в сознание пришел).

С тех пор как Аба Кулак с девицей Сыр Олен драться стали, семь дней прошло. Через семь дней великое дерево свалилось — великий богатырь со стовом погиб. Побелев, месяц умер, посинев, солнце умерло. С того места, куда упал богатырь, красное пламя поднялось, с хана-неба черная молния спустилась. Казалось, будто медный курган с отрогами и ущельями, разрушаясь-осыпаясь, упал. Из середины черного тумана Сыр Олен девица вышла — на лбу ее пот не проступил, к рукам кровь не прилипла. Стан Аба Кулака не переломился, глаза его не моргнули, (но) чистая душа его ушла, (он) умер. Лучи его золото-серебряного панциря, сквозь этот солнечный мир проходят, сияют — так (он) лежит.

Видя это, Көк Картыга, (никогда) не огорчавшийся, (теперь) огорчился, к огорчению его еще горечи прибавилось. Подбежав, сам с девицей Сыр Олен стал снова сражаться. После того как они двое стали драться, месяц сменялся месяцем, год проходил за годом.

В то время как они боролись, у Көк Картыга из девяти пуговиц одна отскочила и упала, Көк Картыга на месте, где не спотыкаются, — споткнулся, на месте, где не скользят, — поскользнулся. Богатыря (противника) слабо хватал, за черную землю стал много держаться. (Сыр Олен) как мешок его трясла, как ремень его скручивала. Девица Сыр Олен как вихрь мечется, как ветер бушует. Чем больше они борются, тем крепче [жирнее] она становится. В то время, когда она Көк Картыгу по земле волочила, черная земля содрогнулась, черное море всколыхнулось. Далеко в углу этой земли стук стальных копыт коня раздался. Великий ветер ворвался и пронесся. Они двое, подхваченные ветром, друг в друга упираясь, стояли.

К тому месту, где они сражались, серо-коурый конь Колазы Кана примчался. На серо-коуром коне мальчик, чуть-чуть выше луки седла, подехал. Юноша про себя говорил: «Да, Көк Картыга и Сыр Олен, когда вы такими (слабыми) созданы, как могли быть вы ханами в этом солнечном мире! Если бы сильнее был ветер, он вас совсем унес бы!» Юноша, сидя верхом на коне, Көк Картыгу оттащил, в белую стену отбросил. Сыр Олен девицу на луку седла втащил, к хану-небу поднял. Повертел и о край седла ударил. Хребет девицы Сыр Олен в шести местах переломил.

Көк Картыга [верхом] на голубо-серого коня сел и в землю-стойбище свое возвратился. Рыданье Көк Картыга до самого отдаленного угла земли слышалось. Великой жалостью жалея, великим плачем рыдая, он ехал. «Настал день, когда я не стал даже равным по силе вчера рожденному малому ребенку!» [говоря].

surašty. ũš aq qan aq ustaldyñ arǵazynda qažyq taštaš ojnarpčalar. ǵlaq ũš aq qan-ma odurup, qažyq taštaš ojna perdi. ǵlaq ojnarpčat, anañ pilinze, eñni mojnu eliğ qat kiženge, arǵazy mojnu alton qat kiženge kirip partyr.

ũš aq qannyñ oylu qyrǵan qylyš qyryq qatpaš tübüneñ päs-šyqty, ǵlaqty qabalyp, altyn örgeden päs-šyqty. aq talajdyñ ortazyna zapor edip turǵus-saldy. qyrǵan qylyš ajtty: «eze, ǵlaq, adañ čažyna mynañ požan polbassyñ. tura-tura kelzen, aq talajdyñ ortaǵa zapor polup ölerziñ!» tep, altyn örgē päs-kirdi.

qolazy qannyñ qyr qorǵat altyn ezerin ök alyp, kümüş čügenin čer sörtep, aba qulaq čerine nānmysty. qyr qorǵat aba qulaq čerine četkenin — poqaj saryğ öreken altyn maqyš pažynda turup saqtapča. poqaj saryğ öreken surapča: «eze, ady čitken qyr qorǵat, aba qulaqtyñ palazyñ qajdiğ čerge ödür-sāI keldiñ?» — qyr qorǵat at ünü-be kištedi, alyp ünü-be erbektedi. «aba qulaq palazyñ qajdiğ čerge ölzün! ũš aq qannyñ palazyñ qyrǵan qylyštyñ arǵa mekē kirip, aq talajdyñ ortazynda sapor polup tur-qaldy». any uqqan poqaj saryğ ijgi qaraqtyñ čažyn qara torǵu pýlat-pa tōǵra tartyp čozundu. «adañnyñ-oq ačyǵy, enenñiñ-oq qoqqujul! ijgi qannyñ čurtu tek čazyqqa čadyp qaltyr!» tep. poqaj saryğ erbektendi: «purunǵu tušta ölbēs parbas čajalyñ poqtuğ kiriš ačalyğ polǵam. añ čerine pār-kōrēj!» tep. qyr qorǵatqa čapšynyp, qanyqkelip qamčy šapty. poqtuğ kiriš čerine pārbysty.

para-para kelgenin — uluğ kičig aq tajǵañ tözüne četti. uluğ kiciğ aq tajǵa-ba pardy. segizon ašqymnyğ saryğ tajǵañ tözüne četti, anañ segizon ašqymnyğ saryğ tajǵa-ča paryp, sybysqalyğ synǵa šyqty, šlaǵajliğ pelge tüštü. uluğ synnañ körgenin — poqtuğ kiriš čerine čettir. poqtuğ kirištin aq mały aq talajdyñ peltirineñ pažyna šyǵa pertir. poqaj saryğ eniš töbere endire pastyrdy. qū pōrū šeni ulup kirdi. adyn poš taštap, altyn örgē kire pasty. pōrū šeni ulup, ežik ažyp, ezen perdi, eñmen kōdür, menči perdi.

poqtuğ kiriš aq ustaldyñ arǵazynda odurup, aš-pa tabaq čipča. poqaj saryğ örekenni qoldañ qapty, qoltuqtan čölep, altyn ustaI tübüne odurttu. «eze, poqaj saryğ peče, po čer üstünde sen yǵačañ čer par-oq-pa?! noǵa pede qu pōrū šeni ulup keldiñ?» — poqaj saryğ ajtty: «noǵa pede qu pōrū šeni ulup kirēj! čadañ čarylčam, pōden pōlünčam! ijgi qannyñ čurtu tek

Этот приехавший мальчик был сыном Аба Кулака. Имя-прозвище ему еще не было названо. Мальчик во дворец трех великих ханов вошел; дверь открыв, поздоровался; руку подняв, приветствовал. Три Белых хана, сидя за столом, ладыжки бросая, играют. Три Белых хана сказали: «О, мальчик, с нами, севши, ладыжки бросая, не поиграешь ли?» [говоря]. Мальчик с тремя Белыми ханами сел, ладыжки бросая, стал играть. Когда опомнился, плечи (и) шея его в пятидесятислошные пути задвинутыми оказались, спина (и) шея в шестидесятислошные пути попали.

Кырган Кылыш, сын Белых ханов, из глубины сорока комнат выйдя, мальчика схватил и из золотого дворца (вместе с ним) вышел. В середине белого моря закол сделал — (мальчика) перегородкой поставил. Кырган Кылыш сказал: «О, мальчик, во всю твою жизнь ты отсюда освободиться не сможешь! Стоя [и стоя] в середине белого моря заколом — умрешь!» [говоря]. В золотой дворец назад вошел.

Серо-коурый конь Колазы Кана, золотое седло на бок свернув, сеґебрюную узду волоча по земле, в землю Аба Кулака вернулся. Когда до земли Аба Кулака дошел, — Покай Сарыг старуха, стоя на верхушке лестницы, ждет. Покай Сарыг старуха спрашивает: «О, потерявший имя серо-коурый конь, в какой земле ребенка Аба Кулака, дав его убить, оставил?» Серо-коурый конь лошадиным голосом заржал, богатырским голосом стал говорить: «Ребенок Аба Кулака вот в какой земле умер: поддавшись на обман-хитрость Кырган Кылыша, сына Белых ханов, на середине белого моря, превращенным в закол, стоять остался». То услышав, Покай Сарыг слезы из обоих глаз, черным шелковым платком смахнув, вытерла. «Горе отца твоего, несчастье матери твоей! Двух ханов стойбище совершенно заброшенным осталось!» [говоря]. Покай Сарыг сама с собой говорила: «В прежнее время у меня был брат Поктуг Кыриш, сотворенный неумирающим и непогибающим. В его землю я отправляюсь!» — (так) говоря, к серо-коурому коню прильнула и, рассердясь, плетью ударила.

Ехала-ехала — подножья тайги, большой и малой, поехала. Подножья желтой тайги, имеющей семьдесят перевалов, достигла. По желтой тайге с семьюдесятью перевалами проехала, на свистящий хребет поднялась, на гладкую седловину спустилась. Когда смотрела с великого хребта — оказывается, достигла земли Поктуг Кыриша. Белый скот от устья белого моря до его вершин доходит. Покай Сарыг старуха вниз по склону шагом спустилась, завывала как волк и (в землю Поктуг Кыриша) въехала. Коня отпустив, в золотой дворец вошла, завывая по-волчьи. Дверь открыв, поздоровалась, плечо подняв, приветствовала.

Поктуг Кыриш, сидя за белым столом, с питьем еду ест. Покай Сарыг старуху за руки схватил, подмышки поддерживая, за золотой стол усадил. «О, Покай Сарыг сестра, разве на [поверхности] этой земле есть что-нибудь, из-за чего ты бы плакать стала? Почему, завывая, воя как волк, пришла (ко мне)?» Покай Сарыг старуха сказала: «Вот почему я пришла, воя

čazyqqa čadyp qaıdy. ar čayys aba qulaq pałazy uš aq qannyñ čerinde, aq talajdyñ ortazynda sapor polup turča. anañ üčün turužup pir oq šurup ada perčeñ po künü čaryqta pirdä kiži čoyul. sağa synyn keldim — aba qulaq palazynañ üčün pir oq šurup ada pergej-pediñ?»

any uqqan poqtuğ kiriš ajtty: «eze, qara čayys qara purba palañ qajdig čerge parıan?» — poqaj saryğ ajtty: «qara purba pałam qajdig čerge parzyn! aba qulaq qara qajyš qurluğ qan mergenni kōdür šapqanda po čerdiñ soqsu-ğuna šydabān, aryğ tyny šyğyp, ölgen. ödürbeze-dā, aba qulaq ödürgen-oq ošqaš!» — poqtuğ kiriš ajtty: «üš künnüñ pažynda pararym aba qulaq pala-ryn požadaryal»

any uqqan poqaj saryğ öreken ezen menči suražyp, altyn örgeden šyğa pasty. qyr qoradyna münmalyyp, aba qulaq čerine nānmysty. aba qulaq čerine čedip, altyn örgē kire pazyp odurary čöp alyšty, — nō puluñ čerde po tegriniñ üstü-be uluğ kičig qan qyjylyq quš kōglep pārbystylar. uluğ kičig qyjylyq quštuñ ünü altyn šağ-če šabyłca, qola pyryy šeni tartyl-qaıdy.

as polup, kōp tem ertken sōnda qara talaj čajqaldy, qara čer tartyıdy. eski tonnuğ apšijler emge kire čügürdüler, čabał tonnuğ qurtuñaqtar čabyğ altyna kirdiler. uluğ synnyñ qyryna qyr qor at qazala tüštü. qyr qorattyn üstüne aba qulaq pałazy mün-saltyr. eniš töbere endire pastyrdy, altyn örgē kire pasty, ežik ažyp, ezen perdi, pozağa altap, menči perdi. aj sabaq ičezi-be poqaj saryğ öreken ołaqtyn mojnuna azyldylar. «ažyp parıan aba qulaq pałazy ājalan-keldi!» teštiler. «ertip parıan aba qulaq pałazy ēbiril-keldi!» teštiler.

ołaq altyn ustał түбіне ödur, aš-pa tabaq čidi. ołaq ajtty: «üš aq qan-nyñ üren čurttaryn uzuttum, kičig čurttaryn kištettim! taš oçuqtaryn tala-dym, talaj küllerin šaštym!» ołaq ajtty: «eze, iče, ala qōr šarağa aš čaza per! ajağymny kōdürtüp, ady šolamny adadajyn! kiži attyğ polčan, kijik tüktüğ polčan!»

aj sabaq qyryq qatpaš түбіне kirip, alton kiži izip tospas ala qōr sarağa aš tudup šyğyp, ołaqqa perdi. ołaq qabalyyp, aq čazyğa šyğa pasty. ulgen түбün üze qyjyrdy, častyñ түбün čara qyjyrdy. «adym adačan kiži alyma kelzin! adym adabas kiži čağyn paspazyn! adym adap pergen kiži čarny mōzük at mündürēm, čağazy silig kep kezerim!»

apšij kiži kelip, ołaqtyn adyn adapča. «aba qulaq abalyğ-zyñ, aj sabaq eneliğ-ziñ! qołazy qannyñ qyr qoradyn münüp čörerziñ! qyr qorattyn üstüne münčeñ čaš pilek polarzyn! tep, adady. «sen, čaš pilek, čağalyğa tutturba, čağynğa pastyrba. ergektige attyrba, ernilige qoptatpa! čer altynañ

подобно волку! От жизни отрываюсь, от счета отделяюсь! Единственный ребенок Аба Кулака в земле трех Белых ханов, на средине белого моря, сделавшись заколом, стоит. Заступить за него — одну стрелу вынуть и выстрелить — на этом солнечном свете никого не осталось. У тебя искать помощи пришла я! Ради ребенка Аба Кулака, одну стрелу [пулю] вынув, не выстрелишь ли ты?»

Это услышав, Поктуг Кириш сказал: «Единственное дитя твое, Кара Пурба, в какую землю отправилось?» Покай Сарыг старуха сказала: «Мое дитя Кара Пурба вот в какую землю отправилось! Когда Аба Кулак Кан Мергена приподнял и ударил, оно не могло выдержать шума этой земли, чистая душа его ушла — (оно) умерло. Хотя и не убил его Аба Кулак, все равно, что убил!» Поктуг Кириш сказал: «Через три дня поеду я — дитя Аба Кулака освободить!»

То услышав, старуха Покай Сарыг попрощалась и из золотого дворца вышла. На серо-коурого коня [верхом] села и в землю Аба Кулака вернулась. До земли Аба Кулака доехала; лишь только успела в золотой дворец войти, в самом отдаленном углу земли, на верху этого неба великая и малая птицы кыйгылык запели. Голоса птиц, великой и малой, как золотые колокола звенели, как трубы из желтой меди звучали.

Много ли, мало времени после того прошло, — черное море всколыхнулось, черная земля содрогнулась. Одеты в старые шубы старики в дом вошли, одеты в худые шубы старухи под навес вошли. На край великого хребта серо-коурый конь примчался. Верхом на серо-коуrom коне ребенок Аба Кулака едет. Вниз по склону спустился, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; порог переступив, приветствовал. Ай Сабак мать его и старуха Покай Сарыг на шею мальчика бросились и обе вместе говорить стали: «Погибший ребенок Аба Кулака вернулся, потерявшийся ребенок Аба Кулака возвратился!»

Мальчик за стол сел и с питьем еду ел. Мальчик сказал: «Жилое стойбище трех Белых ханов я усыпил, малое стойбище (коней угнал) ржать заставил. Каменные очаги его я изломал, море-золу разбросал». [Мальчик сказал]: «Мать, в пестро-бледной чаше питье приготовь (и мне) дай! Я найду себе имя-название! Человек (обычно) с именем бывает, дикая коза (всегда) бывает с шерстью!»

Ай Сабак в глубину сорока комнат вошла, пестро-бледную чашу, которую шестьдесят человек выпить, опорожнить не в силах, наполнила и, выйдя, сыну подала. Мальчик (чашу) взял и в белую степь вышел. Закричал, разрывая на двое дно вселенной, закричал, расщепляя на части дно преисподней. «Человек, который назовет мое имя-прозвище — пусть подойдет! Человек который не даст мне имени, близко пусть не подходит! Человека, который назовет мне имя, я посажу на рослого коня, с украшенным воротом одежду я на него надену!»

Старик пришел, имя мальчику дал: «Ты будешь имеющий отца Аба Кулака, имеющий мать Ай Сабак! [Под тобою] конь, на котором ты ста-

şyqqan üş qaraqtyġ qara soyan seni ödüre şap parbazyn! künü çaryqtan kelgen toŷus köstüg aŷtyn oq seni ötüre ojlap parbazyn! aŷtyn tana peçen qaj şen çajalyan, sen olöq şeni küştüg poŷarzyn!» tep ajtty. ölaq adyn adadyp aŷyp, aŷtyn örgē pazyp kirip, uzubustu. poqaj saryġ ölaqty, ebire pazyp-çörüp, körça. ölaqtyñ qabyrça tübüneñ qastaŷ-parçañ çeri çöyül. ortqa tübüneñ ojuŷ-parçañ çeri çöyül. suñ moŷat, suñ şojun şen-oq ölaq çajal-partyr.

sāyyn-kelip tañ atqanda, sārŷar-kelip kün şyqqanda — ölaq keril çyzyŷ usqandy. çaş pilek aŷtyn örgeden şyça pazyp körgenin — aŷtyn şarçyn tözünde qyr qor-at turça. aŷtyn ezer syrt çazalyr, kümüş cügen paş çazalyr. qat qujalyñ artynyançoq turça.

čas pilek qadyl pügül qat qujalyñ qatanmysty. aŷtyn örgē kire pazyp, aş-pa tabaq çidi. çaş pilek ajtty: «eze, poqaj saryġ, aj sabaq içe, purunçu tušta parçan aŷtyn tana peçemniñ çoluna üzünçü tölde men kirip körejini!» — poqaj saryġ ajtty: «sen, çaş pilek, po parçan çolunda nān-çatsañ, çaş salçynnyñ tuñmazy çaş köktü aŷyp kelerziñ! çaş kök sen aŷçañ kiziñ poŷar!»

čas pilek tura pazyp, ezen praşaj suražyp, aŷtyn örgeden şyça pazyp, qyr qor-atqa münm-aŷyp, aŷynañ ara pardy. para-para kelgenin — sybysqalyġ synça şyqty, slayajlig, pelge tüştü. uluġ synnañ-körgenin — çaş köktün çerine çettir. çaş köktün maŷy maŷdan aşça, çonu çonnañ aşça. çaş pilek eniş töbere endüre pastyrdy. aŷtyn örgē kirc pasty. ežik ažyp, ezen suraşty, erken aŷtap, mençi suraşty.

čas kök ustaŷ tübünde odurup, ojuġ ojup, pyžyġ pyşça. tikçitqan nebezin çastyq aŷtyna suqtu. çaş pilekti qoldañ qabyp, qoltuqtan çölep, aŷtyn ustaŷ tübüne odurttu. çaş kök surady: «eze, aŷyp tölü, adyñ attañ artyq qyr qor-at poŷtur! qajdiġ qannyñ paŷazy, nō tegen attyġ şolaŷyġ poŷduñ-ne?» — çaş pilek ajtty: «qajdiġ qannyñ paŷazy poŷajyn! aba quŷaq paŷazy çaş pilek poŷarym!» — pŷŷar ijgele amdyçyny purup aŷyp, purunçu edip, erbekteştiler. purunçu purup aŷyp, amdyçy edip, erbekteştiler.

čas pilek tura pasty. «parçytqan çer rāq çer!» tep, ezen praşaj suražyp, aŷtyn örgeden şyqty. qyr qor-adyna münm-aŷyp, aŷynañ ara qamçyŷap pardy. para-para kelgenin — pölgüzü çoq taġ aš-parça; pögüjü çoq suġ keş-parça. çozayy paşqa çon arŷapça, çoruçu paşqa maŷ arŷapça. tüžep, tüş çetpes, sanap, saŷyş çetpes çerge çetti. myndaçy çerde qaraqqa şaşa tynmas

нешь ездить, — серо-коурый конь Колазы Кана. Ездящий на серо-коуром коне Чаш Пилек по имени ты будешь! — [говоря] назвал. Чаш Пилек, ты не позволяй имеющему ворот хватать тебя, не давай наступать на тебя имеющему лопатки, не давай стрелять в тебя имеющему большой палец, не давай клеветать на тебя имеющему губы [рот]. Из земли выходящая черная стрела, имеющая три глаза, тебя пусть не прострелит! От солнечного мира пришедшая девятиглазая золотая пуля тебя пусть не пронизает! Ты будешь сотворен таким же сильным, как [сотворена была] твоя тетка Агтын Тана!» — сказал.

Мальчик после того, как ему имя дали, в золотой дворец вошел и, улегшись, заснул. Покай Сарыг старуха, кругом мальчика обходя, смотрит. У основания ребер [мальчика], где их разделить, нет места, чтобы в хребте его сделать отверстие, — нет места. Как чистая сталь, как сплошной чугун мальчик сотворился.

Когда, сияя, заря загорелась, когда, позолотившись, солнце взошло, мальчик потянулся и проснулся. Чаш Пилек из золотого дворца вышел и взглянул — у основания золотой коновязи серо-коурый конь стоит. Спина его прикрыта золотым седлом, голова его украшена серебряной уздой. Многослойная кольчуга на коне том навьючена [стоит].

Чаш Пилек многослойную кольчугу поверх одежды надел, в золотой дворец вошел, с питьем еду ел. Чаш Пилек сказал: «О, Покай Сарыг старуха и мать моя Ай Сабак! За моей теткой, в давние годы уехавшей, через три поколения по ее пути я попытаюсь последовать!» [Эта] старуха Покай Сарыг сказала: «Когда ты, Чаш Пилек, по дороге, по которой поедешь, назад станешь возвращаться, младшую сестру Чаш Салгына Чаш Кёк привезешь. [Тогда] Чаш Кёк твоей женой будет!»

Чаш Пилек встал и, попрощавшись, из золотого дворца вышел, [верхом] на серо-коурого коня сел, вперед поехал. Ехал, ехал — на свистящий хребт поднялся, на гладкую седловину спустился. Когда с великого хребта посмотрел — оказывается, он земли Чаш Кёк достиг. У Чаш Кёк скот через скот переваливает — так умножается, народ через народ переваливает — так увеличивается. Чаш Пилек вниз по склону спустился, в золотой дворец вошел. Дверь открыв, поздоровался; порог перешагнув, приветствовал.

Чаш Кёк, за золотым столом в глубине сидя, выкраивала-вырезывала. Не вещи, которые шила, под подушку спрятала. Чаш Пилек за руки схватила, подмышки поддерживая, за золотой стол усадила. Чаш Кёк спросила: «О, потомок богатырей, твой конь — лучший из коней! Какого хана дитя, с каким именем-прозвищем ты сам будешь?» Чаш Пилек сказал: «Вот какого хана дитя я буду! Я буду Чаш Пилек, сын Аба Кулака!» Они вдвоем, вынешнее поворотив, за прежнее считая, разговаривали. Прежнее повернув, за нынешнее считая, разговаривали.

Чаш Пилек встал (и сказал) [говоря]: «Мой путь далекий путь!» Попрощавшись, из золотого дворца вышел. На серо-коурого коня сел, ударяя плетью, вперед поехал. Ехал, ехал, неизвестные горы переваливает,

qara tuban tartyl-partyr. qara tuban arazynda us alyp qarbasqanche-tudas qanche, aryg tynnary syyyyp, olturler. altyn tana ijgi alypty qap-saltyr. ijgi alyp altyn tanany qap-saltyrlar.

ponu korgen cas pilek ijgi qaraynana cazyz ustuz tobere qorlatty. «adanyn ayyjy, enenyn qoquju! korzen! korer qajary coq altyn tana pecem ede olcen poltur!» tep, qaraq korbes ulug sytqa kirdi. cas pilek syqta-syqta kelgenin — us kunge cede perdi. «caxalza-da cacsoq caxalyan altyn tana pecem poltur! ijgi alyp-pa us tolge cetre qarbasqan poltur!» us kunun pazynda syqtapcytqan sydyn toqtady. ulug aqastyz ijgi pastaryn pirge raylap alyp, altyn tana pecezini olgen sogun aya sal-salady. qyr qoradyna munup, cери cirtuna nanmysty.

para-para kelgenin — cas kaktun celine cetti. cas kaktun celine cedip, adyn pos tašta, altyn orge kire pasty. cas pilek ajtty: «eze, cas kok, ulug soske ujat coq! tilim quda polzun! tizem kuze polzun! taya corzen, tajayyn polaj! suya corzen, cölegin polaj! idibissen, eziktayz idin polaj! cysqyrbysan, koren polaj! adap šaptap seni alaryz keldim. cas kok, men, cas pilekke paraj-pedin?» — cas kok ajtty: «sen, cas pilekke parbanda qajdig kizige parcan polyam!» tedi.

cas pilek-pe cas kok ijgi pastary qozuldu. cas kok qaryz terig nebeceterin qara qapqa kire tepti. pylar ijgele altyn orgeden syza pazyzyp, attaryna munmaly, cери cirtuna nanmystylar. cas pilekting qyr qorady-ba cas kaktun cas qulady tenep cugur-parcalar. pirsir pirsinez qyjbän parcalar. para-para kelgennerin — cери ebidine kirbencalar, cери toyrayyn tartcalar; sug ebidine kirbencalar, sug toyrayyn tartcalar. ada pasqa cери tastyna qaldy, ada cirtuna ajlandylar; eli pasqa cери tastyna qaldy, ene cirtuna ajlan-kirdiler.

sybysqalyz synza syqtylar, ezer qojnu pelge tustuler. ulug synnan korgenneri — cas pilekting celine cettirier. enis tobere endire pastyrdylar, altyn orge kirdiler. ezik aza, ezen surastylar, eqmen kodur, menči surasty-lar. poqaj saryz-ba aj sabaq cas kaktu qyryq qatpas tubune akorip, cetti talba surunmezın qoza šabyr, azyra talyunlar orduler. cas pilek pir cetti kunge syzara uzun pilbes ulug toj tojlady.

незапоминаемые реки переезжает. Едет между народом с чужим обычаем, едет промеж скота с особой поступью, доехал он до земли, до которой [во сне] даже сонная греза не достигает, [в раздумье] мысль не доходит. В здешней земле такой черный туман простерся — глазом не проникнуть. В середине тумана три богатыря, борясь-сражаясь, умерли, чистые души у них ушли. Алтын Тана двух богатырей держала. Два богатыря Алтын Тану держали.

Это увидев, Чаш Пилек из обеих глаз слезы вниз по колену пролил. «Горе отца твоего, печаль матери твоей! Смотри! Моя тетка Алтын Тана, за которую некому было заступиться, вот как должна была умереть!» [говоря]. В такой великий плач вошел, что глаза видеть перестали. Чаш Пилек рыдал-рыдал, три дня проходить стали. «Все же хорошо сотворена была моя тетка Алтын Тана, — с двумя богатырями в течение трех поколений боролась!» (сказал). Через три дня рыдающий плач он прервал. Две вершины великих деревьев вместе связал, умершие кости тетки Алтын Тана (там) положил. На серо-коурого коня верхом сел, в землю-стойбище свое возвращался.

Ехал-ехал, в землю Чаш Кюок доехал. Земли Чаш Кюок достигнув, коня отпустил, в золотой дворец вошел. Чаш Пилек сказал: «О, Чаш Кюок, в великом слове — стыда нет, язык мой сватом пусть будет, колено мое зятем пусть будет! Если на гору пойдешь, твоим посохом буду я! Если в воду пойдешь, твоей опорой буду я! Если вытолкнешь, у двери собакой я стану! Если выбросишь, ожогом да буду я! Хвала-прославляя, я пришел взять тебя (в жены). Пойдешь ли ты, Чаш Кюок, за меня, Чаш Пилека?» Чаш Кюок сказала: «Когда за тебя, Чаш Пилек, не пойду, — за какого же человека мне и выходить!» [сказала].

Чаш Пилек и Чаш Кюок две головы соединили. Чаш Кюок нужные и ненужные вещи в черный мешок закинула. Они двое из золотого дворца вышли, на коней своих сели, в землю-стойбище свою вернулись. С серо-коурым конем Чаш Пилека молодой буланый конь Чаш Кюок вровень бегут, ни один вперед не забегает, ни один не отстает. Ехали-ехали, по окраинам земли не едут — не кружат, поперек земли едут, по извилинам реки не едут, а поперек — напрямик едут. Совершенно чужая земля за гранью — вне их — осталась, в отцовское стойбище вернулись; чужого народа земля позади их осталась, в материнское стойбище свернув, въехали.

На свистящий хребет поднялись, в долину, подобную пазухе седла, спустились. С великого хребта смотрят: в землю Чаш Пилека приехали. Вниз по склону спустились. В золотой дворец вошли. Дверь открыв, поздоровались; плечо подняв, приветствовали. Старуха Покай Сарыг и мать Ай Сабак Чаш Кюок в глубину сорока комнат увели, семь разветлений кос расплели, в две косы заплели. Чаш Пилек семь дней нескончаемую свадьбу справлял.

После того как великий пир окончился, Чаш Пилек и Чаш Кюок из золотого дворца вместе вышли, кругом великого стойбища трехрядный

uluḡ tojlary ertken sonda čaš pilek-pe čaš kōk altyn örgeden byra pazyžyp, uluḡ čurttu uš ebire at ašpas tebir šeden püdürdüler; albaḡy čonnu alty ebire alyp ašpas tebir šeden püdürdüler. emnik tajya ezer salyp, ełdin čerin ebirbeske — teštiler. altyn sarčyn tözündäyy turčutqan ijgi attyn toḡus qolaḡ nandyryp, altyn ezerlerin alyp ałdy. taḡ šeni ügdüler. ijgi attyn saḡry-sajlaryn sijbap kelip, požattylar «saryḡ kölden suḡ izar, sübür taḡdan ot ottalar!» tep.

čaš pilek-pe čaš kōk qyryq qatpaš tübüne kirip, üstülerine kesken altyn kümüş qujaqtaryn šurup, ispeškege astylar. qara šojun sapōkterin šurup, šojun sunduqqa suqtular. čel qaḡpasqa syqsyndylar; tan šappasqa pekten-diler. pııardyn čerge, qynap kelip, šaḡ kirbedi, qyjyır-kelip, er kirbedi. tört tujunnuḡ at čügür-kirbedi, tuḡy müstig er kirbedi. qannaḡ uluḡ qan poıdular, peḡden uluḡ peḡ poıdular. ešten-kelip, pajlap čattylar.

mēn alybym anda čada qaldy,
men teze pere nān-keldim.
uzun tep kelip, uzartpadym;
qysqa tep kelip, qysqartpadym
uqqan körgen šenim poıdu.
po qannuḡ qastayyn čyudym,
aq qozanča čüktedim.
aq qozanča čük-tartyp,
aq čazyča požattym.
odurup uqqan kižilerge
tūjuq ülüš četsin!
čadyp uqqan kižilerge
čardyq ülüš četsin!

железный забор, через который конь не перевалит, построили. Вокруг родданного народа шестирядный железный забор, через который богатырь не перейдет, построили. На необъезженных коней седла положивши, кругом чужой земли (больше) не ездить друг с другом уговаривались. С двух коней, стоящих у [основания] золотой коновязи, распустив девять подпруг, золотые седла сняли; как гору их сложили. По спинам двух коней погладили и их отпустили, сказавши: «Пейте воду из желтого озера, кормитесь травой с горы Сюбюр!»

Чаш Пилек и Чаш Кōкк внутрь сорока комнат вошли, надетые поверх их одежды золото-серебряные панцыри на вешалку повесили. Из черного чугуна сапоги сняли, в чугунный сундук положили. Чтобы ветер не дул, застелились, чтобы холод не проник, загородились. В их землю, притесняя-разоряя, война не входила; крича, богатырь не въезжал. С четырьмя копытами конь не прибегал, с непомерной силой богатырь не входил. Сильнее всех ханов ханами были, из всех начальников самыми великими начальниками были. В покое, богатея, жили.

Мой богатырь там [жить] остался.
Я же сюда вернулся.
Длинное говоря, не удлинял,
Короткое говоря, не укорачивал,
Сколько видел и слышал, столько и есть.
Хана счастье-удачу собрал,
На белого зайца навьючил.
На белого зайца навьючив,
В белую степь выпустил.
Слушавшим сидя людям
Целая доля пусть достанется!
Лежа слушавшим людям
Полдоли пусть достанется!

III. nybaq

15

çayys ol

purun purur pölytyr; pir çayysla ol poltyr. qarala çayysqan çurtab-ödyrtyr. aya deze üş kiži balyq aqnap çörçätyrlär. palyq aqnap çörüp, üş kəzi pirlə şortan ödürtürler. pajegi üş kiži pajegi aqnap-alğan şortannaryn çayys olğa sadary aпарыannar. pajegi şortanny çayysla qojğa ornaşqannar. ol çayys ol, ornaşcat, ajtqan: «çayysla tört azaqtıy mälymny qajdedip per-salajyn!» anañ çayys ol arä päre päş-çörüp, ajtqan: «ornašta perëin!» tep.

anañ pajegi suñ qažyndağy palyqqa tebe pirge engenner. anañ enip, pajegi palyqty qapqa suğub-al aşıqqan. anañ pajegi qap-pa aşıqçy an palyq qapty tala şap, çerge tüş-parğan. anañ qapty tala şap çerge tüşken palyqty qadoq taş-pəla ödərə şap-şap, pazoq suğub-alğan. ğinçizin pazoq tala şap tüş-parğanda — pazoq taş-pyla şap, suğub-alğan, anañ pazoq üzünçizin öbünge çettir-para-çör, pazoq, qaby n tala şäptyr, tüzürbisken. anañ pazoq törtünçizin tala şap tüş-parğanda — any aşıqpān, talajğa ālenip, taštabyşqan. taštabyşqan sonda öbinge şyğyp, qona-bergen.

qon-şyqtöq, erten erte aya pər kiži kire salğan. pajegi kire salğan kəzi ol çayys olğa ajtqan: «tek tābyraq, seni suñ ezi ałdyrtypca!» anañ çayys olğa ajtqan: «suñ qažynğa eneñ!» çayys ol ajtqan: «çē, parañ!» anañ çayys ol ajtqan (qažynğa enip): «men pō sūğa çayysqan qajdedip kirem?» tēn. anañ pajegi çayys olğa şyqqan kəzi ajtqan: «mağa çüktenib-al!» tēn. anañ ol çayys ol dy çükteb-alb, sūğa kire ātybsqan.

sūğa kire ātybsqanda — ol çayys olğa sū-dā çuqpān qalğan. anañ āğy teze pōq künniñ çaryğy oşqaş çer-çe paryb-odyğannar.

anañ ol paryb-odurçätqanda — çayys olğa şyqqan kəzi ajtqan: «suñ ezənin oğly sūğa çörege şyğyp, palyq annap çörçy an kižilerdin çoguç-

III. СКАЗКА

15

Одинокий парень

Давным давно это было. Одинокий парень был. Совсем одиноко жил. Там же три человека рыбу ловили. Рыбача, три человека одну только щуку поймали. Давешние три человека [давешнюю] пойманную щуку Одинокому парню продавать понесли. Давешнюю щуку (они) на единственную (его) овцу меняли. Тот Одинокий парень, меняя, говорил: «Единственную четырехногую скотину мою как отдам я!» Потом Одинокий парень, взад-вперед похаживая, говорил: «Меняя, отдам-ка я, пожалуй!»

Потом [по направлению] к давешней рыбе, находившейся на берегу реки, [вместе] они спускались. [Потом] парень (к берегу) спустясь, давешнюю рыбу в мешок засунув, (ее) в гору понес. Потом давешняя рыба, в мешке на гору поднимаемая, мешок прорвала и на землю упала. [Потом] рыбу, разорвавшую мешок и упавшую на землю, (он) [опять] камнем ударяя-ударяя, снова (в мешок) засунул. Когда рыба, вторично разорвав (мешок), упала, он опять камнем ее ударил и (в мешок) засунул. Потом снова в третий раз, когда (он) почти дошел и донес рыбу уже до дома, опять рыба прорвала мешок, и он ее уронил. [Потом] когда в четвертый раз (она), опять прорвав (мешок), упала, он (ее) не потащил в гору, а принес к морю и (туда) бросил. После того, как он бросил рыбу, он домой пришел [поднялся] и ночевать стал.

Только он переночевал, утром рано к нему один человек зашел. [Давешний] вошедший человек тому Одинокому парню сказал: «Скорее-скорее! Тебя хозяин воды требует!» [Потом] Одинокому парню сказал: «К берегу воды, давай-ка, спустимся!» Одинокий парень отвечал: «Хорошо, пойдем». Потом Одинокий парень, спустившись (к берегу), говорил: «В эту воду я каким образом один войду?» [говорил.] Потом, поднявшийся к Одинокому парню, давешний человек говорил: «Вьючься ко-мне на спину!» [говорил.] Потом, посадив того Одинокого парня себе на плечи, в воду бросился. Когда он в воду прыгнул, тот Одинокий парень даже не вымок. Дальше, [если говорить] — они шли по земле, подобной (этому) солнечному миру.

[Потом.] когда они шли, человек, поднявшийся к Одинокому парню, ему говорил: «Когда сын хозяина воды по воде плавал, он в сети ловящих

qār-paryp, aqqa şyğara tartyrtyp alyan. suñ ezonıñ oylunıñ tynyn sen aı-qalyanzyñ; sağa çaqşy alynyp, suñ ezi anañ seni aıdyrtypça».

suñ eziniñ çatçıyan çerine çetken sonda po çayys oıdy üdare qar, saılym ortazynğa odyrtyp, ebare tavarlar üp sala-berip, suñ ezi ajtqan: «nony ałarzyn? men sağa kölengen-ne nebeñni pererim. pöny ałarzyn-ma?» tēn. çayys oı: «albassym!» ten. oı tavydy çybəza-berip, oıoq şen qat aqça üp saıyan. çayys oıdan surān: «pö aqçany ałarzyn-ma?» «albassym-oı!» tēgen.

anañ oı aqçany çybyzoq pergende — çayys oı ajtqan: «pö ömñiñ iştindegi çabaı tüktüñ adajayynny perzen, any ałarym!» tēn. suñ ezi ära körüp ylyān, perı körüp külgēn. «oı adajayymny aı!» ten. pöny pajegi çayys oıdy älingen kəzi ürgetken: «paza nebe albān, oı-lā adajaqty ałarzyn!» ten. oı suñ ezi pajegi adajagyn pözənyñ qoıy-ba tudup pergen. «mā» tep, ajdyp, pergen. oı suñ ezi çayys oığa adajaq ede sijlap pergen.

oı suñ ezonıñ oıly, şortan pölyp çörcat, tutturb-alyr, pažyn taş-pa şaptyr-salyr, am kebege üstünde çatçıyan. pažynğa aq pylat tartynyp çatçıyan.

anañ sijlap-alyr, çayys oıdyñ çurtynğa aşıqtyrарға çayys oıdoq äkelgen kižini aıdyrtyp-alyr, ajtqan: «çayys oıdyñ çurtynğa edoq süğa çuqtyrbān aşıq-saı!» ten. adajaq-pəla qarçyra aşıq-saıyan.

am çayys oı öbinge iirde tabaq edip, çib-alyr, anañ pözoq eigen çiş-çölep tabaq edip-alyr, adajayyn äzərap qondyrған. erten qön-şyğyp, çüzü, qoıyn çunub-alyr, anañ öbüniñ iştindegi nebenin körgeni — ajaq qazyğy altyn-ma kümüş pöl-partyrlar. iğinçi kününde pazoq tabaq et çib-alyr, pözy qajde et çin, edoq edib-alyr adajayyn äzyrān.

ijgi qonyqty uzurda — adajayyn azayynıñ çanğa uzutqan. erten turkelze, öbəniñ iştindegi qançe-le tudun-qābynçen nebeleri, parçazy altyn-məla kümüş-pe syrıal-parçannar.

üşünçi kününin tañ alynda adajayyn qojynynğa suşunup uzuğan. çayys oı usçadyp, anañ uqsa — kebegezəniñ iştinde ot täzyrap köjçitqan. usqan-kelip, tüjuqan çabynyan tonyn ažyp, anañ körze, kebegeziniñ alynda pər şäzy qoıa oşqāş abaqaq turçıyan. anañ-na çayys oı tura sərkip, oı abaqaqdy qarqan. pajegi qys ajtqan: «ekkej, tēn, noğa meni şayam tuttyñ? am erten qoçajyn oıly poğa kirer!»

erten pajegi qystyñ ajtqany-bəla qoçajyn oıly kire saıyan. qoçajyn oıly kir-kelgeni — çayys oıdyñ öbəniñ iştindegi nebeleri parçazy altyn-məla kümüş-pe syrıal-parçannar. qoçajyn oıly tjuqana şyğyb-alyr, öbünge nānybsqan. öbinge kirele, abazynğa ajtqan: «sen, aba, tēn, po çayys oı

ыбу людей попал и на берег вытасчен был. Ты душу сына хозяина воды спас. Будучи тобою доволен, хозяин воды поэтому тебя требует».

После того как они достигли земли, обитаемой хозяином воды, им давстречу выйдя, хозяин воды [этого] Одинокого парня взял и посредине поля усадил. Кругом товар разложил. Хозяин воды говорил: «Что возьмешь? Я любую вещь, какая тебе понравится, дам! Это возьмешь ли?» [говорил]. Одинокий парень «не возьму!» отвечал. [Тот] товар собрав, хозяин столько же бумажных денег выложил. Хозяин воды Одинокого парня спрашивал: «Эти деньги возьмешь ли ты?» «Тоже не возьму!» — отвечал.

Потом, когда (хозяин) деньги также убрал, Одинокий парень сказал: «Если ты дашь твою собачонку с худой шерстью, находящуюся внутри этого дома, ее я возьму!» [говорил]. Хозяин воды, туда взглянув, плакал, сюда смотря, смеялся. «Ты мою собачонку возьми!» — говорил. Этому учил давешний человек, который спустил Одинокого парня к берегу воды: «Ничего не бери, ту только собачонку возьми!» — говорил. [Тот] хозяин воды [давешнюю] собачонку [его], в своих руках держа, дал. «Возьми!» сказавши, дал. Так [тот] хозяин воды (Одинокому парню) собачонку подарил.

Когда сын хозяина воды, будучи шукой, плавал, он был пойман в голова его камнем побита. Теперь (он) на [верху] печи лежал. С повязанным на голове белым платком лежал.

Потом (хозяин воды) Одинокого парня угостил; чтобы Одинокого парня в стойбище отвести, того же человека, который Одинокого парня привел, он позвал и ему сказал: «В стойбище Одинокого парня так же, чтобы вода его не вымочила, отведи!» [говорил]. [Тот] вместе с ним и с собачонкой (его) поднялся на гору.

[Теперь] Одинокий парень вечером дома пищу приготовил, поел. Потом такую же пищу, какую сам ел, собачонке приготовил, накормил и спать (ее) уложил. Переночевав, утром лицо, руки вымыл. Когда потом на вещи, находящиеся внутри дома, взглянул — (увидел, что) чашки и ложки его превратились в золото и серебро. На второй день он опять пищу приготовил, поел и, как сам себе пищу готовил, также приготовив, собачонку кормил.

Когда вторую ночь собирался ночевать, собачонку уложил спать в ногах. Когда утром встал, сколько ни было в юрте утвари — вся она золотом и серебром украсилась.

На третий день перед зарей собачонку за пазуху засунул и (так) спал. Просыпаясь, Одинокий парень услышал, что внутри печи огонь, потрескивая, горит. Проснувшись, тихонько шубу, которой он покрывался, открыл, видит: перед печью красавица с волосами, как медь, стоит. Одинокий парень сразу же вскочил и ту красавицу схватил. Давешняя девица сказала: «Экой ты, [говорила] зачем меня сейчас схватил? Теперь завтра сын хозяина сюда придет».

Утром, как и говорила давешняя девица, сын хозяина пришел. Когда сын хозяина вошел, вещи, находящиеся в юрте Одинокого парня, все золотом-серебром украшены были. Сын хозяина (из юрты) потихоньку

alğan qysty mağa alyp perbezen, aba çannañ sen şyq, ol çannañ men şyrajyn!» ten. qoçajyn oğlynyça ajtqan: «enip, çayys ol-bela çazyruşyr ojnağyñ!» ten.

anañ qoçajyn oğly enip, çayys ol-ya ajtqan: «çayys ol, çazyruşyr meren sałyžan!» çayys ol ajtqan: «çazyñarça qññyğan közi, sen çazyznan!»

qoçajyn oğly çazyñarça pərbysqan. çayys ol öbüngöq odyrcyğan. pajegi qys ajtqan: «paryp çök talebənçeñ?» ten. çayys ol ajtqan: «qaja-qaja çazyndy, qajdan tabarya!» ten. anañ pajegi qys ajtqan: «po suñ qaştap paryb odyznan, uluñ şulan poñar; ol şulannyñ iştinçe kərip pararzyn, ten, şulannyñ iştinde üşäle-le quçalar çäçyğan poñar» anañ pajegi qys ajtqan: «quçalardyñ arazyña kərip cörziñ, parçalary turğyñap seni azyn-çelep sürerler. ol quçalardyñ arazynda üş äzəra tabyraña ösken müstün quça poñar, ten, ol quçanyñ müzəneñ ajaban tudarzyn, ten. anañ ol quçanyñ müzəneñ tudub alyp kestin zary toğarzyn. anañ qoçajynnyñ oğly „ebej, mołtyryym-ej!“ tər».

anañ çayys ol öbənəñ şyyp, suñ qazyña enip, ol şulanyça kirgen. şulanyça kərip, ol quçanyñ müstəñ tudub alyp toğady. anañ çayys ol çügürük-pələ öbüngə kelgen. kelip kirele, tura pergen.

pajegoq qys ajtqan: «çök çazyñmançañ?» ten. «qaja çazyrajyn?» ten. pajegi qys şazyñ taranyp odyryanda — qoçajyn kır-kele-çürde, erin tarğaq ədip, taran ödyra-bergen.

am qoçajyn oğly kirele, ustolğa ödyr-salyp, knigezin aza taştap, qyryan. çerge ösken ottyn tabyry qalbān-oq qyryb odyryan, suñ saju qalbān-oq qyryb odyryan. suñ palyyy qalbān oq qyryb odyryan. tegriniñ çylyzy qalbān oq qyryb odyryan. qoçajyn oğly qyr-qyryp, çayys ol dy tappan salyan. pajegi qys tarğayyn çimçaq çerge salbysqan. salbysqanda — çayys ol «mynda-byñ!» tep, tura tüş-kelgen.

am pajegi qoçajyn oğly ikinçizin çazyñarça pərbysqan. anañ qys ajtqan «çök paryp talebənçeñ? qoçajyn oğly tärñädäyr!» ten. çayys ol: «qajdan təlep tabajyn!» ten. qys ajtqan: «pö çalañ-zarä şyğarzyn. şyğyb odyznan, tazynnar cörçyğan poñar. ol tazynnarça orta şyyp odyrarzyn. şyğyb odyznan, tazynnar seni körb alyp oqtaña-öqtaña sürerler. ten. sen aya qoryqpañ, şyğyb odyr! seni çedib alyp ajlandəra turup abyñap pararlar; ajlandyğa turup, öqtañarlar, aya-dä qoryqpa! ten. qoryqpazañ, seni süspester. anda pər tirinsoq poñda tazyn poñar. ol tazynnyñ müzü sandige öze-bergen poñar. ten. ol tazynnyñ müzəneñ ajaban tudyb alyp kestin- zary toğarzyn — ten. qoçajyn oğly — ebej-ol mojnym-ej! — tep ajdar».

ашел и домой вернулся. Лишь только (он) в дом вошел, отцу своему сказал: Ты отец [говорил], если взятую этим Одиноким парнем девуцу [взяв] мне не отдашь, из отцов моих выходи, из сыновей — выйду я!» [говорил]. Хозяин сыну [его] отвечал: «Спустиась (по склону), с Одиноким парнем в прятки играйте!» [говорил].

[Потом] сын хозяина [спустясь] пришел и Одинокому парню сказал: «Одинокий парень, давай [на заклад] в прятки играть!» [говорил]. Одинокий парень отвечал: «Ты — желающий играть в прятки человек, — ты и прячься!»

Сын хозяина прятаться отправился. Одинокий парень в юрте своей продолжал сидеть. Давешняя девушка говорила: «Почему ты не идешь искать?» [говорила]. Одинокий парень отвечал: «Куда, куда спрятался он, где его найти?» [говорил]. Потом давешняя девушка сказала: «Если ты пойдешь по берегу реки, большой загон для скота (там) будет: внутрь того двора ты войдешь [говорила]. Внутри двора только три барана будут лежать». Потом давешняя девушка говорила: «Если [войдя] промеж баранов ты будешь ходить, все они один за другим встанут и за тобой, подобно медведям, будут гнаться. Среди тех баранов — баран с раздвоенными, закрученными рогами будет [говорила]. Того барана за рога ты крепко держи [говорила]. Потом, когда ты того барана возьмешь за рога и в обратную сторону будешь крутить — сын хозяина: „Больно, ой моя шея!“ скажет».

[Потом] Одинокий парень, из дома выйдя, на берег реки спустился и в тот загон вошел. Войдя в загон, он того барана за рога схватил и закрутил. Потом Одинокий парень домой [бегом] прибежал. Лишь только стала в юрту вошел, встал там и стоял.

Давешняя девушка сказала: «Почему ты не прячешься?» [говорила]. «Куда спрячусь я?» — отвечал. Давешняя девушка сидела и расчесывала волосы; когда сын хозяина входил, (она) обратив мужа [ее] в гребень, причесывалась.

[Теперь] сын хозяина лишь только вошел, сразу же за стол уселся и, раскрыв книгу, читать стал. Корня травы, на этой земле выросшей, и то не осталось — (обо всем) читал; в воде гальки и то не осталось, (обо всем) читал, в воде рыбы и то не осталось, (обо всем) читал, на небе звезды и то не осталось — все вычитал. Сын хозяина книгу прочитал, а Одинокого парня найти не смог. Давешняя девушка осторожно на землю гребень [ее] положила. Когда она гребень положила, Одинокий парень: «Я здесь!» — сказавши, вскочил.

Теперь давешний сын хозяина отправился вторично прятаться. Потом девушка сказала: «Почему ты не идешь и не ищешь? Сын хозяина сердится» [говорила]. Одинокий парень: «Где я его найду?» — отвечал. Девушка сказала: «В направлении этой степи ты пойдешь. Когда (ты туда) выйдешь, там будут ходить быки. Ты направившись прямо к этим быкам. Если ты поднимешься к ним, те быки, тебя завидя, будут с ревом за тобою гнаться. Ты не бойся их и продолжай идти! [говорила]. (Они) догнав (тебя), нападут на тебя; окружив (тебя), будут реветь, и тогда (ты их) не бойся! [говорила]. Если

anañ çayys ol çalaŋğa şyyp, qystyñ ajtqany-bəla edip, öbinge kelgen. öbinge kir-kelze, qaty öik tigib ödyryyan. kirdoq, qaty — çazyn! — tep ajtqan. çayys ol: «qajağa çazynajyn!» tən. anañ qoçajyn oğly kir kelgende — erin qurcu et, öik tigib ödyryyan.

anañ qoçajyn oğly kir-kelip, knigezin azoq taştap, qyryb ödura-bergen. pö çer üstyndeги qançe-le ösken ayaştyn sänyn sänap, qyryb ödyryyan, suñ iştinde qançe-le tüp ösken paşyqtyn adyn adap qyryp ödyryyan. taj-yañ iştinde qançe-le tüb-ösken añ-quštardyn adyn adap qyryp, çayys öldy tappan-oq saşyan. tegriniñ qojnyndaqy parý-çoq çylyzyn parçen ajdyr qyryp ödyryp, tappan-oq saşyan. qyra-qyra kelgende — saşyñya paza nebe kirben saşyan. anañ täp polbän -oq saşyp, «tura tüş!» tegen. ol öde ajtqanda — çayys öldyn qaty pajegi erin qurcu edip tigib ödyryyan qurçuny tüjuqan ed-oq, pildirben saşybysqanda — çayys ol «mynda-bym!» tep, tura tüşken.

pajegi qoçajyn oğly çazynarçyq pärəbysqan. pajeyoq çys ajtqan: «paryp öök tilebençen?» tep. öde ajtqanda — «qaja-qaja paryp kir paryan kižini qajdañ tabarym!» tep ajtqan. çys ajtqan: «po taşajdy qazynçe parýb ödyr. parəb ödyrzañ, çön taş arazy polar. anañ taş arazyñ ertip parýb ödyrzañ, qybyr saj polar! ten. qybyr sajdyñ arazynda paşqa paşqa quştar polar. ol quštardy aralap çörəb ödyrzañ, pir çalabanyñ quş polar. ol quştyn paşynañ tudyb aşyp, mojnynañ tudyb aşyp, ajaban toşarzyn. anañ — ebej-ol! — tep ajdar».

çayys ol pärbysqan. qoçajyn oğly täb aşyp, öbinge çügərekpöq kelgen. anañ kirdoq, pajegi çys ajtqan: «çök çazynmāncāñ?» tep. «qajağa çazynajyn!» tep ajtqan. ol çys çayys öldy inge edip, tavar tigib ödyryyan.

qoçajyn oğly kelip kirele, knigezin ustolğa ojdoq taştap, qyryb ödyryyan. qyra-qyra, po çerdiñ üstinge çajalaşyan tynylardyn ady şolazyn adap qyryb ödyryyan. po çerdiñ üstinge ar pütken nebni qyryp tappan-oq saşyan. anañ tappan saşyp, «tura tüş!» tep ajtqan. çayys öldyn qaty ingezin tjuq-qan pol arazyñya tüşurbiskende — çayys ol: «mynda-bym!» tep, tura tüş kelgen.

am qoçajyn oğly öbinge nān-şyq-pardy. anañ öbinge şyqqanda — abazy surady: «qajdyñ merej saşyştar?» tep surady. anañ ol qoçajyn oğly ajtqan: «qattañ üs qadap qyryp, üş qada çazynyanyn tappan saşydym. çayys ol üş qadap çazynyamny üşəlezi-bile täb aş ödyrdy. anañ qoçajyn oğlyñya ajtqan».

«Ты будешь бояться, они тебя не будут бодать. Там один огромный бык будет. У того быка рога стоймя выросшими будут [говорила]. Схватив того быка крепко за рога, ты крути их в обратную сторону [говорила]. Сын хозяйина: „Ой больно, ой моя шея“ [говоря] скажет!» — говорила.

Потом Одинокий парень в степь вышел, по-сказанному девицей сделал [и] домой пришел. Когда (он) в дом вошел, жена его сидела там и шила. Когда он входил: «Прячься!» — жена его [говоря] сказала. Одинокий парень: «Куда я спрячусь?» — сказал. [Потом] когда сын хозяйина собирался войти (в дом), девица, превратив мужа в наперсток, продолжала так сидеть и шить.

[Потом] сын хозяйина опять пришел, книгу открыл и стал читать. Сколько ни было на поверхности этой земли выросших деревьев, все пересчитав, читал. Сколько ни было в глубине воды родившихся и выросших рыб, называя всех по имени, читал. Сколько ни было в тайге зверей и птиц, называя всех по имени, читал. Но Одинокого парня опять не нашел. Каких только ни было в пазухе неба звезд, всех их переименовав, читал — опять [Одинокого парня] не нашел. Когда так читал-читал, на ум ему больше ничего не приходило. [Потом] когда найти не мог, сказал: «Появись!» Когда он так сказал, жена Одинокого парня, которая мужа своего в [ее] наперсток превратила и тут сидела и шила, наперсток незаметно опять положила. Одинокий парень: «Здесь я!» — говоря, вскочил.

Давешний сын хозяйина опять прятаться отправился. Давешняя же девица мужа спросила: «Ты почему не идешь и не ищешь?» [говоря]. Когда так сказала — «Неизвестно куда отправившегося и спрятавшегося человека где найду?» [говоря] ответил. Девица сказала: «Иди берегом этого моря. Когда пойдешь, (там) крупные камни будут. Потом, когда пройдешь эти камни, совсем мелкая галька будет [говорила]. Среди мелкой гальки различные птицы будут. Если будешь промеж этих птиц ходить, (там) одна имеющая гребень птица будет. Ту птицу за голову схвати и, держа за шею, сильно ее покрути. Потом: „ой больно!“ [говоря] (она) скажет».

Одинокий парень пошел. Найдя сына хозяйина (обратившегося птицей), домой опять прибежал. Когда [потом опять] он вошел, — давешняя девица сказала: «Почему ты не прячешься?» [говоря]. — «Куда я спрячусь?» [говоря], сказала. Девица, превратив Одинокого парня в иглу, [товар] продолжала шить.

Сын хозяйина [придя], лишь только вошел, книгу на стол, раскрывая, бросил [и] стал читать. Читал-читал: имена-прозвища живых существ, на поверхности этой земли создавшихся, всех называя, читал. Обо всем созданном на этой земле прочитав, опять Одинокого парня не нашел. [Потом] его не найдя: «Появись!» — [говоря] сказал. Когда жена Одинокого парня иглу тихонько на пол опустила, Одинокий парень сказавши: «Я здесь!» — встал.

Теперь сын хозяйина обратно (домой) отправился. [Потом] когда он домой пришел, отец его спросил: «Об какой заклад бился?» [говоря, спросил]. [Потом] сын того хозяйина ответил: «Трижды (он прятался и) я, вычи-

«sen tañda enip, çayys olğa ajt. — mýnañ äry nō-nō çerge altyn ustañ tap tep ajdyłcar. ol altyn ustañdy çayys ol pōzy ady-ba paryp tēlep tapsyn. äyyä-berze, pō qysty çayys oltoq alyp qonar.» — tēn.

anañ qoçajyn oğly erteninde enip, çayys olğa çōqtap perdi. «mýnañ äry no-no çerde altyn ustañ tep ajdyłcar. ten. any paryp tēlep tap, äyyä perzen, qysty senoq ał qonarzyn!» tep ajtqan. anañ ol çayys ol ajtqan: «ol altyn ustañdy saça qajdañ tēp pererim!» anañ ol qoçajyn oğly ede ajt-salyp, şyyb-alyp nānybysqan.

çayys olдың qaty çōqtap perdi. «men saça azyq ištep perejin!» tedi. ol aça azyq ištep perdi. eñne pararda adyn ezerlep parçen nebezin matpasqa alynyb-aldy. eñne pararda pər knigeček pāzyp, eringe perdi. pazoq türgek çibiček perdi. «pō türgek çibiček sēñ alyñ-była tōğalanyb-odyrar, sen äñ sōnañ taštābān sürüb-odyrarzyn. ol çibiček qajaça paryp toqtaza, sen açoq qonyb-ald-odyr».

ertendā künde adyn ezerlep minib-aldı, ol çibiček pōzy çayys olдың aly-ba edoq tōğalanyb-odyrdy. ikinçi künde pazoq paryp, pazoq çip türgegi at ałdynañ tōğalanyb-oduryan. irge çētäre paryan. ēn çerge qonyan.

üzinçi künde pazoq paryb-odyryan, çip türgegi aly-boq tōğalanyb-odyryan. anañ paryb-odyrza, qōnar temge çetkende — pir uluñ öm turatqan, ol ömnüñ közənegineñ pər abaqaj qys körüngen. ol çibiček aça paryp, ol ömge toqtap paryan.

çayys ol attañ tüzüp, adyn paıyap saıyp, aça kirgen. kirgeni — öm ištinde üş qys çörütqannar. ol qystardañ surān: «maça slerde qonyb-alarğa çararba?» tep surān. qystar: «qon, qon» tenner.

erten anda qōn-şyyyp, tañ çarynda çüzü, qolyn çunyp çatsa, aça pı tirişoq qulaqtary keçimner-çilaboq saıbaqtan öreken kiži kirgen. añ ady svendej qurt'jaq poıyan. «çayys olдың tabyraq çirgeçem» tep ajdunyan. «pō tūstyñ et qajdañ kele berdi?» tep ajtqan.

çayys ol ānə-ła körəb-alyp, uşub-alyp, qōgyybysqan. sebindegi qatı pās pergen knigeçegin septen alyb-alyp, qyrçyanda — «paj-paj, tēn, bō küzeçegim qajdañ keldiñ?» ede ajdyp, çayys olдың qoıanañ çedinib-alyp, pōzanyñ öbinge appārbysqan. anañ any sijlap qondyryan. türgek çibiçegi bile çayys olдың ady aça çāt-qalğan. anañ äry ol aça endinöq şynuc a qar'at pergen. ol anañ erteninde pararğa etçiyanda — pajegi qurt'jaq ajtqan.

«Ты выйдешь из книги, не нашел (его); когда я три раза прятался, он меня все три раза находил». Потом хозяин сыну [его] сказал: «Ты завтра (спустясь) войди и скажи Одинокому парню: — Отсюда дальше в какой-то земле, говорят, есть золотой стол. Пусть Одинокий парень, отправясь на коне, тот золотой стол [ищет и] найдет. Если он (золотой стол) привезет, эту девушку Одинокий парень возьмет, и с нею жить станет!» — говорил.

[Потом] на другой день сын хозяина, сойдя под гору, с Одиноким парнем разговор завел: «Отсюда дальше в какой-то земле, слышно, есть золотой стол [говорил]. Если, (туда) отправясь, [ища] его найдешь (и) привезешь, девушку ты возьмешь, жить (с нею) будешь!» — [говоря] сказал. Тот парень сказал: «Где я тебе золотой стол найду и дам?» [Потом тот] Сын хозяина, так сказавши, вышел и домой возвратился.

Жена Одинокого парня речь держала: «Тебе запас, приготовив, дам я» — говорила. Она приготовила запас и ему дала. Прежде чем отправиться, он лошадь оседлал и взял с собою все вещи, чтобы не нуждаться (в пути). Перед самым отъездом девушка, одну книжечку написав, мужу дала, еще клубок ниток дала: «Этот клубок ниток впереди тебя будет катиться. Ты за ним сзади, не отставая, следовать будешь! Куда отправится (и где) остановится тот клубок ниток, ты там и ночуй!»

На другой день, когда он, оседлав лошадь, верхом сел, — тот клубок ниток сам впереди Одинокого парня так и покатился. На второй день опять, когда он отправился, клубок ниток впереди лошади покатился. До вечера ехал, в необитаемой земле ночевал.

На третий день опять поехал. Клубок впереди него опять катился; когда наступило время ночевать, (увидел, что там) [один] большой дом стоял. Из окна того дома белолицая девушка показала. [Тот] клубок, туда направляясь, у того дома остановился.

Одинокий парень с лошади соскочил, лошадь привязал (и) туда вошел. Когда он вошел, внутри дома три девушки ходили. (Он) у тех девиц спрашивал: «Мне у вас ночевать годится ли?» [говоря, спрашивал]. Девуцы: «Ночуй, ночуй!» — отвечали.

Там переночевал; утром, на заре, когда (он) лицо (и) руки мыл, к нему старуха [человек] с огромными ушами, висящими-болтающимися, подобно кечиму, вошла. Ее имя было старуха Свендей. «Я хочу Одинокого парня поскорее съесть!» — [говоря] говорила. Это соленое мясо откуда пришло?» — [говоря] спрашивала.

Одинокий парень, как только ее увидел и (то) услышал, испугался. Находящуюся в кармане, написанную его женою, книжечку из кармана вынул (и стал читать); когда он читал, старуха, сказавши — «Пай, пай, младший мой зятек, откуда ты приехал?» — Одинокого парня за руку взяла и в свой дом отвела. Потом она его угостила (и) ночевать оставила. Клубок ниток и конь Одинокого парня там (же) остались. Потом она ему [истинно] карего коня дала. Когда он [потом] на другой день собирался ехать, давешняя старуха сказала: «[Отсюда дальше] если долгое время ты станешь

«anañ äry para-para, mēñ pēcemniñ uñuñ çurtqa kirerziñ. mēñ uñuñ qam pēcem ałtyn stoldu pilze pilbeze, ol-ıa piler!»

anañ ol parybysqan. anañ pajegi ajtqan çeringe çedib-odyrza, pər ałtyn ɣy üstüngi öm turçytqan. añ üstündegi közənegineñ üş qys körçıyan. pər ol ömge qonarğa sänap, kirgen. anañ kirgeni—ol ömde üş qys çörçıyannar. ol üş qystañ surān: «meni poğa qondyrarzar-ba?» tep surān. qystar parçazy: qon-qon!» tep ajtqannar.

ağa qonyb-alyr, erteninde tözekteñ turala, tonanyb-alyr, çüzü, qolyn çunɣalaɣoq, pir kəzi ežikke synmān kirçıyan. tirinşoq çaby qulaqtuñ kizi kir-kelip, «paj, paj, tep, tüstun et qajdañ kele-berdi? tēn. tek tabəraq çip saɣyadyym!» tep ajdynyan. pajegi çayys ol knigezin sebineñ alyb-alyr, pajegi kižige tuda pergen. any ol kəzi qyrala — «paj, paj, öcy küzeçegim qajdañ kele-berdi?» tēn.

ede ajdala, çayys olдың qolənañ çedinib-alyr, öbin-zary aparbysqan. anañ any aş tabaq-pəla sijlap, çoqtaza-çoqtaza — «qajdyñ kerekke çördiñ?» tep ajtqan. çayys ol ajtqan: ałtyn ustañ tep ajdyłcar, any təlep pərçam. tēn. ałtyn ustañ qajdyñ çerde połar-ne, sen pilçañ-ma, egeçi?» tēn. egeçezi ajtqan: «ırde qamnāp synap pilerim!» anañ tañ azyra qamnāp ser-kelgen. ser-kelip, çoqtān: «men sağa ałty azaqtuñ aj qar'at pererim. sēñ min-kelgen adyñ poğa qalar!» tēn.

erteninde ałty azaqtuñ qar'adyñ ezerlep pergen. eñ pararda — ajtqan: «po tegri-sary kör, tep, po kezek qara pułut paryb-odyrar. qara pułutty körəp paryb-odyrarzyñ! tēn. para-para kelzen, kenetki ol qara pułut çoq pöl-parar. tēn. çoq pöl-parza, adyñny paštandyr-salyr, qamçy-ba šabary pelen turarzyñ — ustañ qajdañ qajdañ kelip, syndyq sanıdyq qajynyp terine paɣaɣa-parar. sen anañ aj qar'atqa matap ödyryb-alyr qaçyraryñ. ol ustañ syndyq sanıdyq qajyndoc, adyñny ucuqtyr şyğarzyñ. anañ paryb-odyrzañ, sōnañ qam sürüzib-ödurar. pər cerde taş ustolba połar. ağa çetkençe adyñny sağryzyn taıa šap qaçyraryñ! tēn.

çöptegen çöp-pe çedip, adyn nandəra paštandyr-saı, qamçyzyn öre ködür saı ödyriçyanda — ałtyn ustañ kel terine paɣaɣalyza-ıa pergende — ałty azaqtuñ aj qar'atqa qamçy šapqan. kele-kele, taş ustalbadañ çayys ol ertibisken. sōnañ sürgen qam açyğlanyp qalğan. «ox, tēn, adamnyñ açyju połzyn! qajran ülgen, ałtyn ustaıdy ałdyrybystays!» tēn.

ехать, ты въедешь в великое стойбище моей старшей сестры. Моя старшая сестра — шаман [если знает, если не знает], она одна только и может знать про золотой стол».

[Потом] он поехал. [Потом] когда (он) доехал до давешней земли, про которую она говорила, (видит) [один] двухэтажный дом стоит. Из окошка, вверху находящегося, три девицы смотрели. [Этот] (Одинокий парень), намереваясь в том доме ночевать, (туда) вошел. [Потом] когда (он) вошел, в том доме три девицы ходили. Он трех девиц спросил: «Мне здесь ночевать разрешите ли вы?» [говоря спрашивал]. Девицы все: «Ночуй, ночуй!» — [говоря] отвечали.

[Там] переночевав, на другой день лишь только встал с постели, (он) оделся, и не успел еще вымыть лицо (и) руки, (как уже) [один] человек, в дверь непопешающийся, (к нему) входил. Имеющий громадные отвислые уши (этот) человек, входя, говорил: «Пай, пай, [говоря] соленое мясо откуда (это) пришло? [говоря.] Похоже, что скоро я его съем!» [сам себе говорил]. Давешний Одинокий парень, книжечку из кармана вынув, давешнему человеку подал. Тот человек лишь только ее прочел: «Пай, пай, младший зятек мой, откуда приехал!» — сказал.

Как только так сказала, Одинокого парня за руки взяла и к дому его повела. [Потом] вином-едой угостила; [разговаривая (с ним) разговаривая]: «По какому делу едешь?» — [говоря] спросила. Одинокий парень отвечал: «За таким-то таким делом я хожу! [говоря]. Говорят, (что) есть золотой стол. Его отыскивая, езжу! [говоря]. Золотой стол в какой земле может находиться, знаешь ли ты, моя невестка?» [говоря]. Невестка [его] сказала: «Вечером камлая-ворожа, (я) узнаю!» [Потом] (она) камлала всю ночь до утра. Утихнув, перестав камлать, речь держала: «Я тебе карего коня, имеющего шесть ног, дам. Твой конь, на котором ты приехал, здесь остается» — говорила.

На завтрашний день (она) шестиногого черного коня оседлала и (ему) дала. Прежде чем ему отправиться, она сказала: «Смотри на [это] небо! Этот клочок черного облака будет двигаться (вперед), ты поедешь (вслед), следя за черным облаком [говоря]. Когда (так) ехать будешь — вдруг то черное облако исчезнет. Если оно исчезнет, (ты) направь вперед твоего коня по направлению, по которому едешь, (и) приготовься ударить (его) плетью. Стол откуда-то вдруг появится; застучав и загремев, (он сам) в тороки увяжется. Потом ты на карего коня плотно усевшись, гони (его). Когда тот стол загремит и застучит, тыпустишь твоего коня, так чтобы он взлетел. [Потом] когда ты поедешь, вслед за тобою будет гнаться шаман. В одном месте каменный столб будет [говоря]. Когда ты к нему станешь приближаться, твоего коня по крупу ударь и погоняй его» [говоря].

По сказанному случилось: Одинокий парень, поворотив коня [его], взмахнул плетью; как только золотой стол [придя] в его тороки увязался, он шестиногого карего коня плетью ударил. Ехал-ехал, Одинокий парень каменный столб проехал. Гнавшийся за ним сзади шаман (позади) остался

am çayys ol qoryqpān nānyb-odyrğan. pər tōyra çol-çe nānyb-odyrğan. pır çerde qara-ıa çayys om turçıyan. çayys ol aštabyşqan. ol ömge çet-kelip kirgen. kirele, çış çirge sananān. adyn kölek çerge paıyap saıyp, kirgen anañ kirgeni — ömde pır-dā nebe çoq poıyan, qara çayys pırle syrlyuq usta turçıyan. çayys ol aštap par, ajtqan: «aštabystım» tēn. anañ kiži erbek-tenibisken: «paj, paj! tēn, aštabyşqan poıyanda — seni āzyrajyn!» tēn. ede erbektenip ertōq, pajegi ustaıya artyq çajajyan paşqa tabaqtar çajjı-parıyan. çayys ol ol tabaqtan çirge pār ödyrəvyza-berip, ajtqan: «ēzi qol saıbānda — qajde çičen!» tēgen. ol ustaıdan pazoq erbektengen: «adañmoq çaqşy kiži poı. ten, pō çāzymıya qançe qalyqty āzyrap, sendiñ çaqşy kižini āzyrān körbedim!» tēn.

özere körünüşpēn, ol ustaıya iģele ödyryb āzyranıannar. çib-alyp, çayys ol aıyş ajtqan. ēzi ulamna çaqşy aıynıyan. anañ pararda — «ezen polzyn» tep ajdyb-alyp, şyq-parıyan. anañ adynıya miniñ-alyp nānyb-odyrza, pajegi pōzyn āzyran kēzi sōnda erbektençıyan: «çayys ol, ten, men myndazymoq, señ-me pırge-bim!» tēn. anañ ijgele çōqtaıyp paryb-odyrıannar.

anañ pajegi uluñ qamıya çedip kirgenner. uluñ qam pō küzezi çetkēnde — sıjlān. pajegi qam ajtqan: «mynda pər uluñ qoçajyn çatça, tedi, pır-dā iste-bençe, pōıa çapsyq etti çipçe.» tep.

ol pelenni çipçıyan qoçajyn ol çayys olıya pər qəzyl çalabaıyñ quş sıjlap pergen. āny perçadyp ajtqan: «sen pelenōq çı, men pelenoq çipçam!» tēn. anañ pajegoq egeçizinge kelgenner. anañ pajegi aıty azaqtıñ aj qar'atty ēzingoq pēr-saıyp, pōzynıñ ady-ba nānəbışqan.

anañ nānyr, pajegoq üş qysqa qonıyan çerge kelgen. anda pazoq edoq peleni çipçıyan pēr qoçajyn poıyan. ol qoçajyn pō çayys olıya pēr qyzy çalabaıyñ quş sıjlap pergen. anañ aya qōnyb-alyp, ol adyn qarçy pergen. pozānyñ adyn ezerleb-āl, nānyb-odyrıyan. pajegi çibiçek edoq tēgelenib ödyrdy. anañ ēn çerge qonyb aıyp, erteninde pazoq pardy.

anañ paryp, orta tünge çayyn aıyanda — öbinge çetti. öbaniñ ežigi aıynıya pās-kelze, öbiniñ ežigi közinegi çoq, tujuq stene pōı turçıyan. öbin üş qada ajlandyr-kelip, qyjıyrıany — aqçama stenedeñ ežikter, köznekter körünis-kelgen. an qaty ömneñ-oq qyjıyrıyan: «nō kiži-zıñ?» tep suraıyan. çayys ol: «men-min!» tep ajdyp, qyjıyrıyan. anañ qaty üdere şyyp, kōrəp qarçı kir-parıyan. çayys ol aıtyñ ustaıdy ākırıp saıym ortazynıya turıus-saıyan. anañ qaty — qajde çör-kelgenin — surab-odyrıyan. eri, teze, çōqtap perib-odyrıyan. am çōqtaıyb-alyp, uzu-bergenner.

erten tura-ıa pajegi qoçajynıñ oıly kiroq saıyan.

огорченный. «Ох, [говорил] отца моего огорчение пусть будет! Любезный Ульгень, золотой стол от нас отняли!» — говорил.

Теперь Одинокий парень, ничего больше не страшась, (домой) возвращался. Когда он по прямому пути возвращался, в одном месте единственный дом стоял. Одинокий парень проголодался. Доехав до того дома, (он туда) вошел. Лишь только вошел, сразу же намеревался поесть. Коня в тени привязав, он вошел. [Потом,] когда он вошел, в доме ничего не было, только один окрашенный стол стоял. Одинокий парень есть захотел и сказал: «Я хочу есть!» [говорил]. [Потом] (какой то) человек заговорил: «Пай, пай! [говорил] Если (тебе) есть хочется, накормлю я тебя!» [говорил]. Как только проговорил, сразу же на давший стол различные кушанья, превосходно приготовленные, расставляться стали. Одинокий парень, намереваясь ту еду есть, сказал: «Если хозяин руку не приложит, как без него есть!» [говорил]. Из-за того стола снова (кто-то) заговорил. «Какой ты хороший человек, [говорил] в моей жизни сколько народу я кормил, (такого) подобного тебе хорошего человека не кормил и не видел.» [говорил.] (Они) друг другу не показываясь, за тот стол вдвоем сели (и) угощались. Поев, Одинокий парень поблагодарил, — хозяин еще больше этим доволен остался. Потом перед тем как ехать, (Одинокий парень) сказавши «Прощай», вышел. [Потом] когда он сел на коня и назад возвращался, давший, кормивший его [самого] человек позади него разговаривал: «Одинокий парень, [говорил] я здесь же с тобою вместе!» — говорил. Потом вдвоем, (так) разговаривая, поехали.

[Потом] доехали до давшей великой шаманки. Великая шаманка, когда приехал [этот] зять [ее], (его) угощала. Давшая шаманка сказала: «Здесь один большой хозяин живет, [сказала] ничего не работает, (а) вкусное (мясо) есть» [говоря].

Тот хозяин, который все готовое ест, тому Одинокому парню [одну] птицу с красным гребнем подарил. Ее давая, (он) сказал: «Ты готовое также ешь, как и я готовое ем!» [говорил]. Потом к давшей невестке приехали. [Потом] давшего шестиногого карего коня хозяину он отдал, (а сам) на своем собственном коне возвращался.

[Потом] возвращаясь, в землю, где ночевал у давших [же] трех девиц, приехал. Там опять [один] хозяин был, также (все) готовое евший. Тот хозяин [этому] Одинокому парню [одну] с красным гребнем птицу подарил. [Потом] там переночевав, того коня назад отдал. Оседлав своего коня, (он) возвращался. Давший клубок ниток также катился.

[Потом] переночевав в пустынном месте, на другой день опять поехал. [Потом поехав,] когда время к полночи близилось, (он) до дому доехал. Когда (он) направился к двери дома, (оказалось, что) нет ни дверей, ни окон, сплошная стена стояла. Три раза дом [его] кругом обойдя, (он) крикнул, — откуда ни возьмись, в стене двери (и) окна — одни за другими — видимыми стали. Его жена из дому закричала: «Что ты за человек?» — [говоря] спрашивала. Одинокий парень: «Это я!» — ей в ответ крикнул. Потом его жена ему

anañ kirele, surady: «altyn ustaıdy akeldin-bol?» çagys ol ajtty: «qaragyn soı paryan-ma, pō ustaıdy körçadyp!» tedi. anañ qoçajyn oğly matap ačyjy kelip, šygybysty. šygyr, abazynça ajtty: «çagys ol dy sen ölçen çerge ysqanzyñ, am çagys ol altyn ustaıdy tāboq ākeltir», tedi. am pōny qajderbister!» anañ qoçajyn saıdatardy çybaldy, çagys oğly šağlabyzarça. anañ saıdattar kelip öbin ajlandəra turubysqannar.

anañ çagys ol qoçajynnér pergen qəzyğ çalaıbanyñ quštardy közənekten šyğara požadybysqan. anañ ol quštar pajegi qalyqty qyrybysqannar. anañ ol quštar ol qoçajynnyñ parçen nebelerin tügezoq täzybaldıannar çagys olça.

çagys ol ulamna pajlap, öbi altyn-ma kümüş-pəle syğaldyp, altyn ustaldyn oq polyp, çada pergenner.

навстречу вышла, посмотрела и назад вошла. Одинокий парень, внеся золотой стол, поставил (его) посреди пола. Потом жена его спросила: «Как съездил?» Муж ее рассказал. [Теперь] поговорив друг с другом, уснули.

Утром лишь только встали, давешний сын хозяина опять пришел. Как только вошел, спросил: «Золотой стол привез ли?» [сказал]. Одинокий парень сказал: «Твои глаза ослепли что ли, ведь ты видишь золотой стол!» [сказал]. [Потом] сын хозяина, сильно огорчась, вышел. Поднявшись на (гору, он) сказал отцу [его]: «Ты послал Одинокого парня в землю, где (люди) умирают. А Одинокий парень, оказывается, тот золотой стол нашел и привез!» [сказал]. Теперь что будем делать!»

[Потом] хозяин собрал солдат, чтобы послать их воевать с Одиноким парнем. [Потом] солдаты, придя, вокруг дома встали. [Потом] Одинокий парень птиц с красными гребнями выпустил через окно. [Потом] те птицы давешний народ уничтожили. [Потом те птицы] все вещи того хозяина перетасили к Одинокому парню.

Одинокий парень, все больше богатея, жить стал. Дом его украсился золотом и серебром. Они жили, владея [также и] золотым столом.

IV. purunyu čooq.

16

pādəyan tağ, ežəniñ dčy oğly bołyan. Olar igēle pašqa tajgaga qys quđaıap parıannar. ol dağdyñ eži larya aragaıyğ, ajaq pergen. oğly ol ajaqty aıb-alyr, abazynañ purnada izıbsken. anañ abazy gānəgyp, pałazyn šarqan. šarqan dzyba tegein oja šabysqan. añ gany gōlčaq pōı aqqan. po gōlčaq sōl prasqa kırčar.

17

časqyda agašqa pūr šyqālaqta, čerge ot öskelekte tağdyñ eži anda qyjgyrča. paždō küsköde, ot qurup tüş pāryanda, agaštyn pūrū qurup eñdēril-paryanda tağdyñ guıayy küsköde čaryq pōı-pārča, — anda qyjgyrča.

18

abıyan pažynda qazyryan ačqa čörčitqamda tağ, eži qyrča: «pērē gel, tep, nō gižə-zin?» tēdir. men qyryšpān pārbysqam. qyryžybsqanda kižəniñ quduñ aı-paryp, tağya pektebisčē. ol gəži ede aılynyp, — dıl-parar.

19

abıyanāñ šyqqan qajlozy tep sugdyñ pašynda qazyryan tep tässy. anda ačyqtap čörčitābys. aga ačyqtap čörčitābysta tijñ qadarčitqam. abıj teze anañ ary tijñ kōr pārsqan.

anañ tijñ qadar turčitāmda kəži pər qada qo'rān, igi qyrān. üžünčüde qy'ryššam. «mikit kel!» tep ajtčar. men ajčām: «čē, parām!» tepčām. pārb-odurāmda anda kəži čoq połyan. abije tōyaš-pardym: «nōrek-keldin?» tēdir. men ajčām: «sen qyrčynañ ary kelgem.» anañ kōrže, tajga eži qyrtyr.

IV. РАССКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ

16

У хозяина горы Падыган младший сын был. Они вдвоем в другую тайгу девичу сватать пошли. Той горы хозяин им чашку с водкой подал. Сын его (хозяина горы Падыган), ту чашку взяв, прежде отца выпил. Потом отец его, рассердясь, ребенка [его] ударил. Как ударил, темя его пробил. Его кровь, ручейком сделавшись, потекла. Этот ручеек впадает в Соль Мрассу.

17

Весною, пока еще на дереве не распустились листья, пока еще на земле не выросла трава, — тогда хозяин горы кричит. Также и осенью, когда трава, засохнув, клонится, когда листья деревьев, засохнув, опадают. Уши горы осенью начинают лучше слышать. Тогда (снова) кричит.

18

В верховьях Абакана на Казыргане, на промысел когда я ходил, хозяин горы позвал: «Сюда иди!» [говоря] «Что ты за человек?» — говорит. Я не откликнулся, — ушел. Если откликнуться, (хозяин) душу человека уносит внутрь горы и запирает. (Тогда) тот человек, [так] сойдя с ума, умрет.

19

В верховьях реки, называемой Кайлозы, стекающей с (хребта) Абакана, есть таскылы по имени Казырган. Там мы охотились. Когда туда на промысел мы ходили, я белку подстерегал. Отец же ушел [оттуда] дальше, белку выслеживая.

Потом, когда белку я подстерегал, (какой-то) человек один раз позвал, два раза позвал. Когда в третий раз я откликнулся: «Микит, иди!» — говорит. [Я говорю] «Хорошо приду!» — говорю. Когда пошел, там никого не было. Отца я повстречал. «Зачем пришел?» — говорит. Я говорю: «Я пришел, потому что ты меня звал!»

Оказалось — то хозяин горы кричал.

añnar pârçadyp, körgem: şet arazynçe qõrum tüş-partyr. oļ ýõrum orta-
zynda tündük-çyľaboq qar ojyl-partyr. oļ ojuqtañ tüñün şyuyb-ođurçä. aga
çet-parýp, kürçek-pöle qar suzub-aļyp, anāry urubýstym.

urubeza herip, pārbystym. paryb-ođurzam, sömda kēzi qyrçä: «põrügün»
perbezeñ, iligiñ»i per!» tedir. men pirdä nebe perben pārbystym. pârçadyp,
söm-zāry körgenim — pajagy ojuqtañ kēzi goñün şyaryp ködüsçä. oļ üs
qada surān «põrügün»i perbezeñ, iligiñ»i per!» tep. men pōrügümni-dä,
eligimni-dä perben pārbystym.

añ zõnda ačyqtañ kelgende arým; qam qamnatqam. oļ çam mēñ gudumny
rāq tajgadañ akele herdi. po taıdyñ ēzi mēñ qudumny āparbysqan boļtyr.
men oļ tüşterde pōrügümni ebeze iligimni peribisken boļzams, men agōq ol-
pār edim. qam ājçä: āby*yan tajgazýnañ pēr taıdyñ ēzi kelgen boļtyr toľa-
zarğa. oļar igēle toľaş-ođurçätqanda men aga orta qar tüžürübiskemde oļ
qar ābyyan taıyñyñ ēzēniñ qaragynga orta tüş-parýan pōļtyr. añ şõnda
meneñ nebe surān pōļtūr.

qyşqada qyşas-sāry pārcätqan poļyam. tağ ēzi minē qyjgyľan. in uqqam:
«qariton» qyrýan. men in perbām. añ zõnda ibide abem ajtqan: «çaqşy in
perbeniñ, anāry çabaļ poľar edē, aľayar ēdiñ», tepçār.

qāşyr tep tajgada añnar qaľyn poļyan: aľbýga, tijiñ, qāñdus, tūlgū,
qõľonaq, paşqa-paşqa añnardy ođürgenner. qõrumda kōp aľbýgaľar añnyqqa
qarqannar.

küskü kelgende qar tüş-pardy. şanaľaryn tıyrap, āşyq aļyp, sōrte-
lerin tartyngançe, oļ tajgaga parýannar. oļ tajgaga kelip, ođağ. turýuşup,
şāçyngannar. anañ añnā-pergenner.

añnar çörüp, añnardy ođür poľbānçalar. pēr ačyqçy kişi kün toza
añnar çörüp, aga pirdä añ toaşpān, pirdä nebe ođürben. qāryşq*y poľa
pergende odağyna nāñdēra kelçitqan. qačān ođağyna tebe kelçitqanda
sandige qaja kele-pergen. qajañ eziği ačylyğ poļyan. oļ añçy gişi aga kērgen.

oļ yajañ iştı odağ iştine çünüg poļyan. anda araga aşylçatýr. kōp kişeler
qart ojnarpçattyrlar. ijgişi taľaşyb-ođurçattýrlar. pirşi-pirşin sögüb-ođur-
çatyr. pirşi ajtçä: «mēñ tajgamda aľynda kōp añ poļyan. kişeler mēñ añna-

Охотясь, я увидел: среди густого хвойного леса россыпи камня упали.
Между тех россыпей снег растаял, (и получилось) будто дымовое отверстие.
Из того углубления дым выходит. Туда дойдя, кайком снег черпнув, туда
насыпал.

Насыпав, ушел. Когда шел, сзади за мной человек кричит: «Если шапку
твою не дашь, то хоть рукавицы дай!» — говорит. Я ничего не дал, ушел.
Ид, я оглянулся — из давешнего углубления человек руку высунул. Он
трижды просил: «Если шапку твою не дашь, [твои] рукавицы дай!» — говоря.
Я ни шапки, ни рукавиц не дал, — ушел.

После, когда с промысла пришел, заболел. Шамана заставил камлать.
Тот шаман мою душу из далекой тайги принес. Оказывается, этой горы
хозяин мою душу унес. Если бы я в то время [мою] шапку или рукавицы
отдал, я бы там же умер. Шаман сказал: «В то время из Абаканской тайги
один хозяин горы пришел (с другим) рассчитаться. Когда они вдвоем рас-
считывались сидели, я [в то время] снегу туда сбросил. Тот (ком) снега
хозяину горы Абакана прямо в глаз попал. После этого он стал просить
у меня вещь».

Зимю к реке Кызас я шел. Хозяин горы меня позвал. Голос я услы-
шал: «Каритон!» — кричал (он). Я не откликнулся. После этого, дома отец
сказал: «Хорошо, что ты голоса не подал, иначе худо бы было: ты б сошел
с ума».

В тайге по мевни Казыр много зверей было. (Там) соболя, белку, выдру,
лисицу, колонка, различных зверей убивали. В россынях много соболей
в сеть попадало.

Когда осень пришла, снег выпал, (люди) лыжи починили, запас взяли,
волокушу за собой волоча, в ту тайгу пошли. В ту тайгу придя в балаган
поставя, моление совершили. После того стали промышлять.

Охотясь, зверей убить не могут. Один охотник [-человек] целый день
[охотясь] ходил, — ему ни один зверь не попался. (Он) ничего не убил.
Когда темнота наступила, (он) к балагану направился. Направляясь к бала-
гану, к отвесной горе подошел. Дверь этой скалы открытой была. Тот
охотник [-человек] туда вошел.

[Той] скалы внутреннее устройство на юрту было похоже. Там гнали
водку. Много людей сидело и играло в карты. Двое ссорились. Друг друга
бранили. Первый из них сказал: «В моей тайге прежде много зверя было.
Люди моего зверя много убивали, тем сыты были. Ты меня обыграл, скот

vymny köp ötürb-ötüryanda anañ tōq poŷannar. sen mēni udub-aldy maŷarymny poşunnuñ tajganğa köçürbüstün, am teze, kişilerim aňnar çörüpirdä nebe ödür poŷbāncalar. aštā pererler». köp kişi qyjgyrşyçyqannar uyuşdu: «paşoq ojnarğa kerek», tep, qartaryn šelibistiler. ijginçi kişişi qatqyryp ajtty: «oŷ nō şaŷar! aň guş çoq!» paştapqoşy ajtty (oŷ Ʒasyr tajgan ėzi) «qystarymny sālƷp, pōşumnu emdegimni kōşıbe saŷarym!» anañ paşoq ojnar berdiler.

qāşyr tajgan ėzi udub-ál, qatqyrbyşa per, qartaryn šelobisti: «am, tedı, sen tajgadagy aň guşunnu nāndra kōçür-kör!» aň qātqyşona tajgada saŷyn saŷynap, çaş ağaştar pōgüldüler, çōn ağaştar myçyraş-turduŷar. oŷ qatqyşona aňçy kēşi qoruqqan oşuba oŷ tajgan iştinen şyqty. odağona kelap oŷ kerekti ajdarğa qoruqqan. erten aňçyŷar aňnar-parƷannarda Ʒarğa paşqa-paşqa aňnar toƷaşqannar. köp aňnar ödüre pergenner.

qačan aňnar kelgenerde-pēr apşij kēşi ajtty: «po tağdyñ ėleri qart ojnagannar. qart ojnar kelip, aňçy kişiğe aň-guş Ʒa pērçalar».

23

Ʒuqa āçqa parƷanda teren şuğ-ba tomnuñ iği arada pēr gajada quj poŷtur. oŷ oŷ qujga kirēge tapyt kezib-alypp, tōstañ ödus pyşqy edib-alıp kirgen.

oŷ Ʒuğçe (quj işti-be) para-para, aň pyşqyzy çetpēn gaŷyan — tözy-parƷan. oŷ Ʒuğ iştinde, qym üstünde uŷuğ kiçig çōŷ pildirgen. çyŷazaq azaqtar sarbaştarý çōŷu körüngēn. oŷ çōŷlardan arý myndyñ-oq çaryq çer körünçet-qan. tynda rāq ebes anañ arý kirip, anañ körgenin — nā qazan āzyr, araq tigip, anyñ izigi-be ėzip ezirgōlep, uŷuğ-kiçig kişeler serkişkilepçy-tqannar. anda kiçig şaraŷar, kiçig stakenner, uŷuğ Ʒşqaptar poŷtyr.

oŷ anañ arý kirege etkeni — pēr şaň oşqaş taş āzyŷyp qujbērān turçyŷan. any körb-alypp, mynañ arý parzam, po taş sōm şala tūžup tuyabazar, tēp parbān. anañ qarçy nān-şyq-kelgen.

24

kōbes tajgaga āçqa pardym. qarā usçādyr, orta tün sār-parƷanda usçān kel, körgenim — odağ, ežiginde pēr Ʒys, pēr oŷ tura-bertirler-. oŷuñ qı poğda pōrtük kēs-saŷtyr, qoşy aq pŷat tartyn-saŷtyr. anañ aby-mny usçādyr işpēn abyrtqadañ ilgēnde — çoq pōŷ parƷannar.

tağdyñ ėzi er-le gižoniñ gudun alça. tēži gižiniñin albāncā. tağ pärezi er, pärezi erçi poŷca. erçizi er gēžiniñ gudun qarçe qoşa er ediner.

той в твою собственную тайгу перегнал; теперь же мои люди на промысел ходят, ничего убить не могут — (они) голодать будут!» Слышно было, как много людей закричало: «Снова играть надо!» (Так крикнув) карты швырнули. Второй (из споривших) человек захохотал и сказал: «Что ставить он будет? Зверя-птицы нет у него!» Первый из них (из спорящих), хозяин тайги Казыра, сказал: «Дочерей моих поставлю, себя самого с женой [моей] вместе поставлю!» Потом опять стали играть.

Хозяин тайги Казыра выиграл, засмеялся, бросил карты и сказал: «Теперь [сказал] из твоей тайги [находящихся] птицу-зверя обратно гони-ка!» От его смеха в тайге ветер подул — молодые деревья пригнулись, толстые деревья затрещали. Этому смеха охотник сильно испугался. Из глубины чащи тайги вышел, к охотничьему стану пришел, об этом рассказать боялся. Утром, когда охотники отправились промыслять, им разные звери попадались. Много зверей убили.

Когда с промысла вернулись (и стали рассказывать), один старик [человек] сказал: «Это хозяева гор в карты играли. В карты играя, охотнику-человеку] зверя-птиц посылают».

23

Когда Лука на промысел пошел, при слиянии реки Терен-су с рекою Томь в скале одна пещера оказалась. Чтобы в ту пещеру войти, он ступеньки вырубил, из бересты тридцать факелов сделал и вошел (внутри).

Внутри той пещеры шел-шел, факелов его нехватило — все сгорели. Внутри той пещеры на песке [большая-малая] тропа показалась. Следы пальцев [ног] видны были. Дальше за этими следами светлая земля показалась, такая же, как наша здешняя. Немного подалее он увидел: новый котел был подвешен, там водку гнали: ее [теплоты] напившись, (люди) опьянели; старые и малые (люди) плясали. Там маленькие чаши, небольшие стаканы, большие шкафы были.

Он хотел пройти еще дальше, (но увидел) — один подвешенный камень начался как колокол. То увидев, не пошел, говоря: «Если отсюда дальше пойду, этот камень меня пропустит, сзади меня упадет и дорогу загородит». Дальше не пошел. [Потом] обратно вернулся и вышел (наружу).

24

На промысел в тайгу Кобес я отправился. Ночью, когда спал (и) когда миновала уже полночь, у двери шалаша одна девица, один парень появились. На парне была надета белая огромная шапка, у девицы белый платок повязан был. [Потом] (тогда) отца разбудил (и) свежей абырткой, из которой никто не испил, покропнул кругом, — они исчезли.

Хозяин горы женщина душу только мужчины берет, женскую душу не берет. Одни из хозяев гор — мужчины, другие — женщины бывают. Женщина душу мужчины ловит, чтобы мужем (его) сделать.

tört kiži qān tēgri-zarū aṅnap parıyannar. oł gızilderiñ pärezi pōstañ kēzi poıyan. ācyqtañ nāncādyp, mātyr peltəri aıtyna igi perste poıar çerde ābyyanıñ arıyzynda qongannar. Irde ödurčötqanynda pər ıys kēzi kelip surān: «mynda pōstañ kiži par-ba?» tep. pər arıyštary ajdybısqan: «pōstañ giži par!» tep. ede ajtēytqanda pir arıyštary oł ajcyyan kizēniñ aqsyn čapšyra tuđa mañnanmān qaıyan. anañ oł ıys postañ öıdy kelip, qolēnañ čedinib aıyp, appārbysqan. qaıyan arıyštary čolyn körgenneri — suğ gāzyn-ya-ıa kire partyrıar. anañ āry čollaryn tappan qaıyannar. anañ-na ūzele ūglerēne nānybysqannar.

tag. ēzi qıryanda pilčıyan kēzi qıryšpānča. pilbēnčıyan kiziler qıryšybısqanda tag. ēzi apārbysčā. oł gižini ajıtyrbān, aqsyn čapšera tudubısqan poıza, oł pōstañ öıdy apparbas ēdi. oł öıdy aqtap tappān qaıyannar.

tag. ēziñ emčēgi ulug. oł ıaran ēr edinerge kizige kelip qojnaš-čāča. pilčıyan gižälēr igi emčēgineñ tudüb aıyp, āñ-oq pāzynañ āzra šelibsčalar. ede etkende: «sen mēñ erim poıbāndyrzyn!» tep, pārbysčā. kēzi abyrtqa-ba šācyñmānda, emčēgin ede etpēnde oł tag. ēzi gudun qāp apārbysčā. āñ zōnda oł gēzi aılynyp, qāmnap, sarnā-berdi. ede poıyp, anañ čöre-čörē öı parčā. pazbq ajčā: men tag. ya čörčām. čiš čibēnča. ede öı-pārčā.

pir kiži aṅnap čörgen. Irde (ır čät keldi) odun aıb aıyp, odunnu kezib aıyp, odağ ya taşygan. tajgaga kiži ūktep šyqty. pir tişi kişi aga kelebergen. oł gēşi ēyłaš poıyan.

aga kelgende epči kişi ojnap kelip, oł kişini qyıcyyaštady. añcy qoruqqan. anañ šōnda ot ištep saıyp, qaızan aşılb aı, tabaq čib aıyp, añcy ottuñ pər čanga ödur-saıyan, oł epči kişi teze ötare ottañ ašera ödur-saıyan. uşurğa teze añcy qōruqqan. anañ oł nō-ıa poıza, oł poızun tep, — myıtygyn aıb aıyp, oł epči kişiniñ emček araşyn kör-kelip, ādybısqan. oł epči kiži čoq poıbusqan.

āñ šōnda añcy tajgaga parıp körze, qarda qan qaıtyr. pō epči kişi tag. ya parıyanda, anañ oł tag. dıñ ištinde qystary syqtaşqannar: «qanče-qanče»

Четыре человека к хребту Хав-Тегри охотиться пошли. Один из тех людей был холостой человек. Возвращаясь с промысла, (они) заночевали на острове на реке Абакане, двумя верстами ниже того места, где с ней сливается р. Матур.

Когда они вечером сидели, какая-то девица [человек] подошла и спросила: «Здесь холостой человек есть ли?» Один из товарищей сказал: «Есть холостой человек!» И когда (он) так говорил, ни один из товарищей не успел зажать рот тому говорящему человеку. Потом та девица [придя] холостого парня за руку взяв, увела. Когда оставшиеся товарищи посмотрели, — (эти) следы доходили только до берега реки. Дальше следов не нашли. Тотчас же втроем домой вернулись.

Когда хозяйка горы зовет, знающий человек не откликается. Если же незнающие люди откликнутся, хозяйка горы (их) уводит. Если бы тому человеку не дали говорить, и если бы ему закрыли рукой рот, (она) того холостого парня не увела бы. Того парня совсем не нашли.

У хозяйки горы Сольшие груди. Она ночью, когда к человеку приходит, чтобы сделать его своим мужем, обнявшись, с ним ложится; знающие люди, обе груди ее подхватывают и через ее же голову их перекидывают. Когда так делают: «Ты моим мужем не станешь!» — говоря, уходит (прочь). Когда (так не поступят и потом) абирткой не покропят [и с грудью так не делают], та хозяйка горы, душу схватив, уносит. После того тот человек сходит с ума, начинает камлать и петь. Ходит и ходит (кругом) и потом умирает. Еще говорит: «Я ухожу внутрь горы!» Пищу не ест (и) так умирает.

Один человек охотился. Вечером дрова собирал; дров тех нарубив, к шалану таскал. В тайге (кто-то) крикнул. Тогда какая-то женщина [человек] к нему пришла. [Тот человек] то была голая женщина.

К нему пришла, женщина [человек] стала играть с охотником и щекотать его. Охотник испугался. После этого развел огонь, повесил котел, еду поел; охотник сел по одну сторону огня, а та женщина [человек] напротив, по ту сторону огня села. Заснуть же охотник побоялся. После того он сказал: «Будь, что будет!» — [говоря] ружье взяв, в ту женщину, между грудей прицеляясь, выстрелил. Та женщина исчезла.

Когда после этого охотник в тайгу пошел и посмотрел, (он увидел) на снегу кровь осталась. Когда эта женщина [человек] ушла (внутри) горы, [потом внутри] в той горе девицы рыдали: «Сколько-сколько охотников мужьями сделав, разве ты не насытилась? К этому охотнику зачем пошла,